

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 3 2020

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минняров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Е. Н. Сердобинцева, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
В. С. Давтян, доктор политологических наук, доцент (Ереван, Армения)
А. Д. Доника, кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, профессор (Волгоград, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. В. Звонова, кандидат педагогических наук, доцент (Москва, Россия)
Ю. В. Мездриков, доктор экономических наук, профессор (Саратов, Россия)
А. В. Скляренко, кандидат педагогических наук, доцент (Хабаровск, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2020.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2020.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 3 2020

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Yerevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancosova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
E. N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
doc. **Vage S. Davtyan**, Ph.Dr. (docent v oboru politologie – Jerevan, Arménie)
Alena D. Donika, Candidate of Medical Sciences, Doctor of Sociology, Assistant Professor (Volgograd, Russia)
doc. **Diana V. Efimova**, CSc. (docent v oboru psychologie – Penza, Rusko)
doc. **Elena V. Zvonova**, CSc. (docent v oboru pedagogike – Moskva, Rusko)
prof. **Yuriy V. Mezdrikov**, Ph.Dr. (profesor v oboru ekonomie – Saratov, Rusko)
doc. **Alena D. Sklyarenko**, CSc. (docent v oboru pedagogike – Khabarovsk, Rusko)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2020.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- Рахмонов Ё. Ф., Набижонов Б. С., Апанасюк Л. А.**
Ипотечное кредитование: современное состояние, динамика развития 9
- Хлопов О. А.**
Четвертая промышленная революция: вызовы Китая глобальному технологическому лидерству США..... 15
- Nguyen Tu Thien**
Impacts of the industrial revolution 4.0 on the development of agriculture in the Mekong delta, Vietnam today 22

ФИЛОСОФИЯ

- Демченко О. Н., Демченко И. В., Семенов Г. В.**
Факторы эволюции христианства в современном мире 30

ПРАВО

- Горелов Ю. Г.**
Адвокат как субъект урегулирования юридических конфликтов 37
- Евстигнеева М. С., Федоров А. Г.**
Особенности правового регулирования отношений, вытекающих из договора простого товарищества 40
- Савельев О. Н., Федоров А. Г.**
Концепция права собственности в историческом аспекте 44

ПЕДАГОГИКА

- Белянская М. Х.**
Дистанционное обучение в школе: реалии и перспективы 49
- Жмурова И. Ю.**
Трансформация математической подготовки бакалавров педагогического образования в условиях дистанционного обучения 53
- Звонова Е. В., Лендина А. В.**
Уровень притязаний и самоактуализация как основа успешности сотрудников DIGITAL сферы 56
- Ломако З. А.**
Развитие познавательной деятельности студентов в процессе решения задач 61
- Andekina R. E.**
Review of theoretical aspects of higher education system in post-soviet countries and Kazakhstan 66
- Danielyan T., Harutyunyan A.**
Types of differentiation used in teaching ESP at technological universities 72

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D. Principles of conducting training in the field of occupational health and safety in blue-collar positions in construction	75
--	----

МЕДИЦИНА

Горшков А. А. Эпидемия: анализ течения Covid-19 (вирусной пневмонии) с нетяжелыми симптомами	79
---	----

Табачкова А. С. Анализ кадрового состава врачей стоматологического профиля Республики Мордовия	82
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

Кашина О. П. Проблема субъективного ощущения счастья современной женщиной.....	85
--	----

Филиппова А. А. Влияние характера человека на выбор стиля одежды	89
--	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Nguyen Thi Phuong The application of Ho Chi Minh's thoughts on promoting the mass mobilization work of the communist party of Vietnam currently	96
--	----

Saydaliyeva N. Z., Nazirov M. M. Youth policy as a priority area of sustainable development	104
---	-----

Правила для авторов	112
---------------------------	-----

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2020 году	114
--	-----

Информация о научных журналах.....	115
------------------------------------	-----

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	116
--	-----

CONTENTS

ECONOMICS

- Rakhmonov Y. F., Nabizhonov B. S., Apanasyuk L. A.**
Mortgage lending: current state, dynamics of development 9
- Khlopov O. A.**
The fourth industrial revolution: China's challenges to US global technology leadership..... 15
- Nguyen Tu Thien**
Impacts of the industrial revolution 4.0 on the development of agriculture
in the Mekong delta, Vietnam today 22

PHILOSOPHY

- Demchenko O. N., Demchenko I. V., Semenov G. V.**
Factors in the evolution of Christianity in the modern world 30

LAW

- Gorelov Yu. G.**
Lawyer as a subject of settlement of legal conflicts 37
- Evstigneeva M. S., Fedorov A. G.**
Features of legal regulation of relations arising from the agreement
of simple partnership 40
- Saveliev O. N., Fedorov A. G.**
Concept of ownership in the historical aspect 44

PEDAGOGICS

- Belyanskaya M. H.**
Distance learning in schools: realities and prospects 49
- Zhmurova Yu.**
Transformation of mathematical training of pedagogical education bachelors
in the conditions of distance learning 53
- Zvonova E. V., Lendina A. V.**
The level of claims and self-actualization as a basis for the success of employees
in the digital sphere 56
- Lomako Z. A.**
Development of students ' cognitive activity in the process of solving problems 61
- Andekina R. E.**
Review of theoretical aspects of higher education system in post-soviet countries
and Kazakhstan 66

Danielyan T., Harutyunyan A. Types of differentiation used in teaching ESP at technological universities	72
Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D. Principles of conducting training in the field of occupational health and safety in blue-collar positions in construction	75

MEDICAL

Gorshkov A. A. Epidemic: analysis of Covid-19 (viral pneumonia) with mild symptoms.....	79
Tabachkova A. S. Analysis of the personnel of doctors of a stoma-tologic profile of the Republic of Mordovia.....	82

PSYCHOLOGY

Kashina O. P. Проблема субъективного ощущения счастья современной женщиной.....	85
Филиппова А. А. Влияние характера человека на выбор стиля одежды.....	89

POLITICAL SCIENCE

Nguyen Thi Phuong The application of Ho Chi Minh's thoughts on promoting the mass mobilization work of the communist party of Vietnam currently	96
Saydaliyeva N. Z., Nazirov M. M. Youth policy as a priority area of sustainable development	104
Rools for authors	112
Plan of international conferences held by the universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2020.....	114
Information about about scientific journals	115
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	116

УДК 33

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Ё. Ф. Рахмонов
Б. С. Набижонов
Л. А. Апанасюк

*Студенты,
доктор педагогических наук, доцент, профессор,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

MORTGAGE LENDING: CURRENT STATE, DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Y. F. Rakhmonov
B. S. Nabizhonov
L. A. Apanasyuk

*Students,
Doctor of Pedagogy, associate professor, professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

Abstract. The article analyzes the price index on the primary and secondary housing market; the dynamics of mortgage lending development in the Russian Federation from 2016 to 2019 has been determined; five major banks with state participation that occupy leading positions in the market have been identified; the growth rate of the volume of mortgage loans issued by banks presented in the article is determined; the bids on the primary and secondary markets are indicated based on the terms of the initial payment.

Keywords: mortgage lending; primary market; secondary market; housing; price index; interest rate; down payment.

Существенную роль в развитии и совершенствовании банковской системы в стране играет ипотечное кредитование. Рынок ипотечного кредитования способствует экономическому развитию страны и влияет на инфляционные процессы в стране. Используя механизмы привлечения финансовых ресурсов в жилищное строительство, рынок ипотечного кредитования способствует увеличению объемов и развитию жилищного строительства. Развитие рынка ипотечного кредитования способствует улучшению жилищных условий граждан и, как следствие, повышению качества жизни населения.

По данным АО «ДОМ.РФ», за первый квартал 2020 г. количество выданных кредитов составило 308,7 тыс. штук. Доля кредитов на первичном рынке составила 27,1 %, на вторичном – 72,9 %. Объем вы-

данных ипотечных кредитов составил 762 млрд. рублей. Доля кредитов на первичном рынке составила 33,8 %, на вторичном – 66,2 %. Средневзвешенная ставка в рублях на первичном рынке – 7,82 % годовых, на вторичном – 9,03 %. Средний размер кредита – 2,5 млн рублей. Доля просроченной задолженности по ипотеке свыше девяноста дней составила менее 1,4 % [1]. Существенная доля ипотечных кредитов выдана с государственным участием. В рамках программы «Семейная ипотека» выдано 21,6 тыс. кредитов на сумму 52,9 млрд. рублей. В рамках программы «Дальневосточная ипотека» выдано 2,2 тыс. кредитов на сумму 8 млрд. рублей.

Введение режима самоизоляции в РФ повлекло снижение спроса на жилье: лишь 24 % россиян считают данный мо-

мент времени удачным для приобретения жилья [2]. Снижение экономической активности, рост безработицы, сокращение доходов населения сформировало существенные риски. В современных условиях объем ипотечных кредитов существенно сократился. Президент РФ поручил принять ряд мер для поддержки экономики страны, финансового рынка и стабильности банковской отрасли. Для поддержки ипотечного кредитования была предложена ипотечная льготная программа. Она базируется на выдаче кредитов в новостройках по ставке не выше 6,5 %. За несколько недель реализации данной программы было получено 47000 заявок, из них одобрено 31000, заключено 6800 кредитных договоров на сумму 17,3 млрд. рублей.

Анализ индекса цен на первичном рынке по данным Государственного комитета статистики РФ показывает существенные изменения за исследуемый период на данном рынке (таблица 1). Индекс цен на первичном рынке квартир среднего класса увеличился за последний год на 8,5 %. Индекс цен на квартиры улучшенного качества на первичном рынке жилья увеличился на 7,2 % [3]. Наибольший прирост наблюдается на категорию элитных квартир – там индекс цен увеличился на 10,3 %. Если рассматривать индекс цен на все рассматриваемые категории квартир, то можно выделить положительную динамику: за последний период показатель вырос на 8 %.

Таблица 1

**Индексы цен на первичном рынке жилья в РФ
(на конец периода, в % к предыдущему периоду)**

Наименование	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Квартиры среднего класса	100,4	102,7	104,5	108,5
Квартиры улучшенного качества	98,4	100	107,8	107,2
Элитные квартиры	104,6	100,2	102,9	110,3
Все квартиры	99,6	101	106,3	108

Индекс цен на вторичном рынке жилья в РФ на конец 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. на квартиры среднего класса вырос на 4,3 % (таблица 2). Лишь по итогам 2016 и 2017 гг. индекс цен имел отрицательное значение – снизился на 3,7 % и 2,2 % соответственно. Индекс цен на квартиры улучшенного качества в 2019 г. показывает прирост и со-

ставляет 4,1 %. В 2016 и 2017 гг. наблюдается снижение на 2,4 % и 0,9 % соответственно. Индекс цен на элитные квартиры остается в положительной динамике. Прирост показателя в 2019 г. составляет 0,6 %. Индекс цен на вторичном рынке (рассматривая все категории квартир) увеличился на 3,8 % в 2019 г.

Таблица 2

**Индексы цен на вторичном рынке жилья в РФ
(на конец периода, в % к предыдущему периоду)**

Наименование	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Квартиры среднего класса	96,3	97,8	104,3	104,3
Квартиры улучшенного качества	97,6	99,1	103,9	104,1
Элитные квартиры	101,6	99,7	102,2	100,6
Все квартиры	97	98,7	104,1	103,8

Рассмотрим динамику развития ипотечного кредитования в РФ с 2016 по 2019 гг. (таблица 3). Количество выданных ипотечных кредитов в России с 2016 по 2019 гг. имеет устойчивую положительную тенденцию роста. За исследуемый период с 2016 г. по 2019 г. показатель увеличился на 48,2 %, (412,9 тысяч штук).

Объем выданных ипотечных кредитов в РФ за четыре года увеличился на 93,2 % (1374,7 млрд. рублей). Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам в рублях снизилась на 2,61 %. Средний размер кредита в рублях увеличился на 30 % (0,52 млн. рублей) [4].

Таблица 3

Динамика развития ипотечного кредитования в РФ (2016–2019 гг.)

	2016	2017	2018	2019	Абсолютное отклонение (2019 г. от 2016 г.)	Относительное отклонение (Тр.), %
Количество выданных ипотечных кредитов, тыс.	856,4	1087	1471,8	1269,3	412,9	148,2
Объем выданных ипотечных кредитов, млрд. руб	1473,5	2021,9	3013,1	2848,2	1374,7	193,2
Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам в руб, %	12,48	10,64	9,56	9,87	-2,61	
Средний размер кредита в рублях, млн. рублей	1,72	1,86	2,05	2,24	0,52	130

Объем задолженности по выданным кредитам с 2016 г. по 2019 г. вырос на 67 % (3,01 трлн. рублей). Объем просроченной задолженности 90 дней и более за

исследуемый период уменьшился на 2,36 %. Процент всей задолженности сократился на 1,25 % (таблица 4).

Таблица 4

Объем задолженности по выданным ипотечным кредитам в РФ

	2016	2017	2018	2019	Абсолютное отклонение (2019 г. от 2016 г.)	Относительное отклонение Тр., %
Задолженность по выданным ипотечным кредитам, трлн. руб	4,49	5,19	6,41	7,5	3,01	167
в т.ч. с просрочкой 90 дней и более, млрд. руб	119	113,6	114,1	116,2	-2,8	97,64
% всей задолженности	2,65	2,19	1,78	1,4	-1,25	

По данным аналитического центра «Рус ипотека» и аналитической информации Центрального банка РФ наблюдается устойчивое снижение ставок, предлагаемых кредиторами (таблица 5).

Таблица 5

Процентные ставки по ипотечному кредитованию в РФ, %

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Апрель 2020 г.
Процентная ставка, среднее значение	12,48	10,64	9,56	9,4	9,37
Первичный рынок	11,55	10,41	9,37	9,3	9,29
Вторичный рынок	13,09	10,75	9,56	9,5	9,46

За период с 2016 г. по 2019 г. процентная ставка по ипотечному кредитованию в РФ снизилась на 3,08 %: по итогам 2019 г. составила 9,4 %. На первичном рынке процентная ставка с 2016 г. по 2019 г. снизилась на 2,25 %. На вторичном рынке снизилась на 3,59 %. Исходя из данных за апрель 2020 г. процентная ставка на первичном и вторичном рынке продолжает снижаться.

По итогам 2019 г. снизился показатель концентрации ипотечного рынка. Крупные банки с госучастием продолжают занимать лидирующие позиции на рынке. К ним относятся «Сбербанк» (доля рынка составляет 42,1 %), «ВТБ» (доля рынка – 22,2 %), «Газпромбанк» (3,5 %), «ФК Открытие» (3 %), «Альфа-Банк» (3 %) (таблица 6).

Таблица 6

Банки-лидеры – участники ипотечного кредитования по итогам 2019 г.

№	Наименование банка	Объем выданных ипотечных кредитов в 2018 г., млн. руб.	Объем выданных ипотечных кредитов в 2019 г., млн. руб.	Тр. (2019 г. к 2018 г.), %	Тпр. (2019 г. к 2018 г.), %
1	Сбербанк	1563,4	1282,2	82,01	-17,99
2	ВТБ	670,6	675	100,65	0,65
3	Газпромбанк	149,2	107,2	71,84	28,16
4	ФК Открытие	33	92	278,78	178,78
5	Альфа-Банк	30,3	91,7	302,64	202,64

Объем выдачи ипотечных кредитов пяти лидирующих кредиторов банков составил 73,8 % рынка (рис. 1).

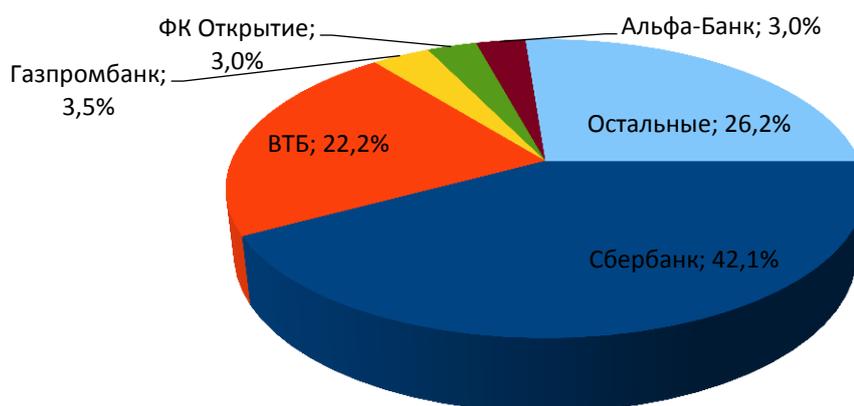

Рис. 1. Доля рынка ипотечного кредитования пяти лидирующих банков по итогам 2019 г., %

Лидирующую позицию участников ипотечного кредитования занимает «Сбербанк». Объем выданных ипотечных кредитов в банке по итогам 2019 г. снизился на 17,99 % по сравнению с аналогичным периодом в 2018 г. и составляет 1282,2 млн. руб. Вторую позицию занимает «ВТБ». Объем выданных ипотечных кредитов увеличился на 0,65 % и составил по итогам 2019 г. 675 млн рублей. На третьем месте «Газпромбанк»: объем выдан-

ных ипотечных кредитов составляет 107,2 млн. рублей, что на 28,16 % меньше показателя 2018 г. Четвертую позицию занимает «ФК Открытие»: объем выданных ипотечных кредитов в 2019 г. увеличился в 1,78 раз. На пятом месте – «Альфа-страхование»: объем выданных ипотечных кредитов вырос за год в 2 раза.

Согласно мониторингу аналитического центра «Рус.ипотека» в пятерку лидеров по минимальной процентной ипотеч-

ной ставки входят «Сбербанк», «ВТБ», «Газпромбанк», «РОСБАНК», «ФК Открытие» (таблица 7) [5].

Таблица 7

Ставки по ипотечному кредитованию РФ, апрель 2020 г., %

№	Наименование банка	Первичный рынок, первоначальный взнос, %				Вторичный рынок, первоначальный взнос, %				
		110	115	330	550	110	115	220	330	550
1	Сбербанк	99,7	110,1	99,7	99,7	99,6	99,6	99,2	99,2	99,2
2	ВТБ	99,9	99,9	88,9	77,9	99,9	99,9	88,9	88,9	77,9
3	Газпромбанк	99	99	88,5	99	99	99	88,5	88,5	99
4	РОСБАНК	110,39	110,39	99,89	99,89	110,39	110,39	99,89	99,89	99,89
5	ФК Открытие	111,2	111,2	110,2	110,2	110,9	110,9	99,9	99,9	99,9

Исходя из условий первоначального взноса по ипотечному кредиту на первичном и вторичном рынке, по данным за апрель 2020 г., банки – лидеры по ипотечному кредитованию – предлагают привлекательные процентные ставки по ипотечному кредитованию: чем больше первоначальный взнос, тем ниже ставка.

Государством на сегодняшний день активно ведется работа по совершенствованию механизма реализации интересов участников рынка ипотечного кредитования и улучшению мер по повышению доступности жилья [6]. Снижение процентной ставки по ипотечным жилищным кредитам, увеличение срока кредитования, совершенствование и разработка новых программ поддержки кредитования, разработка и реализация комплексных мер по привлечению инвестиций в жилищное строительство, внедрение механизмов фиксирования, а также разработка и внедрение новых государственных программ поддержки населения позволят решить ряд основных задач в системе ипотечного кредитования в современных экономических условиях.

Библиографический список

1. Ставки снижаются [Электронный ресурс]: дом.пф. URL: <http://xn--d1aqf.xn--p1ai/upload/iblock/12e/12ebffa735abe3290ecdd8632e516f70.pdf> (дата обращения 03.06.2020 г.).
2. Рейтинги и индексы. Индекс кредитного оптимизма (доверия) [Электронный ресурс]: wciom.ru ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_kreditnogo_doveriya (дата обращения 03.06.2020 г.).
3. Индексы потребительских цен по Российской Федерации [Электронный ресурс]: gks.ru Государственный комитет статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/housing/tab9.htm (дата обращения 11.06.2020 г.).
4. Аналитика рынка [Электронный ресурс]: дом.пф. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/media/analytics> (дата обращения 11.06.2020 г.).
5. Ипотека. Аналитические обзоры [Электронный ресурс]: rusipoteka.ru URL: <http://rusipoteka.ru/files/analytics/ri/2020/monitoring-ipotechnyh-stavok-17-aprelya-2020.pdf> (дата обращения 16.06.2020 г.).
6. Рахмонов Ё.Ф., Апанасюк Л.А. Доступность ипотечного кредитования // Тенденции развития науки и образования. 2020. №62. Ч.6. С.71-74.

© Рахмонов Ё. Ф.,
Набижонов Б. С.,
Апанасюк Л. А., 2020.

**ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ВЫЗОВЫ КИТАЯ
ГЛОБАЛЬНОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ЛИДЕРСТВУ США**

О. А. Хлопов

*Кандидат политических наук, доцент,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

**THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION:
CHINA'S CHALLENGES TO US GLOBAL TECHNOLOGY LEADERSHIP**

O. A. Khloпов

*Candidate of Political Sciences,
associate professor,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Abstract. The article analyzes the impact of the fourth industrial revolution on relations between the China and the United States in the field of high technologies. Today, the two powers are involved in serious systemic rivalry and geopolitical competition, which are based not only on military-political and economic differences, but also on information technology. For China and the United States, achieving excellence in innovative industries is a national priority. Information technology, robotics, semiconductors and other high-tech technologies are becoming multipliers of soft and hard power. The author argues that the United States is trying not to lose their global leadership and understand the competitive advantages of China during a period of profound changes in the balance of power in the world.

Keywords: industrial revolution; information technology; competition; USA; China.

Происходящие изменения на международной арене, усиливают влияние развивающихся стран, стремление к миру, стабильности подрывается растущей конкуренцией гегемонизмом, политикой силы, односторонними действиями странами Запада. Сегодня в мире возрастает международная стратегическая конкуренция в области высоких технологий, цифровизации, мировой экономики и торговли. Не желая уступать лидирующие позиции, США своими односторонними действиями спровоцировали и усилили конкуренцию между ведущими странами мира. Значительно увеличив свои оборонные расходы, Соединенные Штаты начали создавать дополнительные мощности в ядерной, космической, кибернетической и противоракетной обороне, что подрывает глобальную стратегическую стабиль-

ность. Растут проблемы международной и региональной безопасности, а безопасность отдельных стран становится все более взаимосвязанной и во много зависит от современных высоких технологий.

Китай и четвертая промышленная революция. Для большинства наблюдателей становится все более очевидным, что Китай прилагает энергичные, поддерживаемые государством усилия по вытеснению Соединенных Штатов из мирового технологического лидерства. Эти усилия продиктованы не только коммерческими соображениями, но и геополитическими. Пекин считает, что конкуренция за технологии – это не только то, чьи компании будут доминировать на определенных рынках. Речь также идет о том, какая страна лучше всех сможет возглавить мир.

Лидеры Китая часто рассматривают технологии и экономический обмен через призму политических взглядов, как способ создать, или избежать зависимости, укрепить мощь Китая. Эта точка зрения, по-видимому, уходит корнями в традицию коммунистической партии Китая, а также в его историю. «Век унижения» Китая, который простирается от Опиумных войн до основания Китайской Народной Республики в 1949 г., рассматривается как результат неспособности страны достичь «богатства и власти» по сравнению с промышленно-развитым Западом и Японией" [10]. Соответственно, технический прогресс понимается как средство достижения «богатства и власти», будь то во время стремления Китая к созданию стратегического оружия во время правления Мао Цзэдуна или его стремления достичь того, что его преемник Дэн Сяопин назвал «четвертой модернизацией» науки и техники. Коммунистическая партия Китая считает, что мир вступил в период «великих перемен, невиданных за столетие». В основе этих изменений лежит сдвиг в балансе сил между Соединенными Штатами и Китаем, и одним из ключевых факторов этого изменения является начало нового раунда технологических инноваций, которые руководитель КНР Си Цзиньпин и другие политики иногда называют "четвертая промышленная революция".

Хотя идея «четвертой промышленной революции» впервые появилась на Всемирном экономическом форуме в 2015 г., эта концепция была поддержана Коммунистической партией Китая. Как утверждал Си Цзиньпин в своей речи 2018 г.: «От механизации первой промышленной революции в XVIII веке до электрификации второй промышленной революции в XIX веке и до информатизации третьей промышленной революции в XX веке», каждый раунд «революционных технологических инноваций» сформировал историю.

Термин «четвертая промышленная революция» был впервые введена в обще-

ственную дискуссию Клаусом Швабом, исполнительным председателем Всемирного экономического форума, в статье 2015 г., опубликованной в журнале "Foreign Affairs". В 2016 г. К. Шваб опубликовал книгу под названием «Четвертая промышленная революция». С тех пор термин «четвертая промышленная революция» (4ПР) стал широко использоваться для определения и анализа влияния новых технологий на все сферы развития в начале XXI века: от эволюции социальных норм и политических взглядов до экономического развития и международных отношений.

К. Шваб включает в эту четвертую эру технологии, сочетающие аппаратное обеспечение, программное обеспечение и киберфизические системы, делая упор на достижения в области коммуникации и взаимодействия. Шваб ожидает, что эта эпоха будет отмечена прорывами в новых технологиях в таких областях, как робототехника, искусственный интеллект, нанотехнологии, квантовые вычисления, биотехнологии, Интернет, беспроводные технологии пятого поколения (5G), 3D-печать и полностью автономные транспортные средства.

Концепция четвертой промышленной революции утверждает, что технологические изменения являются движущей силой преобразований, касающихся всех отраслей и слоев общества. В ней подчеркивается идея о том, что на определенных этапах истории возникают технологии, которые имеют последствия, выходящие далеко за рамки повышения эффективности производства. Промышленные революции – это революции в окружающих нас системах, постепенные, последовательные изменения в сложном взаимодействии между людьми и техникой, приводящие к трансформации развития, к новым способам восприятия и действия [11].

По сути, 4ПР представляет собой серию значительных сдвигов в способах создания, обмена и распределения экономи-

ческих, политических и социальных ценностей. Эти сдвиги связаны с появлением новых технологий, которые охватывают цифровой, физический и биологический миры, и они наиболее эффективны, когда сочетаются и усиливают друг друга. В современной технологической культуре, которая распространяется по всему миру, 4IR представляет собой то, что Шейла ЯсанOFF назвала «социотехнологическим воображаемым» [6].

Четвертая промышленная революция призвана вывести стратегический диалог за пределы цифровой революции, которую другие описывали как переход от индустриальной эпохи к информационной [13]. Эти технологии – робототехника, передовые материалы, генетические модификации, Интернет, дроны, нейротехнологии, автономные транспортные средства, искусственный интеллект все больше интегрируются в наше физическое, социальное и политическое пространство, изменяя поведение человека, содержание смыслов и отношений между государствами.

Особенности промышленных революций. Промышленные революции – это больше, чем просто эпохи, когда разрабатываются и внедряются новые технологии. Это времена технологических изменений, которые имеют определенный набор характеристик и которые выходят за рамки скрытых технологических возможностей.

Первая промышленная революция, которая впервые возникла в Великобритании в XVIII веке, принесла с собой как паровую силу, так и фабричную политику. Сочетание мощности пара и механизированного производства привело к скачкообразному изменению объемов производства. Этот динамичный рост производительности дал толчок урбанизации, росту региональной и глобальной рыночной экономики, новым формам демократических правительств и росту среднего класса в западном полушарии [8]. Эта промышленная революция также дала импульс научным и

техническим исследованиям и стимулировала предпринимательство.

Вторая промышленная революция, которую Вацлав Смиль убедительно датировал периодом между 1867 и 1914 гг., представляет собой следующую волну системных изменений, которые объединились вокруг современной веры в то, что наука, технологии и прогресс во многих отношениях является судьбой для человечества [12].

Предприниматели применяли науку для конечных целей производства, и результаты привели к серьезным изменениям в стандартизации, технической сложности и точности производства, а также крупномасштабным технологическим инфраструктурам, такие как электрические сети и новые виды общественного транспорта на базе двигателя внутреннего сгорания.

Третья промышленная революция, начавшаяся после Второй мировой войны, кардинально изменила теорию информации и силу данных. Она сформировала послевоенный мир, который нуждался в новых экономических структурах, когда менялись представления о месте человека в космосе, мире природы, ядерной энергии и политическом порядке. Ее результаты создали новые потоки обмена информацией, которые продолжают формировать ценности, знания и культуру. Быстрый прогресс в направлении увеличения вычислительной мощности привел к тому, что мир стал более взаимосвязанным и сложным.

Как и предшествующие промышленные революции, Четвертая промышленная революция открывает новые возможности для людей, отраслей и стран. Искусственный интеллект, Интернет, и потенциал квантовых вычислений обещают лучшую оптимизацию систем, а технологии, блокчейна демонстрируют полезность, выходящую далеко за рамки появления криптовалют и цифровой идентификации.

Руководители Китая считают, что следующее десятилетие во многом определит, кто возглавит следующую промыш-

ленную революцию. В КНР понимают, что новый виток технологической революции и промышленных изменений (искусственный интеллект, большие данные, квантовая информация и биотехнологии), одновременно предлагают возможность для скачкообразного развития, и позволят Китаю обойти устаревшие системы и обогнать конкурентов.

Стратегические преимущества Китая в XXI веке. Лидеры Китая уже давно используют фразу «догнать и превзойти» для описания своих технологических амбиций, при этом США и Запад считаются важнейшим ориентиром. Но революционные технологические изменения, по мнению некоторых экспертов, сегодня делают эту высокую цель действительно достижимой [2]. И хотя партийные чиновники, как правило, осторожно описывают амбиции Китая, многие комментарии и материалы аналитических центров, предполагают, что превосходство Соединенных Штатов в области высоких технологий положит конец их эре глобального лидерства и возвестит о начале лидерства Китая.

Китайские политики и эксперты соглашались с тем, что технологии находятся в центре конкуренции между США и Китаем и в следующем десятилетии между Китаем и Соединенными Штатами начнется конкуренция за четвертую промышленную революцию. Китай считает, что у него хорошие возможности для того, чтобы обойти Соединенные Штаты в борьбе за четвертую промышленную революцию, и что у него есть четыре основных преимущества: 1) большие инвестиции в НИОКР; 2) высшие институты и промышленная политика, поддерживающая амбиции Китая; 3) производственное мастерство и центральная роль в глобальных цепочках поставок; и 4) более надежная операция по установлению глобальных технологических стандартов, которые могут определить будущее ключевых отраслей.

Во-первых, Китай извлек уроки из истории, выработав собственный подход к

фундаментальным научным исследованиям. Пекин признает, как когда-то Соединенные Штаты, что такие исследования не могут полностью поддерживаться рынком и частным сектором, а должны поддерживаться общественностью. По оценке Национального научного фонда, общие расходы Китая на НИОКР примерно эквивалентны расходам США, хотя экономика Китая меньше [7]. По другим оценкам, НИОКР, финансируемые правительством Китая, также уже превышают федеральные расходы США на НИОКР, а в технологиях, ставших ключевыми в Четвертой промышленной революции, различия значительны. Китай тратит примерно \$2,5 млрд. в год, скромная сумма, которая, тем не менее, по оценкам, более чем в десять раз превышает расходы США в секторе с критическим экономическим и стратегическим потенциалом [9]. В дополнение к этим ежегодным расходам Пекин также планирует потратить около \$10 млрд. на строительство Национальной лаборатории квантовой информации. Точно так же в области искусственного интеллекта Китай тратит столько же, сколько Соединенные Штаты, а возможно, и больше, согласно оценкам Джорджтаунского центра безопасности и новых технологий [1].

Во-вторых, Китай считает, что его институты лучше приспособлены для мобилизации государства, общества и рынка на проведение промышленной политики для достижения технологических амбиций страны. Именно потому, как утверждает в своем исследовании Раш Доши, Великобритания заменила Испанию, Соединенные Штаты заменили Великобританию и почему Китай не может вытеснить Соединенные Штаты [3].

В США пристально следят за экономическим, технологическим и военным развитием Китая. Среди американских экспертов и политиков есть полное понимание того как КНР бросает вызов мировому технологическому лидерству США и его амбициям по доминированию над тем,

что китайские лидеры часто называет «четвертой промышленной революцией». Обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются США при переориентации или диверсификации цепочек поставок, которые в настоящее время базируются в Китае, а также при сохранении своего технологического лидерства.

На слушаниях в комитете Сената по торговле, науке и транспорту в июле 2020 г. состоялись слушания по необходимости перестройки экономической политики США для повышения устойчивости и конкурентоспособности перед вызовом Китая и усилиям, которые необходимо предпринять Соединенным Штатам усилению конкурентоспособности. В частности были предложены рекомендации для политики США, по нескольким широким категориям необходимых усилий: 1) сбор информации; 2) государственная координация; 3) иммиграция и фундаментальная наука; 4) реформы корпоративных и финансовых стимулов; и 5) координация политики с союзниками и единомышленниками.

1. Сбор информации для экономической стратегии. Американские эксперты предлагают, чтобы правительство США рассмотрело вопрос о создании организации, которая может проводить аудит цепочки поставок товаров в США и разрабатывать строгие требования к отчетности по цепочкам поставок для промышленности. Более того, как показала недавняя пандемия, федеральное правительство часто плохо понимает, пока не становится слишком поздно, насколько некоторые важные отрасли промышленности (например, фармацевтический сектор) зависят от импорта из Китая и других стран. Усилия, которые уже предприняты для аудита цепочек поставок важнейших полезных ископаемых и предметов медицинского назначения, должны быть распространены на широкий спектр критически важных и высокотехнологичных отраслей США, институционализированы в федеральном правительственном учреждении и подкреплены обя-

зательными требованиями к отчетности для отраслей [4].

2. Согласование экономической политики и стратегии. США следует рассмотреть возможность принятия четырехлетнюю национальную стратегию конкурентоспособности. Принятие такого документа и процесс его разработки могли бы помочь привлечь внимание к экономическому и технологическому лидерству США, согласовать работу различных агентств и заставить задуматься о внутренних и международных тенденциях в долгосрочной перспективе.

3. Усиление сильных сторон Америки в иммиграционной политике и НИОКР. Эксперты настаивают на том, что США должны способствовать иммиграции высококвалифицированных специалистов в Соединенные Штаты. Американские лаборатории в авангарде Четвертой промышленной революции во многом зависят от аспирантов из самых разных стран. Например, примерно 80 % аспирантов в области электротехники и информатики являются иностранными гражданами. США должны в четыре раза увеличить федеральные расходы на НИОКР, чтобы идти в ногу с Китаем, и обеспечить, чтобы их увеличение выходило за рамки наук о жизни. В процентном отношении к ВВП федеральное правительство США тратит только 0,61 % ВВП на НИОКР – это один из самых низких показателей за семьдесят лет. Поскольку расходы правительства США на исследования сокращаются, расходы Китая в ближайшие годы могут превысить 2,5 % ВВП. По этой причине предлагается удвоить или утроить федеральные расходы на исследования, что позволит нам идти в ногу с Китаем.

4. Реформа стимулирования долгосрочного планирования и конкуренции. Предлагается рассмотреть антимонопольные меры для повышения устойчивости США в важнейших отраслях, особенно тех, которые необходимы для здоровья и безопасности США. Эксперты полагают, что конкуренция между ведущими фир-

мами в этих важнейших отраслях с большей вероятностью приведет к более низким ценам, более качественной продукции, устойчивости промышленности и большим инновациям. Следует также рассмотреть реформы финансового сектора и налоговой политики, которые должны быть сосредоточены на принятии долгосрочных решений.

5. *Совместные усилия с единомышленниками и в ключевых институтах.* Поощрять более широкое сотрудничество в области фундаментальных научных исследований между Соединенными Штатами и их ключевыми союзниками и партнерами, которые вместе составляют в два раза больше расходов, чем Китай. Предлагается ослабить некоторые препятствия между людьми для более тесного сотрудничества между союзниками и партнерами (например, визовая политика), а также поощрять исследовательские организации в области фундаментальной науки к большему взаимодействию с союзниками и партнерами, что могло бы помочь обострить технологическое превосходство Америки.

Заключение. Термин и концепция четвертая промышленная революция не носят сугубо академического характера. Она призвана понять взаимодействие между людьми и технологиями в то время, когда достижения в области вычислительной мощности, биотехнологий, искусственного интеллекта, возобновляемых источников энергии, дают новые большие возможности и несут проблемы. Следовательно, значение этой революции заключается не в ее дальнейшем определении, а в ее понимании и формировании ее воздействия на характер взаимоотношений между государствами.

Поскольку Соединенные Штаты и Китай стремятся защитить свои потребности в области национальной безопасности и свои экономические интересы, борьба между двумя державами все больше сосредоточивается в области высоких тех-

нологиях. Китай активно конкурирует с США и борьба за технологии "переписывает" правила и действия в эпоху, когда национальная безопасность, экономическая мощь и цифровые технологии тесно взаимосвязаны. Китай запустил амбициозный план по доминированию в сферах информационных технологиях, суперкомпьютерах, искусственном интеллекте и других передовых отраслях, вложив огромные ресурсы в усилия, которые он считает решающими для развития страны.

Такой натиск вызвал тревогу в Вашингтоне, поскольку политики и законодатели опасаются, что американские компании и США могут потерять свои преимущества на глобальном рынке. Конгресс США взял на себя центральную роль в разработке подходов для сопротивления китайскому лидерству в четвертой индустриальной революции. В свою очередь, Китай становится все более и более изощренными в том, как получить доступ к технологиям в США. Нарастающая технологическая конкуренция ведет к новому типу противостояния между этими государствами. В этих условиях глобальному обществу, следует построить устойчивую мировую экономику, адаптировать и модернизировать модели управления по руководству новыми технологиями, основанные на ценностях сотрудничества.

Библиографический список

1. Ashwin A., Zachary A. Chinese Public AI R&D Spending: Provisional Findings. Washington, DC: Center for Security and Emerging Technology. 2019. URL: <https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/Chinese-Public-AI-RD-Spending-Provisional-Findings-1.pdf>. (дата обращения 01.08.2020).
2. Baird J. Gewirtz. China's Long March to Technological Supremacy // Foreign Affairs, August 27, 2019.- URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-08-27/chinas-long-march-technological-supremacy> (дата обращения 14.07.2020).
3. Doshi R. The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order. Oxford: Oxford University Press. 2021

4. Gertz G. How to Deglobalize // Foreign Policy. July 24. 2020 - URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/24/how-to-deglobalize/> (дата обращения 01.08.2020).
5. Herman A. The Quantum Computing Threat to American Security // Wall Street Journal. November 10. 2019. -URL: <https://www.wsj.com/articles/the-quantum-computing-threat-to-american-security-11573411715> (дата обращения 14.07.2020).
6. Jasanoff Sh. Dreamscapes of Modernity (London: University of Chicago Press, 2015).
7. Khan D., Robbins C., Okrent A. The State of U.S. Science and Engineering .Washington, DC: National Science Foundation. 2020. - URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20201/global-r-d>. (дата обращения 25.07.2020).
8. Macpherson C.B. The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford: Oxford University Press. 1962.
9. Orville Schell, John Delury. Wealth and Power: China's Long March to the Twenty-First Century. New York: Random House. 2013
10. Schell O., Delury J. Wealth and Power: China's Long March to the Twenty-First Century. New York: Random House. 2013.
11. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. New York: Crown Publishing. 2016.
12. Smil V. Creating the 20th Century: Technical Innovations of 1867-2014 and Their Lasting Impact. New York: Oxford University Press. 2005.
13. Toffler Al. The Third Wave. Bantam Books. 1980.

© Хлопов О. А., 2020.

UDC 33

IMPACTS OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION 4.0 ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE MEKONG DELTA, VIETNAM TODAY**Nguyen Tu Thien**

*PhD Student,
e-mail: mr.thien.ct.vn@gmail.com,
Academy of Journalism and Communication (AJC),
Hanoi, Vietnam*

Abstract. The Industrial Revolution 4.0, based on the achievements of the digital revolution, has contributed greatly in promoting the application of science and technology in production. These are favorable conditions for Mekong Delta agriculture to develop in an integrated manner, helping to improve the quality of growth, enhance competitiveness and create a favorable legal environment for businesses in production and business, in technology transfer and innovation. The impacts of Industrial Revolution 4.0 on agriculture will change the way of managing agriculture, from production, processing, exchange to consumption. Achievements of the digital revolution can be applied to all of these stages in order to save input materials, lower production costs, ensure food safety and limit environmental pollution in the Mekong Delta in the future.

Keywords: The Industrial Revolution 4.0; digital revolution; legal environment for businesses.

1. The Industrial Revolution 4.0 and agriculture in the Mekong Delta of Vietnam**1.1. Overview of the world industrial revolutions and the Industrial Revolution 4.0**

Over the past 250 years, humankind has witnessed and experienced three industrial revolutions that has brought about tremendous changes. The First Industrial Revolution took place around 1784 with the use of water and steam power and production mechanization. In this revolution, production methods changed from manual to mechanical thanks to the invention of the steam engine. This revolution created higher labor productivity, even dozens, hundreds of times higher than preceding manual labor. Moreover, the First Industrial Revolution also showed the possibilities of performing many tasks which could not be done before if using just human and physical strength.

The Second Industrial Revolution took place from about 1870 to the outbreak of World War I with the use of electric power and the introduction of large-scale mass production lines (electricity, transportation, chemicals and steel production). This revolution set new premises and solid foundations

for developing the industry at a higher level. Countries' economies changed rapidly thanks to the Second Industrial Revolution and labor productivity increased hundreds and thousands of times higher than small-scaled production.

Human's next breakthrough was the formation of the Third Industrial Revolution in the 1970s with the introduction of automated manufacturing based on computers, electronics and the Internet. This revolution created a relatively new production method compared to the past and labor productivity also increased dramatically. Some tasks originally done by human could be replaced by machines. Human lifestyles, habits, and cultures also changed and developed accordingly.

The Fourth Industrial Revolution (also known as the Industrial Revolution 4.0) which is being formed on the basis of the Third Industrial Revolution, began to appear in the middle of last century. This revolution is a combination of technologies to create resonance between the fields of physics, digital and biology. The Industrial Revolution 4.0 is built based on digital revolution, characterized by the Internet which is increasingly popular and mobile. It is a trend of combining real and virtual systems, Internet of

Things (IoT) and Internet systems (IoS). Nowadays, digital technologies with computer hardware, software and network systems are becoming more and more complex and integrated, thus making profound and deep change to human society. Economically, this revolution is expected to redraw the world's economic map with the strong rise of countries developing mainly based on modern technology, innovation and creativity; on the other hand, countries that rely heavily on resource exploitation will diminish their power and gradually lose the position. The Industrial Revolution 4.0 has a profound impact on production, consumption, business organization and creativity; creating state-of-the-art goods and services such as service robots, self-driving cars, drones, remote surgery..., which used to be considered to be impossible.

It can be seen that the Industrial Revolution 4.0 opens up many opportunities and also poses challenges for every country, organization and individual. In Vietnam, it has been affecting strongly and increasingly all economic sectors and social life. Recently, the Party and State of Vietnam have directed all levels and sectors to promote the application and development of science, technology and innovation, do research and improve access capacity so as to actively participate in Industry 4.0. In particular, on September 27, 2019, the Politburo issued Resolution No. 52-NQ/TW on a number of guidelines and policies to actively participate in the Fourth Industrial Revolution. The Resolution identifies that Vietnam needs to take full advantage of the opportunities brought about by the Industrial Revolution 4.0 in order to accelerate the process of renewing the growth model, restructure the economy associated with the implementation of strategic breakthroughs and nation modernization; strongly develop the digital economy; develop fast and sustainably based on science-technology, innovation and high-quality labor; improve the quality of life and welfare of the people; ensure national defense and security, protect the ecological environment.

1.2. An overview of the Mekong Delta and agricultural sector in the Mekong Delta

Overview of the Mekong Delta

The Mekong Delta is a large delta, rich in ecology and fertile alluvial soils, with mountains, forests, and numerous rivers. The boundary of the Mekong Delta is delimited by: the North borders Cambodia; the East borders Vam Co River, Ho Chi Minh City; the South borders the East Sea; and the West borders the Gulf of Thailand. It is located in the end part of the Mekong river basin and is the southernmost point of Vietnam. The Mekong Delta consists of Can Tho City and 12 provinces: Long An, Dong Thap, Tien Giang, Vinh Long, Tra Vinh, An Giang, Bac Lieu, Ca Mau, Kien Giang, Soc Trang, Ben Tre and Hau Giang.

Provinces and cities in the Mekong Delta are home to many ethnic groups, including 4 main groups: Kinh, Hoa, Khmer and Cham. Therefore, the culture here is very diverse and plentiful, expressing Vietnamese cultural identity and showing the culture integration at once. Apart from religions introduced from the outside such as Buddhism, Catholicism, Islam, Protestantism, in the Mekong Delta, there are other religions appearing only in areas with obvious local nuances such as Buu Son Ky Huong, Tu An Hieu Nghia, Cao Dai, Hoa Hao.

According to the General Statistics Office, the population of the Mekong Delta is currently about 16.2 million people (accounting for 23 % of the national population), with 82 % of the population living in rural areas and 18 % in urban areas. The economic structure of the Mekong Delta shifts towards agriculture – industry and services sectors, with a tendency of increasing proportion of industry and services and reducing proportion of agriculture. Over the past time, the economic structure in the whole region has changed but still focuses mainly on agriculture while industry and services account for only a small proportion with a slow upward trend.

Agriculture in the Mekong Delta

Firstly, the agricultural economy of the Mekong Delta ranks first in the country in terms of area, output and value. Currently, the Mekong Delta provinces have the leading agricultural land area in the country, with 2,606.5 thousand hectares (equivalent to 25.53 % of the whole country). The agricultural production value of the region accounts for 33.3 % (in 2011) of the national agricultural value, 1.91 times higher than that of the Red River Delta; 2.28 times higher than that of the North Central and South Central Coast region; 3.24 times higher than that of the Northern Midland and Mountainous area and 3.19 times higher than that of the Southeast region ...

Secondly, the Mekong Delta is the largest orchard of the country with many popular specialties. Provinces in the Mekong Delta have an area of nearly 300,000 ha, with a total production of over 3 million tons of fruits per year. Fruit exports in the Mekong Delta are well-developed with the expansion of export markets across many continents. Currently, there are over 30 kinds of specialty fruits with high economic value such as: Hoa Loc mango, green pomelo, Nam Roi pomelo, dragon fruit, durian, longan, Mac Bac sapodilla, banana, pineapple, citrus fruits... that are grown following VietGAP and GlobalGAP standards. In the coming time, the development of fruit trees in the Mekong Delta is associated with the focus on developing processing industry and consumption market. At the same time, the selection of key fruit trees with high productivities and competitiveness is also paid attention with a favorable investment policy to develop specialized cultivation areas and build brand for each product.

Thirdly, the fishing economy is a key sector of the region. Fishery production of the Mekong Delta provinces currently accounts for more than 56.62 % of the country's total fishery production, capture fishery production accounts for 39.97 %, and aquaculture area accounts for 72.00 %. The fishing econ-

omy contributes 30–35 % to the GDP of the agriculture-forestry-fishing sector, with the growth rate of production value reaching 8–10 % per year. Fishing export turnover reaches 8–9 billion USD. The total fishery products reaches 6.5–7 million tons, of which aquaculture accounts for 65–70 % of total production. With this advantage, the fisheries of the Mekong Delta is a key economic sector with mass and highly competitive products, a large export turnover, capable of self-investing and developing, contributing significantly to the socio-economic development of the region.

Fourthly, the agricultural economy of the Mekong Delta region is facing climate change. Coastal forest ecosystem in the Mekong Delta plays a very important role in protecting the coast, the environment and supplying woods. It is also the living and production place of a part of coastal people. However, the ecosystem here is directly affected by climate change with severe consequences. Every year, coastal erosion in the region takes place at a relatively high speed (over 40m). The system of sea dykes and river estuary dykes is not strong enough to withstand the threat of natural disasters. The area and quality of the coastal mangrove belts is not guaranteed to protect the sea dyke system and prevent natural disasters. In addition, the mangrove deforestation for cultivation, aquaculture, forest exploitation and land use has not been controlled and is even increasing, significantly reducing the area and quality of mangroves. As a result, salinity intrusion occurs earlier and negatively affects the life and rice production activities of people, especially in coastal areas.

2. The role and impact of Industry Revolution 4.0 on the development of agriculture in the Mekong Delta, Vietnam at present

2.1. The role of technology 4.0 application in the development of agricultural products in the Mekong Delta, Vietnam at present

With the adverse events caused by climate change and environmental pollution, the agricultural industry in the Mekong Delta is facing a great challenge, forcing the region to change its ways of thinking and acting. In the new context, the region's agricultural production must be based on the application of technology, especially the high and the latest technology of the Industrial Revolution 4.0. The application of Industry 4.0 technology plays a huge role in the development of agricultural products in the Mekong Delta at present.

Firstly, increase productivity, output, quality and cost of agricultural products. The application of digital technology will assist the process of planning, calculating seasonal cost and sales, collecting, analyzing environmental information, and controlling equipment to keep the agricultural production environment follow the set procedure. Currently, the Mekong Delta has built cluster factories to process food, vegetables, catfish, shrimp... and promoted cooperation in developing systems of processing, drying and storage at the same time. The region also gives priority to investment and financial support for research, the transfer and application of modern and mechanized technologies; investment in research and processing by-products from farming and agricultural products. Local authorities have invested over VND 1,600 billion to support the implementation of more than 7,000 production models, contributing to improving production efficiency by 15–20 % [6].

Secondly, replace human labor and speed up some production stages, perform the functions of production, processing, transportation and market supply. This is the direct effect of science and technology in the role of application and replacing human labor. Industrial Revolution 4.0 contributes to applications in transporting agricultural products. Currently, although Vietnam is a major manufacturer and supplier of agricultural products in the world, about 40 % of the products are damaged during transportation, causing great waste for the

economy. The successful application of Industry Revolution 4.0 will help to better control the transportation process, limit the damage rate of agricultural products, especially fruits and vegetables, aquatic products during transport .

Thirdly, create plant varieties and animal breeds with high quality and productivity. In recent years, the application of technology has helped create some high-yielding rice varieties such as Jasmine 85, OM4218, OM 6976 and OM 4900, fruit trees, some shrimp varieties with high yield and quality such as whiteleg shrimp, tiger prawn... In addition, Industry 4.0 creates technologies to prevent and eradicate diseases, clean technologies, preservation technologies to help increase the price of agricultural products when supplying to the market. The development of gene technology and biotechnology from the achievements of the Industrial Revolution 4.0 allows the Mekong Delta to create, build and form plant and animal breeds suitable for the intended use.

2.2. The impact of Industrial Revolution 4.0 on the development of agriculture in the Mekong Delta, Vietnam at present

Science and technology is considered as a breakthrough solution to develop a green and high value-added agriculture. In the process of applying science and technology in agriculture, the Industrial Revolution 4.0 creates valuable opportunity and new potentials for application for the Mekong Delta. However, the region is also facing many challenges.

Positive impacts:

Firstly, on process innovation.

Reality shows that the application of cloud computing in transporting agricultural products is very necessary. It helps control the truck temperature, prevent vegetables and seafood from being damaged during transportation. In addition, new innovations in the information technology can increase farmers' adaptability to changes by increasing access to weather and market information.

It is very essential for the Mekong Delta to apply Industry 4.0 technology achievements in serving the development of e-

government and smart cities, as well as solving relevant issues in dealing with climate change, increasing production and export agro-fishery products.... The application of smart technology has helped to exchange, connect and provide information from manufacturers, businesses to the researchers and to the places with available technology to help agriculture and fisheries be smarter and more efficient, develop sustainably.

In the development of agriculture, the Mekong Delta is a major source of food, fruit and fisheries, playing an important role in the nation's food security and export strategy for rice and aquatic products. Annually, the Mekong Delta provides 95 % of rice export and 60 % of fisheries exports. It is also one of the largest specialty fruit growing areas for domestic and export demand [7]. In the past time, specialty rice varieties has been introduced for cultivation, a part of traditional rice area has been replaced with high-value vegetables, fruit trees. The Mekong Delta also promotes the "four linkages" strategy to syndicate agricultural products by expanding links with processing centers in the region and across the country, contributing to improving the value of agricultural products. The linkage is one of the important solutions to build a comprehensive and sustainable commodity agriculture in the Mekong Delta.

In the field of cultivation, the structure of plants and crops shifted strongly towards commodity production suitable to each region's advantages and adapt to climate change. In the restructuring of crop production, the basic trend is to diversify crops to gradually reduce the monoculture situation, especially rice; gradually increase the proportion of other crops with economic efficiency, especially industrial crops, fruit trees, specialty plants, vegetables, beans, onions, garlic, ornamental plants of high economic value. The structure of rice crop in the Mekong Delta region has changed in the direction of increasing the area of Winter – Spring crop, reducing the area of Summer – Autumn crop, increasing productivity and quality of rice,

increasing economical efficiency of rice cultivation area. Local long-day rice varieties adapted to deep water such as VND 404, VND 95-19, MTL 250, MTL 392, MTL 449, OM 4498, OM 2395, OM 1257, OM 3405, Nang thom, Nang Huong are fairly widely used. The transfer and application of rice production process following VietGAP standards has significantly improved product quality in the market to meet the requirements of food hygiene and safety. Many localities have signed contracts with scientists from the Mekong Delta Rice Institute, Can Tho University to provide rice seeds and many other crop varieties suitable to each soil region, ensuring high productivity and good quality.

Secondly, on agricultural technical innovation.

The development of biotechnology allows to select and create new plant varieties and animal breeds which are more suitable for the intended use. This has a strong impact on the productivity and the quality of crops and animals, thereby increasing the added value in each agricultural product. A typical example is the application of breeding giant river prawn in An Giang province. This is the technology of breeding all male giant river prawn, originated in Israel. Male giant river prawns weigh about 200–300 grams heavier than females and the growth of males is faster than females. In the past, all-male prawn farming was usually done manually by separating the males from mixed populations. However, this method is relatively time consuming with high labor cost while shrimp quality is not guaranteed. Applying effective biotechnology to produce all-male prawns in fact can increase income by up to 60 % for the farm. The application of new scientific and technological achievements in rice production has also brought significant achievements. Currently, 100 % of the rice production area in the Mekong Delta has been mechanized in tillage stage; rice area applying sowing seeds by row accounts for about 20 % of the total rice production area.

The rice area harvested by combined harvester is 95–98 %, contributing to improving the rice quality and reducing post-harvest losses significantly.

Rural areas in Mekong Delta is flourishing with many innovations. Many key agricultural economic regions have been formed such as the Long Xuyen Quadrangle focusing on developing agriculture – forestry, building materials industry and tourism; the western region of Hau river forms a high-quality rice production region; U Minh Thuong area has developed the model of shrimp-rice rotation and aquaculture; coastal areas focus on ecotourism, aquaculture and offshore fishing... As of June 2019, the whole region had 528 communes meeting new rural standards (accounting for 40.6 %), 2,7 times higher than 2015. In addition, irrigation systems and disaster prevention are initially innovated to meet climate-change adaptive agriculture. Activities to handle urgent erosion of river banks and coasts have been implemented, 36 urgent treatment projects have been prioritized with a total budget of VND 2,500 billion [8]. These results have contributed to rural economic restructuring and income generation. The per capita income in rural areas in 2018 of the Mekong Delta reached about 36.7 million VND (2.4 times higher than in 2010 and 1.1 times higher than in 2016), higher than the national average (35.88 million) [9].

Thirdly, on the production organization method.

Access to technology has helped the agricultural economy change its traditionally small-scale and self-sufficient production organization method. A typical instance is the "Best rice cultivation" model of My Dong Cooperative (Dong Thap province) collaborating with Rynan Smart Fertilizers Company to cultivate Jasmine variety using intelligent cultivation (slow-fertilizing and spraying bioproducts once, using a solar sensor to regulate the water level). This model has helped to achieve a yield of 7 tons of rice per ha, while reducing the variety from 200 kg/ha to 60–80kg/ha, reducing fertilizer, reducing the

number of pesticide sprays from 5 to 3 times, pests are reduced and labor is saved.

Along with cultivation, the animal husbandry industry has also changed from small-scale and scattered husbandry to the form of large-scale farms focusing on industrial and semi-public methods. The whole region has formed a number of large-scale breeding models, gradually increasing according to the farm economy model. With the implementation of developing breeding and leaning pig herds program, Ca Mau province has over 5,000 foreign breed pigs with fast weight gain, high lean rate, low feed cost and shortened breeding time. Breeding of crossbred Sindhi cow has also been expanded, many provinces have strongly developed animal husbandry under the farm economy model.

Negative impact:

Firstly, the region's agriculture is mainly based on natural resources and cheap labor, thus facing many difficulties due to limited capacity in absorbing technology and innovation, low labor productivity. In fact, although the Mekong Delta has many potentials and strengths, its development is still not commensurate with its potential. In particular, Industry 4.0 technology has not been systematically and effectively applied, the region has not exploited all resources and strengths. The product competitiveness is quite low. Products are exported mainly in unprocessed form, resulting in low economic efficiency. Regarding macroeconomic management, there are still significant limitations for exports, such as lack of synchronous planning, lack of long-term and sustainable development strategies while the processes of production, processing, consumption and export still lack uniformity and logic.

Secondly, an economy with a high level of automation and creativity requires labors to adapt quickly to changes in production, otherwise there will be labor redundancy, causing job disruption and unemployment. At present, the 4.0 technology has only been applied at some stages of the agricultural production chain such as seeding, tending, preliminary processing and preserving. In-

vestment in developing high-tech agriculture and applying science and technology in post-harvest processing is still limited, leading to low quality of agricultural products and market competitiveness. The number of agricultural cooperatives strong enough to associate with enterprises in the production and consumption of agricultural products is still low. Many businesses still have to negotiate and sign contracts directly with farmers. For instance, An Giang Plant Protection Joint Stock Company had to sign a contract with more than 20,000 farmer households to produce a large field model. With direct partners such as farmer households, the Company has a lot of difficulties to expand production links.

Thirdly, Industry 4.0 technology could expand the gap between rich and poor in society because knowledge plays a more important part in production than capital. At present, agricultural production of the region is still small, incomplete and difficult to connect to domestic and foreign markets. The labor force level is still low, focus mainly on traditional agricultural production, the production scale is still small and seasonal. Many farmer households tend to follow the crowd, do not follow production planning as well as market strategically. Therefore, they often change the structure and type of plants and livestock whenever the effectiveness is not high. Therefore, the situation of good harvest, bad price and good price, bad crops occur frequently.

3. Solutions to apply achievements of Industry 4.0 to agricultural development in the Mekong Delta region

Firstly, restructure agriculture sector towards a high-tech agriculture.

In the context of deep international integration, it is necessary to renovate agricultural production models and build synchronous infrastructure in order to create favorable conditions for the application of scientific and technological achievements in manufacturing. Besides, the ability to prevent and mitigate natural disaster needs to be improved to respond effectively to climate

change; protect and use efficiently and sustainably natural resources and the environment. It is also necessary to increase investment capital for agricultural extension programs and the transfer of scientific and technological advances. Encourage and create link between farmers and enterprises, ensure output for products. At the same time, it is necessary to have strategies to train and improve the qualifications for extension officers and allocate appropriate staffing, contributing to improving the quality and efficiency of the transfer and application of science and technology into agricultural production.

Secondly, promote linkage development in agricultural production with various effective types of links.

Strengthen links in the value chain, associate production with the processing and consumption of agricultural products on the basis of diversifying forms of cooperation and links between farming households, cooperatives and businesses. This could improve the efficiency of production and business activities, ensuring the interests of participating entities. Encourage linkage between farming households and credit institutions, science and technology organizations and enterprises. In the long term, agricultural cooperatives need to be more proactive and flexible in production and business activities. To do that, it is necessary to pay attention to building and developing a contingent of managing officers with appropriate qualifications and capacity, contributing to stable and sustainable development, creating jobs and output for agricultural products and actively building new rural areas.

Thirdly, re-plan agricultural production by region and regional scale on the basis of linking market supply and demand with the goal of improving the efficiency, quality and value of agricultural products. Localities need to create a favorable environment to establish and strengthen the links between businesses and businesses, between businesses and people, between people and people to create a close link between production, pro-

cessing and syndicating products. At the same time, it is necessary to pilot the construction of hi-tech agricultural parks based on new scientific and technological advances, especially biotechnology and information technology. Create linkage and management models according to modern criteria. On that basis, it could create a breakthrough change in agricultural production in the Mekong Delta.

Fourthly, perfect mechanisms and policies for developing science and technology for agriculture, especially high-tech agriculture.

Adopt mechanisms and policies to encourage scientific and technological research and application, especially biotechnology and information technology in production and management. Focus on measures and policies with long-term goals to improve the quality of agricultural products. Form strong agricultural value chains in concentrated cultivation areas. Encourage the signing of contracts between scientific, technical and technological agencies with agricultural subjects. Adopt adequate financial and credit mechanisms to promote the application of the achievements of the Industrial Revolution 4.0 into agricultural development in general and the Mekong Delta in particular.

Fifthly, improve the quality of science and technology activities for agricultural development.

Strengthen scientific research activities, transfer advanced technology and apply scientific and technological achievements to agricultural production. Pay attention to all stages of the production process, from the creation of new plant varieties and animal breeds, to the development of tools, means,

new cultivating methods and techniques, promote agricultural mechanization to serve the process of planting, harvesting, drying, packaging and preserving post-harvest and processing products.

Bibliography

1. Ho Chi Minh National Political Academy (2017), Fourth Industrial Revolution - Opportunities and challenges for Vietnam, Political Theory Publishing House, Hanoi.
2. Tran Thi Van Hoa (Editor) (2017), Industrial Revolution 4.0 - Issues for socio-economic development and international integration of Vietnam, National Politics Publishing House, Hanoi.
3. Tran Thi Lan (2018), Industrial Revolution 4.0: Opportunities and challenges for agriculture, Finance Magazine, No. 679 (period 2, April), pp.27-29.
4. Mai Hoang Thinh, Application of technology 4.0 in agriculture, <http://tapchicongthuong.vn/bai-viet/ung-dung-cong-nghe-40-trong-nganh-nong-nghiep-63694.htm>
5. Pham Thi Kim Len, Attracting foreign investment into agriculture in the context of Industry 4.0, <http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/thu-hut-von-dau-tu-nuoc-ngoai-enter-industry-in-boi-farming-how-to-cong-nghiep-40-302134.html>
6. <http://www.omard.gov.vn/site/vi-VN/50/15767/9112/%E1%BB%A8ng-dung-khoa-hoc-cong-nghe-va-tinh-lien-ket-trong-phat-trien-nong-nghiep.aspx>
7. <https://tongcucthuysan.gov.vn/vi-vn/tint%E1%BB%A9c/-ngh%E1%BB%81-c%C3%A1-trong-n%C6%B0%E1%BB%9Bc/doc-tin/013088/2019-06-21/phat-trien-ben-vung-nganh-nong-nghiep-tai-dong-bang-song-cuu-long>
8. <http://daibieunhandan.vn/default.aspx?tabid=75&NewsId=421564>
9. <https://moha.gov.vn/danh-muc/tong-ket-chuong-trinh-muc-tieu-quoc-gia-xay-dung-nong-thon-moi-vung-dong-bang-song-cuu-long-va-dong-nam-bo-giai-doan-2010-2020-41235.html>

© Nguyen Tu Thien, 2020.

УДК 2.23:261.6

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. Н. Демченко

*Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0001-6472-8816,
e-mail: demchon@yandex.ru,*

И. В. Демченко

*кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-8096-2960,
e-mail: lhjy90@yandex.ru,*

Г. В. Семенов

*кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Sg40@mail.ru,
Норильский государственный
индустриальный институт,
г. Норильск, Россия*

FACTORS IN THE EVOLUTION OF CHRISTIANITY IN THE MODERN

O. N. Demchenko

*Ph.D. (Philosophy), associate professor,
ORCID 0000-0001-6472-8816,
e-mail: demchon@yandex.ru,*

I. V. Demchenko

*Ph.D. (Pedagogics), associate professor,
ORCID 0000-0001-8096-2960,
e-mail: lhjy90@yandex.ru,*

G. V. Semenov

*Ph.D. (Pedagogics), associate professor,
e-mail: Sg40@mail.ru,
Norilsk State Industrial Institute,
Norilsk, Russian*

Abstract. The article examines such leading factors in the evolution of Christianity in the modern world as secularization, globalization and demographic processes. The contradictory influence of these factors on the prospects for the evolution of Christianity is revealed. On the one hand, their action leads to the erosion of Christian identity and the fall of the authority of church institutions, the weakening of the role of the Christian religion in society, competition within Christianity and conflicts with other religions. On the other hand, under their influence in the post-secular society, interest in the Christian tradition is revived as one of the ways to solve the problems of human existence and a symbol of national-state identity, a dialogue of Christianity with alternative worldviews is developing.

Keywords: Christianity; secularization; post-secularity; individualization of religion; religious pluralism; globalization; demographic processes.

На протяжении веков христианство являлось универсальным измерением социальной жизни, обосновывала общезначимые стандарты поведения и мировоззренческие установки. В ходе эволюции христианская религия обобщала и аккумулировала систему взглядов и духовных практик в качестве общечеловеческих

ценностей. И сегодня христианство продолжает оказывать воздействие на сознание и поведение более 2 млрд. своих последователей, на общественные и международные процессы. В этой связи анализ проблемы перспектив существования христианства в современном мире может стать ключом к более глубокому понима-

нию определяющих социально-духовных тенденций развития человеческой цивилизации и путей ее выхода из глобального кризиса.

Решающее воздействие на эволюцию христианства оказывает секуляризация – процесс освобождения от влияния религии различных сфер жизнедеятельности человека и общества. Секуляризация проявляется в ослаблении институционального контроля над религиозными взглядами людей и массовом отходе верующих от церкви, сокращении некоторых функций религии, утверждении в общественном сознании нерелигиозного мировоззрения, вытеснении религии на периферию общественной жизни.

Закономерным результатом секуляризации выступает субъективизация и приватизация религиозной веры – религия становится делом индивидуального выбора человека, религиозная активность смещается в сферу частной жизни. Потеря религией социального измерения компенсируется ростом ее личностного измерения, ведет к новым формам религии, которые лишают универсальной значимости традиционные ценности и установки. Религия сохраняется как составная часть внутреннего мира человека, продолжая воздействовать на него косвенным образом. Таким образом, секуляризация означает не исчезновение религии, а утрату религией своей социальной значимости [11, с. 153].

В последнее время обсуждение проблемы места и роли религии в обществе осуществляется с помощью термина «постсекулярность» [9, 10, 14, 15]. Он интерпретируется, по крайней мере, в трех аспектах: как критика секулярности; как диалектика религиозного и светского взглядов на мир; как качество религиозного сознания и практики веры [4, с.107]. Представляется, что именно третий аспект, является наиболее важным для определения возможностей христианства в современной культуре.

Современная религиозность чрезвычайно многогранна и выражает себя в различных областях жизни человека. По сути дела, весь ее смысл можно свести к высокой степени личностной вовлеченности индивида в процесс формирования и переделывания своих религиозных убеждений. В постсекулярном пространстве кардинально изменяется сущность индивидуализации религии. Как показывает У. Бек, она характеризует не индивидуализацию внутри религии (такая форма исторически связана с Реформацией) – вера это продукт личного переживания библейского Бога, но индивидуализацию самой религии, которая предполагает создание собственного Бога, собственной религиозной идентичности [13, р. 81].

К основным чертам индивидуальной религиозности можно отнести: 1) мозаичность, внутреннюю аморфность, отсутствие доктринального стержня, интегрирующего множественность воззрений и объектов культа; 2) высокую степень открытости и толерантности по отношению к различным религиозным традициям; 3) поиск новых духовных основ и смыслов человеческого бытия, нередко утопичных и иллюзорных, но согласующихся с запросами современного индивида; 4) синкретичность мировоззрения, в котором сплавлены самые разные формы духовных представлений и практик (религия, мистика, эзотерика, светские учения и т.д.).

Носители индивидуальной религиозности считают, что к встрече с Богом может привести только самостоятельный поиск человека, без посредничества церкви. В итоге происходит ревитализация религии в форме «бедной веры» – веры без конкретной конфессиональной идентичности, вне связи с институционализацией, догматикой и обрядовой стороной [12, с. 21]. Индивидуальное богостроительство осуществляется в ходе процесса производного конструирования и комбинирования фрагментов разнотипного по своей природе и функциям религиозного и светского материала на базе личных пережи-

ваний и опыта человека, собственного внутреннего отношения к миру.

Индивидуализация религии не только отрывает новые векторы поиска человеком своих религиозных взглядов, но и одновременно повышает степень нестабильности, неопределенности и риска. В конечном счете, она отражает, в первую очередь, сущность духовных исканий современного человека, сфокусированного на ценностях самовыражения, его стремление к межкультурной и межрелигиозной коммуникации. Поэтому в обществе эпохи модерна религия не приобретает статус мировоззренческой доминанты, а в значительной степени становится продуктом моды, способом символической самоидентификации [7, с. 87].

Индивидуализация религии неразрывно связана с ситуацией религиозного плюрализма, которая означает взаимодействие различных религий и их открытой конкуренции. Встреча этноконфессиональных традиций зачастую продуцирует альтернативные христианству религиозные новообразования. Под воздействием плюрализма религия перестает восприниматься как нечто должное, абсолютное и безусловное, исключая критику и сомнение. Сегодня уверенность христианского сообщества в исключительности своего откровения подорвана все более четким осознанием религиозного многообразия. В ситуации плюрализма возникает новое соотношение между разными религиозными истинами, их совмещение повышает ценность собственного религиозного опыта человека [9, с. 61].

Индивидуализация и плюрализация религии приводят к усилению субъективизации и релятивизации религиозной веры, подрывает христианскую идентичность в современном мире. В то же время, они делают христианство открытым для контакта с иными религиозно-культурными традициями. Диалог взаимоисключающих религиозных и светских мировоззрений, признанных в качестве

равноценных и равноправных, выступает ведущей характеристикой постсекулярного общества.

Таким образом, постсекуляризм не отменяет результатов секуляризации, не приводит к исчезновению традиционных религий, но трансформирует содержание и формы проявления религиозной веры. «Парадокс секуляризации» состоит в том, что она стимулирует возрождение интереса к сфере трансцендентных, предельных ценностей и идеалов в XXI веке. А именно эта сфера и является истинным предназначением религии [13, с. 26]. Иными словами общественная потребность в религии продолжает сохраняться, потому что сохраняется «духовная» повестка в жизни человека, фундаментальная потребность свободной личности в системе ориентаций и объекте служения. В этой ситуации христианство может обрести новые импульсы для своего развития, заручившись поддержкой той части общества, которая пытается найти ответы на смысло-жизненные проблемы бытия в освященной веками религиозной традиции.

Ведущим фактором развития христианства выступает глобализация. Огромную роль здесь играют глобальные средства массовой коммуникации, в первую очередь, Интернет. Глобализация формирует глобальный рынок религиозной продукции, способствует расширению объема и разнообразия религиозных потоков, возрастанию скорости религиозного обмена, изменяет средства доставки религиозной информации и религиозного общения. Воздействия Интернета радикально изменяет сознание и поведение верующих, институциональные и культовые основы самих религиозных систем, их функции. Происходит виртуализация и коммерциализация религии, возникают угрозы размывания религиозной идентичности, усиление интереса к нетрадиционной религиозности, рост конфликтных ситуаций [1].

Глобальные масс-медиа становятся эффективным средством конкурентной борьбы, привлечения масс к религии. Ярким примером является использование Ватиканом PR-технологий для конструирования нового имиджа католической церкви – образа Церкви, которая служит бедным и страдающим. Глобальные СМИ широко освещают визиты папы Франциска, в ходе которых понтифик оmyвает ноги заключенным в тюрьме, целует больного и т.д., призывает к «революции нежности в противоположность глобализации равнодушия», доминирующего в современном мире.

Глобализация изменяет религиозный ландшафт мира. Религия начинает выстраиваться поверх исторически существующих конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ. Она отрывается от своих исторических корней, превращается в транснациональную, транскультурную, трансэтническую. Примерами таких глобальных религий могут служить протестантские евангелические Церкви, неопятидесятничество, движение «Нью-эйдж», бахаизм и некоторые другие. По мнению П. Бергера, именно «евангельский протестантизм, особенно пятидесятничество, является наиболее серьезным массовым движением, которое служит средством культурной глобализации» [6, с. 15].

Следствием глобализации является переход к сетевым формам организации различных сфер человеческой деятельности (сетевое предприятие в экономике, интерактивная политическая система в политике и т.д.), в том числе и религиозной. В сетевой модели религии отсутствует единый центр управления, имеют место автономные общины с подвижными связями и гибкой системой руководства и соподчинения. Эти общины свободно дробятся, отделяются, отпочковываются друг от друга и легко преодолевают существующие культурные, политические и конфессиональные барьеры. К ним относятся, харизматические протестантские церкви,

ряд исламских, буддистских, индуистских «сетевых» организаций.

Применяя новейшие компьютерные технологии, религия вновь превращается в первостепенный фактор жизни общества. Уже сегодня теле- и интернет-проповедники оказывают огромное влияние на взгляды аудитории не только своей страны, но и различных регионов мира. Так, широкую известность в христианском мире получил нигерийский телеэвангелист Мэттью Ашимолово, глава мегацеркви – Международного христианского центра «Кингсвэй» (KICC). Он проповедует учение «о здоровье и преуспеваемости» в бедных кварталах Лондона.

Но религия не только испытывает влияние глобализации, но и оказывает обратное воздействие на этот процесс. Сетевые религиозные организации становятся мощным орудием противодействия глобальной модернизации мира. Их руководители, имеющие в своем распоряжении значительные финансовые ресурсы, в состоянии направить социальные и политические протесты в нужное им русло, прежде всего в странах, оказавшихся в состоянии кризиса. Благодаря социальным сетям религия все чаще вовлекается в политические технологии формирования религиозной и культурной нетерпимости. Религиозные активисты могут использовать священные тексты и исторические традиции для подогревания недовольства населения, апеллируя к социальной справедливости.

Глобализация приводит к унификации культур, навязыванию западного цивилизационного стандарта в качестве обязательного для организации внутренней жизни стран и народов. Обратной стороной глобализации выступает локализация – попытки культур противостоять негативным аспектам глобализации, которые чреватой культурной и духовной экспансией, через поиск собственной идентичности. Как указывает М. Кастельс «Эра глобальной экономики есть также эра локальной политики» [3, с. 125]. Эта

политика направлена на защиту и укрепление национального суверенитета и традиционной культуры.

Радикальные изменения в мире, слом основного конфликта предшествующего исторического этапа между социальными системами (капитализмом и социализмом), рост неопределенности и угроз заставляет многих людей обратиться к своим культурным истокам и традиционным ценностям. Хотя в эру глобализации религия все меньше привязана к той или иной территории, для любой конфессии по-прежнему продолжают сохранять главную роль особенности пространства (культурные, экономические, политические и т.д.), на котором она стремится обрести своих последователей [8, с. 15].

Исторические религии доминировали в национальной культуре в течение длительного времени, выступали определяющим фактором этногенеза, формирования национального самосознания. Так, несмотря на универсализм и вселенский характер, христианство является национальным маркером для многих европейских народов. Быть поляком, испанцем, португальцем, ирландцем и т.д. – значит быть католиком, а быть русским, болгаринном, сербом, греком и т.д. – значит быть православным. Поэтому ослабление роли государства и его замена надгосударственными образованиями крайне не выгодно традиционным религиям и вызывает с их стороны негативную реакцию и сопротивление.

В этом отношении глобализация способствует возрождению локальных религиозных традиций в качестве символов национальной духовности и государственности, уникальности своей культуры в борьбе против иностранного влияния. Размывание основ национальной государственности может стать причиной потери религиозной идентичности для части населения. Отсюда стремление традиционных религий укрепить связь с государством, этническими или национальными группами, противостоять натиску новых религий

и расширить свое влияние, поддержать государственную политику обеспечивающую сохранение национально-культурной самобытности [11, с. 161]. В настоящее время превращение религии в способ самовыражения культурной идентичности является общемировой тенденцией. Показательно, что идейный кризис и слабость государств Евросоюза в выражении и защите своей идентичности заставили европейских политиков обратиться за помощью к христианской идеологии [5].

В ответ на западную модель глобализации, которая порождает несправедливый миропорядок, возникают альтернативные проекты глобализации, финансируемые спецификой культуры и запросами своих стран. Религия может стать ценностно-нормативным ядром нового «глобального мироустройства». Уже существуют различные версии исламской глобализации, разрабатываются варианты католической и православной глобализации. Все их объединяет требование справедливой глобализации, идея состыковки рыночной экономики и религиозных ценностей.

Игнорирование религиозного фактора политическими элитами Запада способно вызвать массовое насилие на основе бескомпромиссного противостояния цивилизаций. В этой связи возникает угроза глобальных конфликтов религий, которые будут определять политические процессы огромных регионов. Более того, эпоха религиозных войн уже началась. Сегодня отмечается усиление противостояния индуизма с христианством и исламом в Индии, иудаизма и ислама на Ближнем Востоке. Логично предположить, что по мере роста значимости таких стран как Китай, Вьетнам и Таиланд в конфронтацию с христианством и исламом может войти и буддизм.

Однако наибольшую опасность представляет столкновение христианства и ислама. В настоящее время зоны их конфронтации уже сформировались – Судан, Нигерия, Египет, Ирак, Пакистан, Сирия,

Индонезия. Пространством потенциального конфликта христианства и ислама может стать Центрально-Азиатский регион. Фронт межцивилизационной битвы открылся и в самой Европе в результате волны миграции из мусульманских стран и краха политики мультикультуризма. Страх перед исламским терроризмом и экстремизмом служит основой радикализации европейского общества, усиления влияния националистических партий, выступающих с позиции воинственного неприятия ислама («Партия свободы» в Нидерландах, «Лига Севера» в Италии, «Шведские демократы» в Швеции и др.). Существует связь кризиса христианства и кризиса европейской идентичности, поскольку в европейском самосознании присутствует христианская история и традиция. Отсюда рост христианского фундаментализма в качестве ответа на угрозу со стороны представителей иных религиозно-культурных традиций.

Риски столкновения ислама и христианства в ближайшие десятилетия будут увеличиваться по ряду наиболее с вопросов (генетические технологии, права женщин и др.), главный из которых – различия в доходах между богатыми и бедными. Именно вокруг конфликта христианства и ислам будет вращаться международная политика. Следует признать, что само существование и развитие современной цивилизации в значительной степени будет зависеть от того, смогут ли ислам и христианство мирно сосуществовать и как долго это продлится.

Особое значение для современного христианства имеют демографические изменения в структуре человечества. В течение длительного времени история христианства была неразрывно связана с Западом, что позволяло говорить о «европейской христианской цивилизации». Сегодня резкое сокращение населения европейских стран и его бурный рост в Азии, Африке и Латинской Америке приводит к тому, что церковные центры христианства перемещаются из Италии, Франции, Ис-

пании и США в Бразилию, Мексику, Эфиопию, Филиппины [2]. В 2002 году в мире насчитывалось 2 млрд. христиан. Наибольшее их количество, 560 млн. – в Европе, 480 млн. – в Латинской Америке, 360 млн. – в Африке, 260 млн. в Северной Америке. Но уже в 2025 году, когда количество христиан в мире составит 2,6 млрд., 640 млн. из них будут жить в Латинской Америке, 633 млн. – в Африке, 555 млн. – в Европе, 460 млн. – в Азии. В 2050 году только каждый пятый из 3 млрд. христиан в мире будет белым (неиспанского происхождения) христианином [16, с. 167]. Об определенном завершении исторической миссии христианства на западе свидетельствует и отсутствие в Конституции Евросоюза упоминания о «христианских корнях» европейской цивилизации.

На Юге возникает новое христианство бедных и многочисленных стран второго и третьего мира. В силу демографического большинства они превращаются в главную силу изменяющую картину мира, в том числе и религиозную. Руководство христианских конфессий не может не учитывать такого рода перемены в своей деятельности. Показательно, что в 1998 году, когда отмечалась 50-я годовщина создания Всемирного Совета Церквей, местом проведения конференции было избрано Зимбабве, а следующая генеральная ассамблея состоялась в Бразилии в 2006 г. Ярким подтверждением христианского тренда с глобального Севера на глобальный Юг является выбор аргентинского кардинала Мари Хосе Бергольо 2013 году римским папой под именем Франциска.

Совместное и противоречивое действие факторов секуляризации, глобализации и демографического сдвига, по всей видимости, будет определять будущее христианской религии. В XXI веке христианству все сложнее преодолевать расхождение между религиозными и либеральными ценностями современного общества – в первую очередь, моральными

установками массового сознания и принципами христианской этики. Казалось бы, что вызовы секулярного мировоззрения должны консолидировать христианское сообщество. На самом деле христианские церкви все дальше отходят от возможности реального объединения. Некоторые из них демонстрируют отход от базисных норм религиозной традиции, другие – больше озабочены вопросами конкурентной борьбы, а не идеей христианской солидарности. Разработать общую позицию и противостоять наступлению либеральной идеологии в состоянии только консервативные круги христианских церквей.

Сегодня христианская религия получила реальную возможность вступить в открытый диалог с современным обществом для поиска нового соотношения религиозного и светского взгляда на Бога, мир и человека в мире. Как духовно-нравственная сила христианская религия обладает огромным потенциалом. Перспективы эволюции христианства прежде всего будут зависеть от способности христианских церквей конвертировать его в эффективные стратегии деятельности и внести свой вклад в создание новой системы ценностных ориентиров глоболизирующегося человечества.

Библиографический список

1. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Интернет как фактор развития религиозных отношений // Мир науки, культуры и образования. – 2014. – № 3 (46). – С. 344–346.
2. Горохов С. А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2016. – № 6. – С. 26–34.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУВИЭ, 2000. – 608 с.
4. Кузьмина Е.В., Фазлеева Р.Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиозных исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. – № 8 (82). – С. 106–112.
5. Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // Контуры глобальных трансформаций, политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 46–64.
6. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 356 с.
7. Радугин А. А., Радугина А. А. Постсекуляризм как мировоззренческая матрица общества постмодерна // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 85–88.
8. Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко. С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), Московский Центр Карнеги, 2009. – 341 с.
9. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность: индивид versus институт // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 56–64.
10. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 22–51.
11. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 149–162.
12. Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. – 416 с.
13. Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 231 p.
14. Berger P. Reflections on the sociology of religion today // Sociology of Religion. – 2001. – Vol. 62 (4). – С. 443–454.
15. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // The Hedgehog Review. – 2006. – Vol. 8. № 1, 2. – P. 7–22.
16. Jenkins J. P. The Next Christendom: The Rise of Global Christianity. – New York: Oxford University Press, 2002. – 270 p.

© Демченко О. Н.,
Демченко И. В.,
Семенов Г. В., 2020.

УДК 341.636:341.92

АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Ю. Г. Горелов

*Студент,
e-mail: yura.gorelov.1998@mail.ru,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

LAWYER AS A SUBJECT OF SETTLEMENT OF LEGAL CONFLICTS

Yu. G. Gorelov

*Student,
e-mail: yura.gorelov.1998@mail.ru,
Mordovian State University
named after N. P. Ogarev,
Saransk, The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. This article analyzes the causes of legal conflicts and the areas in which they may arise. The interests pursued by the conflicting parties and their psychological state during the conflict are revealed. The role of a lawyer in resolving legal conflicts during conciliation procedures is also considered. Special attention is paid to the advantages of means of non-judicial conflict resolution. The most common alternative methods that can be used in resolving a dispute with the participation of a lawyer are noted. The main goal of the lawyer is to settle the conflict and find a compromise between the opposing parties before the trial.

Keywords: legal conflict; causes; alternative ways to resolve legal conflicts; lawyer; negotiations; reconciliation; compromise.

Современное российское общество характеризуется высоким уровнем конфликтной напряженности. Существенное количество конфликтов приобретают юридический характер. В большинстве случаев для разрешения юридического конфликта требуется привлечение третьих лиц, поскольку конфликтующие стороны не в состоянии самостоятельно прийти к общему решению.

Одним из основных субъектов оказания квалифицированной юридической помощи является адвокат. Данное утверждение вытекает из содержания ст. 2 ФЗ РФ от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. Адвокат представ-

ляет интересы доверителя в конституционном, гражданском, административном судопроизводстве, участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях. Тем самым адвокат принимает активное участие в процедуре разрешения юридических конфликтов. Действия его всегда должны быть направлены на примирение сторон, т.е. как отмечает А. М. Понасюк, «адвокаты... принимающие, непосредственное участие в управлении ими [юридическими конфликтами – прим. Ю. Г.], должны поддерживать и развивать примирительное направление как наиболее перспективное

с точки зрения поставленных перед адвокатурой целей и задач» [8, с. 3]. Об этом также пишет М. Е. Семеняко, указывая, что «в реализации института альтернативного разрешения споров (примири-тельных процедур) центральная роль должна быть возложена на профессиональных юристов и, в первую очередь, – на адвокатов» [9, с. 5].

Составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи является предупреждение судебных споров, поэтому адвокат должен заботиться об устранении всего, что препятствует успешному урегулированию юридического конфликта. Несмотря на то, что «адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу сторон» (п. 1 ст. 11 Кодекс профессиональной этики адвоката) [3], адвокату не запрещено способствовать примирению сторон.

Адвокат, оказывая юридические услуги, должен стараться разрешить конфликт до суда, использовать в своей деятельности не только традиционные формы разрешения юридических конфликтов (судебное разбирательство, административное обжалование), но и альтернативные (переговоры, претензионный порядок, посредничество, третейское разбирательство, заключение мирового соглашения). Действия адвоката должны быть добросовестными и оперативными (но не в ущерб качеству юридической помощи), необходимо максимально учитывать интересы доверителя [6].

Наиболее распространённые способы разрешения юридических конфликтов с участием адвоката – переговоры, посредничество. Практика их применения свидетельствует об их эффективности [4, с. 64] и оправдывает их введение в отечественное законодательство. Данные процедуры значительно ограничивают участие государства в конфликте и представляют возможность разрешить конфликт, затрачи-

вая меньше временных, моральных, эмоциональных и материальных ресурсов.

Цель адвоката в переговорах состоит в том, чтобы примирить стороны юридического конфликта, прийти к компромиссу, разрешая этим проблему. Для этого адвокату следует диагностировать противоборство (оценить объект, объективную сторону юридического конфликта, выяснить мотивы поведения субъектов и т.д.), провести ситуационный и позиционный анализ противоборства, спрогнозировать его динамику и последствия [5, с. 144–145] и уже после этого предложить сторонам варианты разрешения конфликта.

Адвокат в качестве посредника может оказывать содействие примирению сторон уголовного судопроизводства. Здесь следует выделить определенные особенности примирительной процедуры разрешения конфликта. Результаты процедуры «примирение сторон» криминального конфликта должны оправдывать семантику ее названия, т. е. выражаться в прощении правонарушителя потерпевшим. А. М. Понасюк считает данную особенность ключевой, «определяющей ее отличие от примирения по другим категориям юридических конфликтов» [7, с. 28]. Если потерпевший этого сделать не сможет, то криминальный конфликт можно считать не разрешённым.

Рассматриваемый выше альтернативный карательному разрешению уголовно-правовых конфликтов способ называется в науке «восстановительное правосудие» [7, с. 27]. В отечественном законодательстве реализацию концепции «восстановительного правосудия» можно рассмотреть на примере положений ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, в которых говорится о том, что лицо при наличии определенных условий и оснований (впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, загладило причиненный потерпевшему вред), может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим [1, 2]. Стоит опре-

делить в данном случае роль адвоката. Во-первых, адвокат, учитывая психологический барьер между жертвой и преступником, должен построить переговорный процесс так, чтобы непосредственные участники юридического конфликта чувствовали себя максимально комфортно и были уверены в конфиденциальности переговоров. Во-вторых, если при примирительной процедуре было достигнуто соглашение, то обязанностью адвоката является участие в составлении данного документа.

Таким образом, от адвоката во многом зависит процесс управления юридическим конфликтом. Адвокат должен действовать в интересах своего доверителя и стараться разрешить конфликт в ходе примирительной процедуры до судебного решения. В этом случае его задачи сводятся к снижению уровня конфликтной напряженности в юридическом споре, к содействию сторонам в поиске обоюдовыгодного решения. В судебном разбирательстве адвокат содействует разрешению юридического конфликта в интересах правосудия, представляя одну из сторон спора.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 7 апр. 2020 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18 июня.
2. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 2 дек. 2019 г.) // Рос. газ. – 2002. – 5 июня.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 янв. 2003 г.) (ред. от 20 апр. 2015 г.) // Рос. газ. – 2005. – 5 октября.
4. Гареев Р. Р. Применение адвокатом альтернативных способов разрешения конфликтов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 7. – С. 63–66.
5. Купцова О. В. Теоретико-правовые аспекты разрешения юридических конфликтов // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 11. – (92). – С. 144–146.
6. Купцова О. В., Челмакина А. А. Этико-правовая оценка добросовестности адвоката в отношениях с доверителем // Мир науки и образования. – 2017. – № 2 (10). – С. 5.
7. Понасюк А. М. Содействие адвокатом примирению сторон уголовного судопроизводства в качестве посредника (медиатора) // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 3. – С. 27–32.
8. Понасюк А. М. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации: Автореферат диссертации канд. юрид. наук. – М., 2011. – 30 с.
9. Семеняко М. Е. Участие адвоката в альтернативном разрешении споров и примирительных процедурах: Автореферат диссертации канд. юрид. наук. – М., 2010. – 21 с.

© Горелов Ю. Г., 2020.

УДК 347.4

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ,
ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА****М. С. Евстигнеева
А. Г. Федоров***Магистрант,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт истории и права,
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия***FEATURES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS ARISING
FROM THE AGREEMENT OF SIMPLE PARTNERSHIP****M. S. Evstigneeva
A. G. Fedorov***Master's student,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Institute of History and Law,
Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia*

Abstract. The article discusses the current aspects of legal relations arising in the process of ensuring the organization and activities of a simple partnership, reveals the concept of a simple partnership agreement, describes its signs and features of its application in practice, discusses various approaches to the participation of non-profit organizations in simple partnerships, suggests optimal regulation of issues related to the activities of a private partnership.

Keywords: simple partnership; secret partnership; non-profit organization; joint activity; confidentiality of information; public partner.

В российских экономических реалиях на сегодня довольно распространен давно существующий традиционный договор простого товарищества. Такое соглашение о совместной деятельности позволят объединять средства, силы, капиталы для достижения общих целей.

Формат этого договора настолько универсален, что позволяет широко применять его в гражданском обороте. Объединение в простое товарищество распространено при строительстве зданий, сооружений, а также в случаях консолидации экономических сил нескольких юридических лиц [14, с. 5–6].

Правовое регулирование правоотношений, возникающих из договора простого товарищества, осуществляется нормами главы 55 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и сводится к тому, что «двое или

несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели» [1, п. 1 ст. 1041].

Отличительной чертой данного договора является то, что интересы его участников совпадают, а права и обязанности единонаправлены.

Юридическая наука выделяет следующие признаки договора простого товарищества: данный договор является многосторонней сделкой; совместные действия подразумевают непосредственное участие в них всех товарищей; участникам простого товарищества не требуется регистрации в качестве юридического лица. При этом основной целью деятельности простого товарищества является из-

влечение прибыли. Законом не запрещается достигать и иных целей. Именно для этого и объединяются вклады. «Вклады, объединённые товарищами, образуют имущество, которое выступает в качестве их общей собственности» [8, с. 59].

Неурегулированность правовой конструкции договора простого товарищества возникает уже на стадии определения субъектов. По общему правилу участниками договора могут быть как граждане, так и юридические, а также публично-правовые образования. Однако законом определено ограничение субъектного состава. «Сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации» [1, п. 2, ст. 1041]. При этом некоммерческим организациям законодательно ограничена возможность участвовать в предпринимательской деятельности, если она противоречит или не соответствует цели их создания [1, п. 3 ст. 50]. Одни цивилисты, например, Ю. В. Чеснокова, полагают, что «расширительное толкование вышеназванных норм ГК РФ позволяет участие некоммерческих организаций в простом товариществе» [13, с. 323]. Согласно мнению других учёных, например, А. Б. Савельева, «толковать норму 1041 статьи следует прямо. Это значит, что простое товарищество, созданная в предпринимательских целях не может в качестве товарищей иметь некоммерческие организации» [12, с. 148].

Такого взгляда придерживался в свою бытность Высший арбитражный суд Российской Федерации (ВАС РФ) и нижестоящие судебные инстанции, при разрешении гражданских споров по участникам простого товарищества, в основном придерживаются следующей позиции. Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве, утвержденный Президиумом ВАС РФ от 25.07.2000 № 56 [3] в п. 3 подтверждает предположение о

том, что если договор о совместной деятельности, заключен с целью извлечения прибыли, то среди его участников не может быть некоммерческих организаций. Длительный период, положениями обозначенного постановления ВАС России руководствовались нижестоящие арбитражные суды при рассмотрении подобных судебных споров. Например, руководствуясь вышеуказанным постановлением Президиума ВАС РФ от 25.07.2000 года, Арбитражный суд Центрального округа (ФАС ЦО) признает незаконным участие Потребительского жилищно-строительного кооператива «Омега 2А» в простом товариществе [4].

Со временем, однако, отдельные арбитражные суды начинают придерживаться более расширительной позиции в своей судебной практике. Например, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 26.10.2010 г. по делу № А42-8760/2009, оговаривая, что «в рамках такого договора товарищи преследуют одну и ту же цель, *в том числе и получение прибыли* (выделено автором), и цель эта может быть достигнута товарищами именно в результате их совместных действий» [5]. При этом Арбитражный суд Приморского края в своем Постановлении от 7 мая 2019 г. по делу № А51-24561/2018 сделал очередной шаг в урегулировании проблемы анализируемых правоотношений, посчитав, что «исходя из требований, указанных в пункте 2 статьи 1041 Кодекса, некоммерческие организации и учреждения *могут заключать договоры о совместной деятельности, если эти договоры не преследуют цели осуществления предпринимательской деятельности*» (выделено автором) [6].

Подобные позиции судебных инстанций можно расценивать, как понимание неоднозначности принятого Президиумом ВАС РФ от 25.07.2000 № 56 решения об однозначном исключении некоммерческих организаций из числа участников простого товарищества.

Отдельные авторы, например, С. М. Илюшников, находят данный подход слишком формализованным и считают его «не отвечающим требованиям практического применения договора простого товарищества» [10, с. 283]. Ведь, как уже упоминалось ранее, ГК РФ согласно п. 3 ст. 50 дает возможность некоммерческим организациям непосредственно принимать участие в процессе, приносящем доходы если такая деятельность не является основной и соответствует цели организации.

Таким образом, поскольку фактически предпринимательская деятельность для некоммерческих организаций разрешена, то не имеет значения осуществляет ли предпринимательскую деятельность некоммерческая организация самостоятельно или в сотрудничестве с другими организациями.

Также в специальном законодательстве присутствуют нормы, прямо указывающие на дозволение некоммерческим организациям участвовать в совместной деятельности с коммерческими, например, в финансово-промышленной группе. Указан, в числе прочих, «договор о совместной научной и научно-технической деятельности, и распределении прибыли как основная правовая форма отношений между научной организации заказчиком и иным потребителем научной продукции» [2, ст. 8].

То есть, на практике нельзя ограничивать право некоммерческих организаций, в соответствии со своими целями заниматься деятельностью, приносящей прибыль и запрещать им участвовать в простом товариществе.

Другой важной особенностью правовой конструкции простого товарищества, связанной с регулированием сотрудничества организаций, является вопрос о негласном товариществе, которое считается разновидностью простого товарищества. Ст. 1054 ГК РФ закрепляет, что такой договор предусматривает условие о не раскрытии состава участников товарищества

для сведения третьих лиц. Такая правовая конструкция подразумевает тайное существование простого товарищества. То есть, каждый товарищ может заключить договор лично от своего имени, но такая сделка должна соответствовать интересам товарищества. Вопрос об ответственности решается следующим образом. По мнению Я. С. Ефимовой и Д. И. Самодуровой, «так называемый гласный товарищ отвечает по сделкам всем имуществом, однако, поскольку обязательства в интересах товарищества являются общими, то этот товарищ вправе требовать возмещения затрат у всех остальных участников товарищества в порядке регресса» [9, с. 68–69].

В научной среде распространено мнение о том, что отношения в рамках негласного товарищества регулируются недостаточно, и «рациональное зерно в подобных рассуждениях есть» [7, с. 9]. Так законодательное регулирование вопроса о предмете договора простого товарищества, элементом которого является совместность деятельности, нельзя применить к негласным товариществам, где деятельность осуществляет один из товарищей. Не определен законом и другой основополагающий аспект. Суть рассматриваемого договора в его негласности, то есть определяющими являются вопросы конфиденциальности информации договора, действий товарищей по сохранению конфиденциальности. Тайна соглашения о содействии не должна преследовать нарушение закона, в том числе в антимонопольной сфере. Таким образом законодателю необходимо продумать механизм упорядочения отношений в рамках договора негласного товарищества. Например, Т. А. Ламму, видится верным «установление критериев заключенности сделки негласного товарищества. Сделка должна считаться заключенной, если она одобрена всеми его участниками негласного товарищества в разумный срок и при этом отвечает интересам такого товарищества» [11, с. 108].

Таким образом, договор простого товарищества представляет собой одну из форм участия в гражданском обороте и поэтому играет важную роль для экономического развития страны. Настоящее правовое регулирование правоотношений в рамках данного договора имеет ряд проблем, требующих решения.

В связи с этим, видится целесообразным дальнейшее правовое упорядочение правовой конструкции простого товарищества, направленное на включение в его субъектный состав некоммерческих организаций, позволяющих им при определённых условиях участвовать в предпринимательской деятельности, не противоречащей их целевой направленности. Также в более детальном регулировании нуждается договор негласного товарищества.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) Ст. 50, 1041, 1054, Гл. 55 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.06.2020).
2. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» Ст. 8 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.06.2020).
3. Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве № 56, утвержденный Президиумом ВАС РФ от 25.07.2000 П. 3 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.06.2020).
4. Постановление ФАС Центрального округа от 5 сентября 2017 г. по делу № А83-359/2016 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 22.07.2020).
5. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.10.2010 по делу N А42-8760/2009 // URL: <https://resheniya-sudov.ru/2010/247180/> (дата обращения: 22.07.2020)/
6. Постановление Арбитражного суда Приморского края от 7 мая 2019 г. по делу № А51-24561/2018 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CEKd9KmthKWa/> (дата обращения: 22.07.2020).
7. Александров А. Ю. Квалифицированная юридическая помощь в гражданском судопроизводстве. // Вестник Калужского университета. 2015. № 4. С. 9–12.
8. Вдовина Т. Е., Якушова Е. С. Некоторые вопросы договора простого товарищества // Наука. Общество. Государство. Пенза, 2016. №4 (16). С. 57–61.
9. Ефимова Я. С., Самодуров Д. И. Проблемы договора простого товарищества // Вестник МИЭП. – М., 2017. №2 (27). С. 63–70.
10. Илюшников С. М. О существенных условиях договора простого товарищества // Общество и право. Краснодар, 2019. № 2. С. 283–285.
11. Ламм Т. В. Многосторонние договоры в гражданском праве. Общие положения. Иркутск, 2015. С. 108.
12. Савельев А. Б. Договор простого товарищества в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 151.
13. Чеснокова Ю. В. Договор как способ регулирования обязательств в современном семейном праве // Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем: материалы XII междунар. науч. конф. М., 2016. С. 321–325.
14. Ястребов И. С. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора простого товарищества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 178.

© Евстигнеева М. С.,
Федоров А. Г., 2020.

УДК 347.23

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**О. Н. Савельев****А. Г. Федоров**

*Заместитель директора,
АО «ОКБ МЭЛ», магистрант,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт истории и права,
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия*

CONCEPT OF OWNERSHIP IN THE HISTORICAL ASPECT**O. N. Saveliev****A. G. Fedorov**

*Deputy Director,
JSC "OKB MEL", undergraduate,
Candidate of Law, associate professor,
Institute of History and Law,
Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia*

Abstract. The article analyzes at the conceptual level the concept of “property right” in a historical aspect from the time of Ancient Rome to the present day. The article highlights the most important stages in the formation and development of the category of “property rights” in the history of legal science. The authors describe the dual nature of property rights. The subjective and objective meaning of the concept of “property right” as a legal category is highlighted, attention is drawn to a modern understanding of property rights.

Keywords: property right; property relations; doctrine of law; civil law; private property.

Право собственности как реальность сложилось достаточно давно, однако как понятие, которое бы в полной мере раскрывало сущность данного явления, сложилось не сразу. Века и тысячелетия шла борьба вокруг собственности. В настоящей статье изложен исторический ракурс развития понятия «право собственности» как правовой категории от появления собственности, до отношения к собственности в рабовладельческом, в феодальном, в капиталистическом и в социалистическом строе.

На каждом этапе своего развития право собственности приобретало различные оттенки. На начальном этапе право собственности это коллективное право на предметы и носило не явно выраженный характер, а являлось отражением зарождавшихся общественных отношений. Развитие общественных отношений способ-

ствовало развитию производства, что, в свою очередь, привело к разделению общественного труда, что способствовало последующему развитию имущественных отношений в рамках единого института вещного права. Такая поступательная динамика совершенствования имущественных отношений позволила К. Марксу и Ф. Энгельсу в их совместной научной философской работе «Немецкая идеология» (1845–1846 гг.) заявить о том, что «различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, то есть каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [14, с. 20].

Дальнейшее развитие общественных отношений привело к появлению рабовладельческого строя. В рамках данной

общественно-экономической формации происходило активное формирование понятия частной собственности и его отражение в повседневной жизни людей.

Анализируя этапы развития института вещного права, средневековые болонские ученые-гlossаторы обратили особое внимание на элементы системного подхода к регулированию права собственности. И хотя средневековые болонские glossаторы изучали разрозненные элементы отдельных gloss, в первую очередь Туринской glossы к Юстиниановым институциям византийского периода Восточной римской империи, их толкование позволило ученым заявить о том, что правовые конструкции Юстиниановых сборников, как базовой части кодификации римского права «*Corpus iuris civilis*» (529–534 гг. н.э.) напрямую связаны с правовыми актами Древнего Рима. «Первоначально частная собственность принадлежала римскому народу, а затем в форме частной собственности-каждому римскому гражданину. В конце периода Римской республики частная собственность обозначалась просто термином «собственность». В этот период данное понятие получило важную внутреннюю смысловую нагрузку» [9, с. 12]. По этому поводу можно согласиться с В. В. Шулятьевым о том, что хотя «точного определения права собственности в римских правовых учениях не нашло отражения, но вместе с тем, был разработан широкий спектр правомочий частного собственника, который нашел отражение в современном праве» [13, с. 2].

Римская доктрина права не дала однозначного определения праву собственности, однако значение детализации регулирования частноправовых отношений собственников для того периода было огромным. Так, «собственнику принадлежит право пользования вещью, право извлечения плодов и доходов, право распоряжения, право владеть вещью, и право истребовать вещь из рук каждого ее фактического обладателя» [8, с. 80].

Следующим этапом развития была эпоха феодализма. На, казалось бы, присущую данной эпохе стагнацию, а порой и просто подавление отдельных правовых институтов, в это историческое время продолжало развиваться право собственности. Основным объектом частной собственности в эпоху феодализма была земля. Во времена феодализма понятие «право собственности» официально не признавалось. Так, представители марксизма имели свою точку зрения о феодальной системе. Оно заключалось в следующем: «не может быть никакой речи о производстве и ни о каком обществе, раз нет речи о какой-либо форме собственности» [5, с. 6]. Данная субъективная точка зрения, безусловно, не в полной мере отражала как эпоху феодализма, так и отношения собственности в то историческое время. Во времена феодальных отношений понятие права собственности также имело место и занимало определенную роль в системе общественных отношений.

Дальнейшее развитие понятия «собственность» связано с эпохой зарождения капитализма во Франции XVIII века. «Согласно статье второй Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 года, собственность является «естественным» и «неотчуждаемым» правом. Понятие «собственность» в статье второй декларации трактуется не как благо или право, а как определенный вид социально-экономической организации общества. Именно данный аспект позволил конкретизировать права собственника» [4, с. 36].

Несмотря на запаздывание формирования капиталистических отношений в России, понятие права собственности также достаточно активно формировалось в данную историческую эпоху. «Во времена Екатерины Второй институт частной собственности приобрел форму, в какой он существует в своих сущностных параметрах в настоящее время. Следует отметить, что Екатерина II ввела в законодательный оборот термин собственность (Наказ генерал-прокурору 1767 года» [7,

с. 82–83]. При этом, как самостоятельная категория «право собственности», появилась также при Екатерине II в XVIII веке в манифесте от 28 июня 1782 года [6]. Следует отметить, что специфика общественных отношений и самобытность жизни русских людей накладывали свой отпечаток и на отношение к праву собственности в ту историческую эпоху в Российском государстве. Русские люди в ту пору жили, в основном, общиной и этот момент, безусловно, находил отражение на отношениях собственности, ибо, свои права и обязанности русские люди понимали тогда лишь перед своей общиной. Последующее развитие исторических событий в России привело к созданию социалистического государства на территории бывшей Российской империи.

Новый уклад общественной жизни, социалистические отношения, формирование новых ценностей, становление нового уклада жизни и вовлечение большего числа государств в эту систему породили мировую систему социализма. В условиях социализма система частной собственности не получила существенного продвижения по идеологическим соображениям той эпохи в развитии общественных отношений. Это не означало полного отсутствия данного явления как собственность, но оно носило несколько трансформированный характер. Данная эпоха породила такое понятие как личная собственность граждан социалистического государства. Под личной собственностью граждан социалистического государства понимались вещные права владения в личных целях различным видом имущества, но в условиях государственной собственности. Данная трансформация понятия собственности не меняла его главной исторически сложившейся сущности и носило больше пропагандистский характер. Тем не менее, отношение к понятию собственности в ту историческую эпоху весьма отличалось в социалистических и капиталистических государствах и как ученые-марксисты, так

и ученые-капиталисты видели свой отличительный смысл в данном понятии. Различие в понимании и в толковании общественных отношений нашло свое отражение в множестве различных точек зрения той эпохи.

В новейшую историческую эпоху во многих бывших странах социалистического лагеря произошло переосмысление понятия собственности и отход от личной собственности к частной собственности. Тем не менее, ряд стран в мире сохраняют свои социалистические позиции и в настоящее время, при этом допуская существование частной собственности, рыночных отношений, то есть так называемого «рыночного социализма» или, иными словами, «капитализма с человеческим лицом».

Несмотря на крушение мировой системы социализма в конце XX века, споры правоведов вокруг понятия права собственности не стали менее активными.

Правоведы отмечают, что право собственности за время своего существования не изменилось в корне, но его атрибуты все чаще распределяются между разными людьми. В этой связи исследования ученых породили толкование о двойственной природе права собственности.

Вопросу институционализации права собственности значительное внимание уделялось российскими учеными второй половины XIX и начала XX веков. Так, многие ученые, предполагая двойственность природы права собственности, пытались научно осмыслить ее правовую конструкцию. Так, по мнению В. И. Синайского, право собственности, обуславливает такие отношения, как: «а) господство (власть) лица над вещью и б) как отношение между лицами в смысле права собственника устранять чье либо воздействие на свою вещь» [11, с. 216]. Соглашаясь с этим рассуждением, профессор В. П. Грибанов констатирует, что «такая двойственная природа вещных отношений имеет принципиальное значение» [3,

с. 18]. В свою очередь, Л. И. Петражицким право собственности, с одной стороны рассматривалось как «юридические обязанности («всех и каждого») терпеть всякие воздействия на вещь со стороны собственника», а с другой – возлагалась «лежащая на каждом, закрепленная активно за собственником, «общая» обязанность воздержания от посягательства на чужую вещь» [10, с. 193–194].

Обратимся к современному пониманию права собственности. На современном этапе развития юридической науки интерес к праву собственности не становится меньше. Более того, сегодня учеными поединститут права собственности занимает все более значимое место в институте вещного права в целом. Право собственности на вещь, является абсолютным в силу того, что его собственнику противостоят все остальные субъекты права, как обязанные соблюдать имущественные права собственника. Праву собственности свойствен бессрочный характер, то есть действие права собственности не ограничено во времени.

«Исследованию вопросов защиты гражданских прав вообще, и защиты права собственности, в частности, уделяли внимание многие известные правоведы прошлого и современности, а именно: В. В. Витрянский, В. П. Грибанов, О. С. Иофе, Г. А. Мантул, Д. И. Мейер, И. Б. Новицкий, О. А. Омельченко, Л. И. Петражицкий, В. И. Синайский, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, Г. Ф. Шершеневич, В. В. Шулятьев и др.» [12, с. 1].

В современной России понятие «право собственности» отражено в Разделе II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса Российской Федерации. Юридическое закрепление понятия в законе имеет важное правовое значение и отражается на восприятии права собственности в общественной жизни [1, с. 124].

Право собственности имеет субъективный и объективный смысл. В субъективном смысле право собственности это

возможность владельца владеть, использовать и распоряжаться по закону тем, что принадлежит ему. Возможность владеть, использовать и распоряжаться подразумевает защиту права собственности и интересов владельца со стороны закона. В объективном смысле право собственности представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения собственности.

В заключение отметим, что в данном исследовании проведен исторический анализ становления понятия права собственности и его сущности. В статье проанализировано понятие «права собственности» в историческом аспекте с древних времен и до наших дней. Поясняется, что формированию четкого и ясного понятия права собственности предшествовала долгая история отношений собственности и отражены важнейшие этапы становления и развития категории «права собственности» в истории юридической науки. Безусловно, есть немало иных не охваченных в статье моментов, которые также накладывают свой оттенок на понимание права собственности.

Библиографический список

1. Гражданское право / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 2005. – 776 с.
2. Гражданское право. В 2-х томах. Том 1. / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Издательство БЕК, 1994. – 384 с.
3. Грибанов В. П. К вопросу о понятии права собственности // Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав (Серия «Классика российской цивилистики»). – М., 2000.
4. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности: Пер. с франц. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1993. – 384 с.
5. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов). Neue Zeit. Т. 1 №№ 23–35, 1902–1903 гг. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html#n1> (дата обращения – 08.07.2020).
6. Манифест Екатерины Второй. 1782 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. Второго отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VIII. № 15447.

7. Мантул Г. А. Институт собственности в Российской империи // *Философия права*. 2014. № 4 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sobstvennosti-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 08.07.2020).
8. Новицкий И. Б. *Римское частное право*. – М., 1994.
9. Омельченко О. А. *Римское право : учебник*. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: ТОН – Остожье, 2000. – 208 с.
10. Петражицкий И. С. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Издание второе, исправленное и дополненное. Том 1, СПб., 1909.
11. Синайский В. И. *Русское гражданское право*. Выпуск 1. Общая часть и вещное право. – Киев, 1914.
12. Соловьев А. Н. К вопросу о защите права собственности // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zaschite-prava-sobstvennosti> (дата обращения: 02.07.2020).
13. Шулятьев В. В. К понятию права собственности // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiju-prava-sobstvennosti> (дата обращения: 02.07.2020).
14. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Соч. 2-е изд. Т. 3. – С. 20.

*© Савельев О. Н.,
Федоров А. Г., 2020.*

УДК 373

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Х. Белянская

*Кандидат исторических наук, учитель,
e-mail: daroma_20@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1947-0278,
ГБОУ № 507,
г. Санкт-Петербург, Россия*

DISTANCE LEARNING IN SCHOOLS: REALITIES AND PROSPECTS

М. Н. Belyanskaya

*Candidate of history, teacher,
e-mail: daroma_20@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1947-0278,
GBOU № 507,
St.-Peterburg, Russia*

Abstract. This article demonstrates some of the results of the teacher's work in distance learning, which was carried out in 2020 in all educational institutions of the Russian Federation. The author shared some of the problems of teaching students of the 9th grade of the General school of St. Petersburg in the study of such subjects as history and social science.

Keywords: education; school; teachers; students; distance learning; computers; teaching methods.

Современная система образования в нашей стране прошла длительный путь развития, были накоплены знания и опыт с различными методологическими подходами, благодаря которым она развивается и сегодня. Например, в 1990-х годах обоснованно сделали акцент на гуманизацию образования, что позволило создать альтернативность в технологических приёмах обучения, поэтому стали достаточно широко использоваться такие формы обучения, как экстернат, домашнее обучение и др. Благодаря этому родители и ученики получили возможность самостоятельно определять приемлемый вариант получения школьной базы знаний. В целом, школа, имеющая основную задачу дать образование, а также в определенной мере подготовить подрастающее поколение к дальнейшей жизни, имеет важное значение для каждого человека.

Реалии весны 2020 года, распространение эпидемии коронавируса по всему миру и в нашей стране вынудило правительство РФ объявить всеобщую самоизоляцию, в результате чего учебные заведения перешли на дистанционное обучение.

Цель данной статьи заключается в подведении некоторых итогов работы учителя в дистанционной форме. Автор материала поделится некоторыми проблемами обучения учащихся 9-х классов общеобразовательной школы Санкт-Петербурга при изучении таких дисциплин, как история и обществознание.

Прежде чем перейти к рассмотрению тематики нашего материала, остановимся на некоторых образовательных особенностях вышеуказанных предметов гуманитарного цикла. Общеизвестно, что очная форма обучения в общеобразовательных учреждениях страны является традиционной, и на протяжении длительного време-

ни учителями используются многочисленные методико-технологические приёмы в преподавании различных учебных дисциплин. Благодаря новаторской инициативе педагогов разного времени – В. Ф. Шаталов, О. С. Газман, И. П. Иванов, Е. В. Бондаревская и др. [1], – формировалась методологическая база процесса обучения, что способствовало ученикам полноценно усваивать обширные знания школьной программы.

Обратим внимание на некоторые особенности таких учебных предметов, как история и обществознание, в системе школьного образования. Напомним, что в образовательных учреждениях РФ вышеуказанные дисциплины для большинства обучающихся не относятся к основным предметам, каковыми являются, по общему мнению, русский язык и математика. Однако следует отметить, что сведения в формате учебных знаний, полученные на уроках истории и обществознания, играют немаловажную роль в формировании мировоззрения подрастающего поколения, создавая основу для расширения кругозора и пополняя знания о прошлом и настоящем человеческого общества, а также эти знания имеют практическое назначение, выраженное в формировании умений анализировать, обобщать и сравнивать. Также данные предметы значимы для определенной категории выпускников школы, потому что результаты ЕГЭ по обществознанию влияют на поступление во многие вузы страны различной специализации.

Следующий аспект обучения в 9 классе, который мы рассматриваем в данной статье – это завершение основного неполного этапа обучения школьников и их переход на следующую ступень образования. Учащиеся впервые проходят серьезную проверку знаний, это относится, в первую очередь, к школьникам, выбравшим данные учебные дисциплины для сдачи экзамена в формате ОГЭ, в результате чего учащиеся получают возмож-

ность оценить свои возможности и определить дальнейшие шаги в выборе следующего этапа образования. Поэтому одни ученики остаются в стенах школы и целенаправленно готовятся к поступлению в вузы после окончания 11 класса, а другие – выбирают колледж для получения среднего специального образования.

Однако в 2019–2020 учебном году, в четвертой четверти, школьная система РФ вынужденно перевела на дистанционное обучение, что вызвало массу проблем как для учителей, так и для учеников. Поговорим о данной ситуации более подробно.

Начало четвертой четверти ознаменовалось в системе общеобразовательных учреждений страны реализацией новой формы обучения, к которой никто не был готов. Поэтому многие учителя, родители учеников и сами учащиеся растерялись и даже испытали шок. Новоявленная форма обучения таила в себе неизвестность и даже некую таинственность, что стало причиной появления у многих людей чувства тревоги. Однако дальнейшие события позволили продемонстрировать профессионализм учителей, которые стали знакомиться с техническими возможностями, осмысливая и формируя новые варианты проведения уроков и др., а для продуктивной работы в этом направлении потребовалась и корректировка учебной программы.

Рассмотрим некоторые сложности, с которыми столкнулись учителя в период перехода на дистанционное обучение. Одна из основных проблем – техническая: сюда можно отнести наличие компьютерного оснащения в домашних условиях, а также грамотное владение компьютерными умениями и навыками. Аналогичная ситуация сложилась и у учащихся, хотя ученики 9 класса в силу своего возраста легче осваивали новые возможности. В период перехода на дистанционный формат обучения выяснилось, что определенная категория учеников не имеет дома ни стационарных, ни переносных компьюте-

ров, у некоторых же имеется один компьютер на семью, где учится несколько школьников. Также возникала проблема и с тем, что родителям, находившимся на удалённой работе, тоже необходимо было работать на компьютере. Поэтому администрация школы подключилась к решению этой проблемы, выдавая на временное пользование школьные ноутбуки. Также многие родители самостоятельно решали данную проблему, приобретая необходимую технику.

Другая сложность – отсутствие навыков работы в онлайн-режиме. Действительно, вести урок в этом варианте для многих учителей было трудно и проблема заключалась в психоэмоциональном состоянии, суть которой заключалась в отсутствии живого общения. Однозначно, что непосредственный контакт между учителем и учениками позволяет установить незримую связь, по их реакции педагог может ориентироваться на уровень освоения нового материала и др. Поэтому без прямого общения учитель испытывает чувство неудовлетворения от рабочего процесса. Особенно это относится к гуманитарным дисциплинам, в том числе к истории и обществознанию, которые требуют аудиторный диалог, обсуждение при исследовании результатов изученного исторического события или общественного процесса, происходящего, например, в современной России. Но в ситуации дистанционного обучения этого не происходило, а если и было, то оно осуществлялось в жестком временном ограничении. Помимо этого, учитель не имел возможности контролировать работу школьников во время онлайн-урока, он не мог реально увидеть, чем занимается ученик по ту сторону экрана.

Хочется отметить слаженную работу администрации и учителей школы, которые на сайте учебного заведения разместили в общем доступе полную информацию о работе общеобразовательного учреждения в условиях дистанционного обучения. Также на сайте школы вместе с

расписанием уроков находилось указание планируемых тем для изучения в конкретный день недели, а в графе «Домашнее задание» учителя фиксировали определенный пункт задания по пройденной теме урока, а также существовала специальная графа с пометкой даты сдачи учащимися письменных ответов. Знания и опыт учителей информатики стали в это время особенно востребованными, ведь от них зависела вся работа общеобразовательного учреждения. Их помощь и поддержка позволила учителям в кратчайшие сроки перестроиться на нововведенный вариант работы.

Однозначно, что дистанционное обучение стало для учеников проверкой наличия прилежания и мотивации к учебе. Чаще всего учащиеся подтверждали свое отношение к учебному процессу добросовестным выполнением домашнего задания и отправкой его на проверку учителю в указанный срок. Но в каждом классе всегда присутствовало несколько учеников, постоянно опаздывающих с публикацией своих работ и находящих всевозможные отговорки его невыполнения. На мой взгляд, добросовестные ученики обучались, как требовала того учебная программа, усваивая пройденный материал с учителем на онлайн-уроке и закрепляя его самостоятельно. Но, как признавались отдельные ученики в частной беседе, им приходилось прикладывать определенные усилия для этого, также они обращали внимание на то, что тратили несколько большее количество времени, чем во время обучения в традиционной форме. Из чего можно заключить, что такое обучение для них было проблематичным.

Еще одна проблема дистанционного обучения – отсутствие устных ответов учеников, являющееся основным показателем освоения учебного материала, ведь учебные предметы «История» и «Обществознания» – это не только знание конкретных сведений, но еще и умение пересказывать текст, включая такие навыки как составление полноценного рассказа на конкретную тему

с указанием причинно-следственных связей событий, приведение примеров из разных исторических эпох, анализ прочитанного текста и др. Возможность проводить дополнительные онлайн-уроки для развития таких умений отсутствовали, т.к. увеличение количества «экранного» времени противоречат нормам СанПиНа, поэтому можно констатировать, что дистанционное обучение не дает полноценного обучения школьников. В целом, данная проблема демонстрирует потерю интереса у некоторых учеников к учебному процессу и возможность формального подхода учителей, а это недопустимо.

Таким образом, в материале автора продемонстрированы некоторые стороны дистанционного обучения, проходившего в нашей стране весной 2020 года. Однозначно, что вышеуказанная форма обучения имеет право на существование, но если мы желаем сохранить уровень знаний школьников и хотим продолжать формировать его качественно, то злоупотребление такой формой обучения невозможно. В перспективе следует осторожно и обдуманно рассматривать данный вариант обучения для всех общеобразовательных учреждений страны, кроме определенных случаев. К таким можно, например, отнести условия Крайнего Севера, где дети оленеводов, вместе с родителями, ведут кочевой образ жизни. Здесь дистанционное обучение могло бы стать одной из моделей кочевой школы, распространенной сейчас в арктической зоне Республики Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ и др.

В целом, можно заключить, что дистанционное обучение школьников общеобразовательных учреждений возможно,

но как крайний вариант при критических ситуациях в стране и на непродолжительное время. Также следует обратить внимание на использование специальных онлайн-методик преподавания различных школьных дисциплин, особо обращая внимание на такие учебные предметы как история и обществознание. Для чего необходимо уже сейчас вести целенаправленную работу по разработке таких методик, создавая общую методическую базу, которую можно было бы использовать в педагогической среде.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что дистанционное обучение – это образовательная среда с современными технологиями, а также с наличием компьютеров с программным обеспечением, презентационным оборудованием и высокоскоростным интернетом. Однако в образовательных учреждениях страны, в том числе в школах различного уровня и направленности, эта форма обучения не может полностью заменить традиционную сложившуюся систему. Потому что процесс общения учителя с учениками на уроках остается основой для формирования уровня знаний у подрастающего поколения. Именно учитель является тем человеком, который открывает детям страну знаний и целенаправленно помогает познавать новые и интересные сведения о мире во всем его разнообразии.

Библиографический список

1. https://spravochnick.ru/pedagogika/pedagoginovatory_ih_vklad_v_razvitiye_obrazovaniya/. Дата обращения: 15 июля 2020 г.

© *Белянская М. Х.*, 2020.

УДК: 378.016

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ**

И. Ю. Жмурова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-2173-9491,
e-mail: mimiya@yandex.ru,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**TRANSFORMATION OF MATHEMATICAL TRAINING OF PEDAGOGICAL
EDUCATION BACHELORS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING**

I. Yu. Zhmurova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
ORCID: 0000-0002-2173-9491,
e-mail: mimiya@yandex.ru,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of studying algebra and number theory by pedagogical education bachelors in the conditions of transition to distance learning at the southern Federal University. The aspects of using distance educational technologies in lectures and organizing independent work of students are considered. The article describes the possibilities of working on the Microsoft Teams corporate platform, and the specifics of conducting interim certification in the Moodle learning environment.

Keywords: distance learning; educational process; online course; professional activity; educational process; forms of work.

Изменение окружающей действительности, трансформация глобализирующегося общества, появление новых реалий неизбежно требуют модернизации образовательной системы. Возникновение пандемии, вызванной новой вирусной инфекции поставило всех участников образовательного процесса перед немедленным переходом на новые формы работы, вследствие чего на первый план выдвинулись дистанционные образовательные технологии, под которыми мы понимаем «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника» [1, с. 12]. Дистанционные образовательные технологии используются в образовательном процессе

достаточно давно, но до последнего времени многие преподаватели вполне могли обходиться традиционными технологиями, используя дистанционные формы «факультативно». Работа в период вынужденного перехода на дистант показала, что перенос «старых» технологий в новые условия не просто малоэффективен, но и невозможен. Остро встал вопрос о применении дистанционных образовательных технологий в новых условиях.

Очевидно, что существование многочисленных открытых онлайн курсов (даже очень высокого качества) не решает эту проблему полностью, так как для успешного обучения подобным образом необходима убедительная мотивация и высокая степень самоорганизации индивидуума. В условиях массового образования полагаться на массовые открытые онлайн курсы было бы, по меньшей мере, нецелесо-

образно. Необходимо направлять и организовывать данный процесс.

Рассматриваемые вопросы особенно актуальны для педагогического образования, поскольку при обучении педагогов целесообразно использовать преимущественно те технологии, которые впоследствии они смогут использовать в своей профессиональной деятельности. Покажем, каким образом данная проблема решалась в институте математики, механики и компьютерных наук им. И. И. Воровича Южного федерального университета при изучении теории чисел.

После вынужденного перехода на дистант остро встала проблема организации учебного процесса в новых условиях. Все аудиторские занятия были переведены в онлайн на корпоративной платформе Microsoft Teams, что позволило сохранить существующее расписание и избежать стихийности.

Лекции проводились онлайн в форме вебинаров. В этом режиме можно максимально использовать мультимедийные ресурсы: показывать учебные видеосюжеты, вводить компьютерные демонстрации, демонстрировать работу специальных пакетов прикладных программ. Тем не менее, основные этапы доказательства, решения задачи, построения графика или чертежа должны быть продемонстрированы последовательно, не в виде готовой формулы или рисунка. Безусловно, программа Power Point позволяет сделать это с помощью настройки анимации, но, на наш взгляд, студент должен видеть процесс их появления, этапы решения, участвовать в обсуждении проблемы, т.е. быть активным слушателем, субъектом учебного процесса. Поэтому при чтении лекции было использовано совмещение мультимедийных средств с обычной работой «мелом»: роль доски исполняло окно браузера. Microsoft Edge позволяет вводить рукописные пометки, поэтому у слушателя есть полная иллюзия присутствия на обычной лекции.

Субъективное мнение студентов об удовлетворенности подобной методики мы получили, анализируя ответы на вопросы о впечатлениях от проведения курса. Следует заметить, что опрос проводился анонимно и никоим образом не влиял на итоговую семестровую оценку.

Индекс удовлетворенности вычислялся по формуле:

$$I = \frac{a_1 + 0,5a_2 + 0 \cdot a_3 - 0,5a_4 - a_5}{N},$$

где N – общее число респондентов, a_1, \dots, a_5 – последовательные ступени шкалы:
 a_1 – высокая удовлетворенность;
 a_2 – достаточная удовлетворенность;
 a_3 – не могу оценить;
 a_4 – недостаточная удовлетворенность;
 a_5 – низкая удовлетворенность.

По результатам опроса более 78,5 % студентов отметили уровень удовлетворенности данной методикой чтения лекций как высокий и достаточно высокий. Студенты не просто отметили достоинства подобной формы работы, но увидели, каким образом они могут использовать данные приемы и методы в своей профессиональной деятельности.

Необходимым условием успешной работы является наличие обратной связи, а также интерактивной составляющей. Онлайн лекция в форме вебинара позволяет не просто отметить присутствие или отсутствие студента, а оценить его активность. Для этого в чате вебинара задавались вопросы, требующие быстрого ответа. Поскольку технические возможности слушателей не всегда позволяли работать синхронно, наиболее удачной, на наш взгляд, формой работы в чате является вопрос с выбором одного варианта ответа из нескольких предложенных. Задания для самостоятельной работы студентов также были изменены: увеличено количество вариантов, усилена исследовательская компонента. Для выполнения индивидуального задания необходимо было не

просто прочесть текст лекции и ответить на стандартные вопросы, но глубже разобраться в изученном материале, проследить все связи и особенности. Индивидуальные задания выполнялись студентами также на платформе Microsoft Teams, каждое задание оперативно проверялось, корректировалось и оценивалось.

Одним из вызовов сложившейся ситуации стала необходимость изменения формы промежуточной аттестации. Очевидно, что традиционная форма проведения экзамена (устного или письменного) в условиях дистанционного обучения стала невозможной. Эта проблема была решена следующим образом. Экзамен состоял из двух частей: компьютерное тестирование и собеседование в режиме видеоконференции. Тестирование проводилось в учебной среде Moodle [2, с. 182]. Для того, чтобы избежать ситуацию возможного списывания, объем банка вопросов на порядок превышал количество вопросов в экзаменационном тесте. Были использованы практически все варианты тестовых вопросов, реализуемых в Moodle: выбор нескольких правильных ответов из предложенных вариантов, установление соответствия между элементами, ранжирование, нахождение истинностного значения высказывания, ответ, введенный самостоятельно и др. И вопросы, и варианты ответов давались в случайном порядке, что дало возможность каждому студенту дать

практически индивидуальный вариант. После прохождения тестирования в режиме видеоконференции с каждым студентом проводилось индивидуальное собеседование в режиме «Вопрос – ответ». Вопросы были подобраны таким образом, чтобы подготовленный студент мог ответить в течение нескольких секунд, это позволило обойтись без процедуры прокторинга. За время работы в дистанте студенты привыкли к такому режиму, что позволило избежать стресса во время прохождения промежуточной аттестации. Следует отметить, что итоговые отметки, полученные студентами, незначительно отличались от их результатов прошедших семестров.

Таким образом, внедрение дистанционных образовательных технологий в учебный процесс позволило без особых потерь организовать работу в условиях удаленного обучения и избежать снижение качества подготовки.

Библиографический список

1. Вайндорф-Сысоева М. Е., Грязнова Т. С., Шитова В. А. Методика дистанционного обучения. – М. : Юрайт, 2020. – 194 с.
2. Смирнова Ж. В., Мухина М. В. Обучающаяся среда MOODLE в организации тестового контроля знаний // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 182.

© *Жмурова И. Ю.*, 2020.

УДК 159.923:316.6

**УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ
КАК ОСНОВА УСПЕШНОСТИ СОТРУДНИКОВ DIGITAL СФЕРЫ****Е. В. Звонова***Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,***А. В. Лендина***Московский педагогический университет,
Ведущий менеджер проектов
ORCID 0000-0002-4241-8654,
e-mail: anst.nst@gmail.com,
ООО «Кокос групп»,
г. Москва, Россия***THE LEVEL OF CLAIMS AND SELF-ACTUALIZATION AS A BASIS
FOR THE SUCCESS OF EMPLOYEES IN THE DIGITAL SPHERE****E. V. Zvonova***Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,***A. V. Lendina***Moscow Pedagogical University,
Lead Project Manager,
ORCID 0000-0002-4241-8654,
e-mail: anst.nst@gmail.com,
LLC "Kokos group",
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the psychological characteristics of specialists working in the digital sphere. The authors believe that the characteristics of motivation are critical to the success of digital professionals. The conducted empirical research confirms the hypothesis put forward.

Keywords: digital sphere; motivation; self-actualisation; professional success.

Проблемы изучения уровня притязаний как процесс постановки индивидуумом задач в соответствии с представлением о собственных способностях были начаты с исследований Курта Левина (Kurt Z. Lewin) [8], однако, в последние десятилетия наблюдается поразительная картина – данный феномен находится в центре внимания многих психологов-практиков, работающих в области социальной и организационной психологии, однако, занимает скромное, периферийное место в фундаментальных исследованиях. Данную ситуацию можно объяснить отсутствием единой методологической основы и многозначность термина, который, видимо, обозначает не один феномен, а

группу связанных между собой явлений [5]. Проблема самоактуализации (self-actualisation), очерченная А. Маслоу в рамках его теории мотивации, как желание человека использовать все свои способности для достижения и достигать того уровня развития, на что он максимально способен [12], занимает большое место в работах современных психологов, работающих в области гуманистической психологии [6; 10].

Самоактуализация рассматривается как основная потребность в иерархической структуре мотивации А. Маслоу [9]. Наибольшее количество работ посвящены поиску факторов, влияющих на уровень самоактуализации и скорости, с которой

люди продвигаются по иерархии. Традиционно основным фактором рассматривался возраст, что подтверждено многочисленными исследованиями, однако экспериментальные результаты, полученные в последние годы, показали, что могут быть выявлены и другие важные факторы, помимо возраста, которые связаны с самоактуализацией. Вполне возможно, что одной переменной может выступить социально востребованная (или нет) профессиональная деятельность [6].

Вместе с тем, вопросы психологических характеристик специалистов, работающих в Digital сфере выступают наиболее актуальными для современной науки и практики, поскольку технологии вносят исключительно большой вклад в сложность, изменчивость и транзитивность современной жизни [3, с. 22]. Необходимость изучения психологических характеристик специалистов, работающих в Digital сфере объясняется во-первых, важностью данной социальной практики для нормального функционирования всего мира; во-вторых, исключительной ролью человеческого фактора во всех сферах цифровизации и роботизации, в-третьих, безусловным влиянием Digital средств на функционирование человеческой психики [2]. В частности, исследования показали связь уровня удовлетворения основных потребностей с показателями невротизма и наличие внутреннего локуса контроля [7], в глобальном масштабе рассматривается специфика киберсоциализации человека [4].

Уровень притязаний напрямую влияет на выбор человеком пути успеха или неуспеха, что крайне важно для профессионального развития.

В основу нашего исследования легло предположение о том, что преобладание высоких и средних показателей уровня притязаний в мотивационной структуре и высоких и средних показателей стремления к самоактуализации являются основой успешности сотрудников Digital сферы.

В исследовании приняли участие 10 человек (5 мужчин и 5 женщин), сотрудники Digital компании КОКОС Group, с опытом работы в сфере Digital не менее 3 лет. Возраст участников исследования от 27 до 38 лет, образование высшее. Статус респондентов в организации: 3 ведущих менеджера и 7 руководителей отделов. Все участники исследования работают в одном департаменте организации.

Успешность респондентов определялась следующими параметрами:

1. Во время беседы респонденты рассказали о своём субъективном восприятии себя как успешного в своей профессиональной сфере.

2. Все респонденты имели успешную карьеру, это проявилось в изменении должности в организации, а также в развитии профессиональных знаний в рамках получения новых компетенций в рамках обучения и стажировок и участия в инновационных проектах.

3. Участники исследования говорили о своем стремлении к дальнейшему развитию и повышению статуса в организации и в знаниях в области Digital.

Проведенные психологические исследования характеристик сотрудников, работающих в Digital сфере показали, что специалистам требуются своеобразные способы переработки информации, а также в её анализе, структурировании, категоризации и оценивании.

В беседе с HR-специалистом организации Кокос Group удалось выяснить на что они обращают внимание при общении с соискателями в Digital сфере помимо опыта, образования и профессиональных качеств. В набор наиболее ожидаемых личностных качеств современных Digital-специалистов входят следующие: эмоциональная устойчивость, аккуратность, экономность, высокая работоспособность, высокая мотивация, высокая терпимость к неопределенности. Кроме того, уместно оценивать такие индивидуальные показатели как умение в общении быть кон-

структивным и уверенным, а также очень важна стрессоустойчивость.

Результаты, полученные с помощью опросника В. К. Гербачевского, предназначенного для выявления уровней притязаний посредством диагностики компонентов мотивационной структуры личности, позволили провести диагностику уровня притязаний в экспериментальной группе [1]. Для анализа полученных экспериментальных данных был использован описательный метод статистики: мера центральной тенденции – средние показатели.

Так как общепринятых нормативных данных для опросника В. К. Гербачевского нет, был выявлен средний уровень в сравнении с данными группы по медиане. При расчете показателей вариационного ряда получили, что медиана нашего ряда равна показателю 15. Благодаря этому мы смогли увидеть преобладающие компоненты мотивационной структуры уровня притязаний – у участников экспериментальной группы преобладают высокие и средние показатели уровня притязаний, 12 из 15 компонентов (рис. 1).

Усредненное значение показателей уровня притязаний по компонентам у работников Digital сферы, n=10

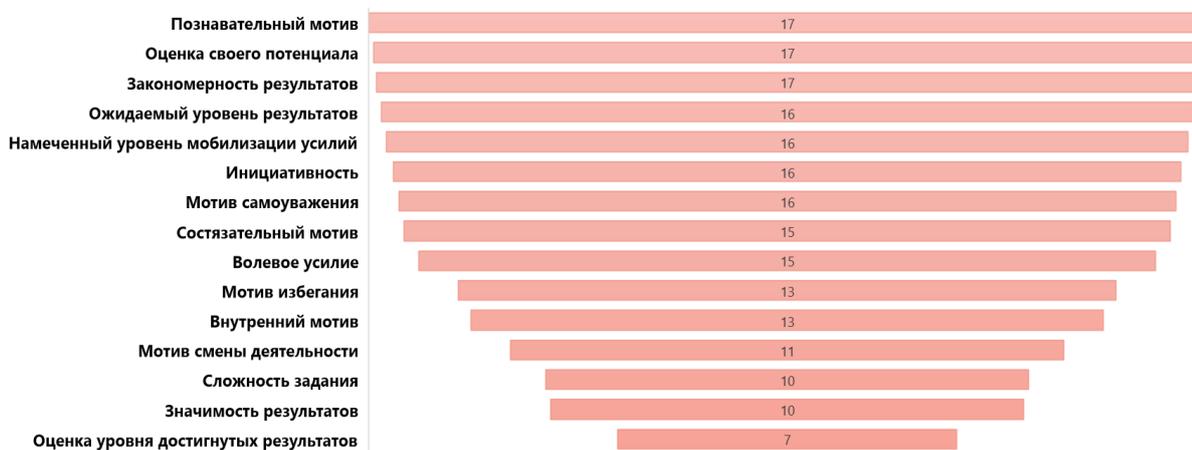

Рис. 1. Усредненное значение показателей уровня притязаний у работников Digital сферы, n=10.

Далее был проведен опросник личностных ориентаций (Personal Orientation Inventory, POI) Эверетта Шострома в адаптации А. Ф. Лазукина и Н. Ф. Калины – Опросник диагностики самоактуализации личности САМОАЛ (А. В. Лазукин, Н. Ф. Калина, 1998) [1], предназначенный для выявления структуры самоактуализации личности. На рисунке 2 представлены обработанные усредненные показатели по выборке по опроснику САМОАЛ. Чем выше балл по шкале, тем сильнее выражена та или иная особенность личности, являющаяся ком-

понентом самоактуализации. Выявляем средний уровень в сравнении с данными группы по медиане. При расчете показателей вариационного ряда выявили, что медиана нашего ряда равна показателю 59. На основе полученных данных мы можем сделать вывод о самоактуализации исследуемых сотрудников Digital сферы. На основе расчета этого среднего показателя по группе исследуемых респондентов выявили, что 10 из 11 сфер структуры самоактуализации имеют средний и высокий уровень в группе. Единственная сфера, которая получила низкие показатели в

структуре – взгляд на природу человека. В связи с особенностями деятельности сотрудников Digital сферы данный аспект в

профессиональной деятельности Digital специалистов не играет фундаментальную роль.

Рис. 2. Усредненные показатели по каждой сфере самоактуализации у работников Digital, n=10.

В результате проведенного исследования мы можем заключить, что выдвинутое нами гипотетическое предположение о том, что преобладание высоких и средних показателей уровня притязаний в мотивационной структуре и высоких и средних показателей стремления к самоактуализации являются основой успешности сотрудников Digital сферы. Мы рассматриваем полученные результаты как предварительные, требующие дальнейшего расширения базы исследования, а также выявления дополнительных переменных. Поскольку вопросы самоактуализации имеют значение для формирования идентичности, основ нравственности и становления ценностей [11], мы считаем, что необходимо разработать специальные методы диагностики, психологического сопровождения и развития сотрудников Digital сферы, которая потенциально оказывает огромное влияние на жизнь всего современного мира.

Библиографический список

1. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2007.
2. Величковский Б. М., Князев Г. Г., Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Новые подходы в исследованиях творческого мышления: от феноменологии инсайта к объективным методам и нейросетевым моделям // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 3–16.
3. Войскунский А. Е. Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – Т. 21. – № 1. – С. 21–39.
4. Плешаков В. А. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2. – № 3. – С. 47–62.
5. Сидоров К. Р. Концепт «Уровень притязаний» в современной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-uroven-prityazaniy-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 06.08.2020).
6. Ivztan I., Gardner H. E., Bernard I., Sekhon M., Hart, R. (2013). Wellbeing through self-fulfilment: Examining developmental aspects of self-actualization. The Humanistic Psychologist,

- 41(2), 119–132. <https://doi.org/10.1080/08873267.2012.712076>
7. Lester D., Hvezda J., Sullivan S., Plourde R. (1983) Maslow's Hierarchy of Needs and Psychological Health, *The Journal of General Psychology*, 109:1, 83-85, DOI: 10.1080/00221309.1983.9711513
 8. Lewin K. (1999) *Resolving Social Conflicts: And, Field Theory in Social Science*. Washington: Amer Psychological Assn. 422 p.
 9. Maslow A. H. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*, 50(4), 370-96.
 10. Reiss S., Havercamp S. M. (2005) Motivation in Developmental Context: A New Method for Studying Self-Actualization. *Journal of Humanistic Psychology*. Volume: 45 issue: 1, page(s): 41-53 <https://doi.org/10.1177/0022167804269133>
 11. Winston C. N. (2016). An existential-humanistic-positive theory of human motivation. *The Humanistic Psychologist*, 44(2), 142–163. <https://doi.org/10.1037/hum0000028>
 12. <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/self-actualization>

© Звонова Е. В.,
Лендина А. В., 2020.

УДК 159.98

**РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ****З. А. Ломако***Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: DedImaLom@yandex.ru,
Государственный социально-
гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия***DEVELOPMENT OF STUDENTS ' COGNITIVE ACTIVITY IN THE PROCESS
OF SOLVING PROBLEMS****Z. A. Lomako***Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
e-mail: DedImaLom@yandex.ru,
State Social Humanities University
Kolomna, Moscow region, Russia*

Abstract. This article discusses one of the ways to develop students cognitive activity in the process of solving problems. The methodological basis of the research is the theory of step-by-step formation of mental actions and concepts, which most fully implements the activity approach to learning, the concept of activity, its components and relationships between them. The content of the developed subjectively creative educational tasks serves as a means of developing cognitive activity. The author describes the composition of actions for the development and solution of such tasks, which allowed for step-by-step control of the learning process, education of students, cognitive interest and independence.

Keywords: students; cognitive activity; approach to learning; creative tasks; composition of actions; step-by-step formation of actions.

Вопросы развития познавательной деятельности студентов всегда актуальны в теории и практике обучения. В целях совершенствования учебного процесса осваиваются исследовательские методы, технологии обучения, отражающие запросы общества и практики образования, так как организация обучения с позиций воспроизведения книжных знаний сводит подготовку специалиста к запоминанию знаний, составляющих содержание учебной дисциплины, и слабо ориентирована на развитие познавательной деятельности личности, способной не только усваивать готовые знания, но и творчески их перерабатывать. Под познавательной деятельностью, как показывает наш анализ психолого-педагогической научной литературы, понимается активное изучение человеком окружающей действительности, в процессе которого приобретаются знания,

изучаются закономерности окружающей действительности и способы взаимодействия с ним. Процесс познания включает объект познания, средства познания (использование приборов, использование моделей) и субъект познания. В настоящее время в образовательной среде наблюдаются тенденции организации обучения, когда учитываются внутренний потенциал обучаемых, поиск путей развития их индивидуальности, активное освоение студентами не столько знаний, умений и навыков, сколько способов познавательной деятельности [10].

Проблема исследования заключается в том, что познавательная деятельность человека – единство чувственного восприятия, теоретического мышления и практической деятельности. Она осуществляется на каждом жизненном шагу, во всех видах деятельности и социальных взаимоотно-

шений студентов (производительный и общественно полезный труд, ценностно-ориентационная и художественно-эстетическая деятельность, общение), а также путем выполнения различных предметно-практических действий в учебном процессе (экспериментирование, конструирование, решение исследовательских задач и т.п.). В практике вузов организация учения подразумевает накопление якобы достаточной для будущей деятельности суммы знаний из всех учебных дисциплин, составляющих совокупную интеллектуальную основу профессии. Таким образом, в качестве главного результата обучения подразумеваются именно знания, а не личность, способная творить, создавать новые знания в своей профессиональной области, постоянно обучаясь в процессе деятельности самостоятельно.

Мы считаем, что такая организация учения нуждается в переориентировке: с нацеленности ее на запоминание готовых знаний необходимо перейти на формирование личностных новообразований, умения творчески учиться, перерабатывая научные знания и общественный опыт применительно к потребностям практики. Но только в процессе обучения познание приобретает четкое оформление в особой, присущей только человеку учебно-познавательной деятельности, в которой необходимо выявить средство развития познавательной деятельности студентов. Тогда само обучение, преподавание учебных дисциплин должно опираться на психологическую теорию деятельностного подхода к обучению, при реализации которой не преподаватель учит, а студент учится сам в процессе собственной деятельности. Чем активнее познавательная деятельность обучаемого, тем выше эффективность усвоения. Роль преподавателя в этих условиях превращается в роль организатора учебной деятельности студента, а не человека, который в буквальном смысле учит его, передавая в ходе

преподавания свои знания. Преподаватель организует учебную деятельность студента таким образом, чтобы он не пассивно воспринимал и поглощал текст учебного материала или слова преподавателя, а активно мыслил, извлекая необходимую научную информацию из того или иного источника. Поэтому преподаватель является организатором учебной деятельности студента как продуктивной творческой деятельности, связанной с достижением социально полноценного продукта в условиях как совместной, так и индивидуальной учебной деятельности. Благодаря такой организации студент выступает не пассивным потребителем информации, а активным ее «добытчиком» и производителем. Мы исследовали психологические условия применения такой организации обучения для формирования творческих умений при изучении физики в вузе – высшем артиллерийском командном училище. Формирование таких умений является одним из условий повышения качества усвоения не только физики, но и профессиональных знаний, а средством развития познавательной деятельности, как мы думаем, выступает содержание учебных задач [9].

Общетеоретической основой исследования является концепция планомерного (позапного) формирования умственных действий, созданная П. Я. Гальпериным, развиваемая Н. Ф. Талызиной, а также их последователями, в которой наиболее полно реализован деятельностный подход к обучению. Согласно этой концепции для формирования любой деятельности необходимо выявить составляющие ее действия, систему объективных условий (знаний) для их правильного выполнения и организовать поэтапное усвоение обучаемыми этих действий. В этих целях были разработаны специальные учебные задачи, которые обучаемые решали сначала при помощи преподавателя, а затем самостоятельно – в материальной форме, потом в громкоречевой, далее в форме речи

про себя и, наконец, собственно в форме умственных действий [1; 2].

Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов, рассматривая учение с позиций общепсихологической теории деятельности, сформулировали понятие учебной деятельности. «Это деятельность направленная, имеющая своим содержанием овладение обобщенными способами действия в сфере научных понятий... такая деятельность должна побуждаться адекватными мотивами, ими могут быть... мотивы приобретения обобщенных способов действий, или, проще говоря, мотивы собственного роста, собственного совершенствования» [3, 4].

Учебная задача направлена также и на освоение соответствующего учебного содержания, ведь только через решение учебных задач обучаемый овладевает предметными знаниями, умениями и навыками. Таким образом, решение учебных задач является центральным звеном учебной деятельности. Для того чтобы конструировать учебные задачи в соответствии с поставленными целями, мы опирались на структуру задач: цель и требования задачи; исходные условия задачи, соотношения между данными; модели требуемого состояния предмета задачи; оператора задачи (совокупность действий, которые надо произвести над условием задачи, чтобы выполнить ее решение).

Мы ставили перед собой следующие цели: 1) научить обучаемых решать субъективно творческие задачи (двух типов: а) задачи на разработку принципа действия технических устройств из разных областей человеческой деятельности, основу которого составляют одно и то же фундаментальное знание, например, физическая характеристика высоты звука для разработки принципа действия эхолота (прибора для обнаружения косяков рыб, звукоулавливателя для определения координат артиллерийской цели, контура концертного зала и др.; б) задачи на разработку принципа действия одного и того же по функциональному параметру техническо-

го устройства, но на различных фундаментальных знаниях из физики, например, задачи на разработку принципа действия термометра жидкостного, электрического, дистанционного для измерения температуры стали в плавильной печи или источника возгорания в зернохранилище и др.); 2) научить обучаемых самостоятельно разрабатывать творческие задачи из области своей будущей профессиональной деятельности. Например, совершенствовать элементы артиллерийского вооружения на основе физических знаний.

В качестве системы объективных условий действия по решению и разработке указанных творческих задач мы рассматриваем не предметные знания, а методологические. Методологические знания – это знания о психологических закономерностях познания и деятельности, а предметные знания – знания о закономерностях явлений окружающего внешнего мира [7; 8].

Сама структура знаний указанного вида определяет состав действия по разработке и решению представленных выше творческих задач: 1) подведение предметных явлений, обозначенных содержанием творческой задачи, под методологические знания о компонентах человеческой деятельности; 2) определение известных и неизвестных предметных явлений в творческой задаче и соответствующих им компонентов деятельности; 3) наложение взаимосвязей между компонентами деятельности на предметные явления (известные и неизвестные) в творческой задаче; 4) выявление структурных элементов известных компонентов деятельности и соответствующих им предметных явлений в творческой задаче; 5) разработка структурных элементов неизвестных компонентов деятельности и соответствующих им неизвестных явлений в задаче [9].

Каждый участник эксперимента имел схему ООД. Выполнялось поэтапное формирование всех действий. Студенты экспериментальной группы имели свои трудности, успехи и неудачи, поэтому и темп

формирования действий был на начальном этапе эксперимента практически индивидуальным или в форме малых групп – 2–3 человека.

Мотивационный этап. Формирование отношения испытуемых к целям и задачам усваиваемого действия осуществлялось в благоприятной обстановке: все участники экспериментальной группы выразили добровольное участие в совершенствовании своей познавательной деятельности, содержание задач им было интересно.

Этап ориентировки в содержании задач. Усвоение схемы ориентировочной основы действия происходило в совместной работе студентов с психологами, эта схема постоянно проверялась и уточнялась в поисках примеров для отражения содержания схемы ООД. Мы неукоснительно вели к полноценной психологически обоснованной ориентировке, которую привели выше (схема ООД). В ходе усвоения нового знания и способов действий с ним студенту приходится строить абстрактные образы, анализировать их, для этого студенту раскрывали суть средств для удержания и анализа чувственно неуловимой абстракции. В качестве таких средств предлагались схемы и другие знаково-символические средства, представленные в исследовании Е. В. Звоновой [5].

Материальный и материализованный этап: студенты, вдумываясь в содержание задачи, анализируют кадры документальной кинохроники плавления стали, поиска возможного источника теплового излучения в помещении. Ориентировка и исполнение действия осуществлялась с опорой на схему ООД. Средствами материализации осознания содержания задачи служили схемы, фотографии, справочники и страницы учебников, в которых излагались физические свойства объектов или явлений, представленных в задаче [11]. Студенты определяли, какую физическую характеристику явления следует выбрать для того или иного прибора в качестве

меры измерения, способы её отложения и фиксации.

Внешнеречевой этап. Мы стремились к преобразованию действий студентов – к описанию значения содержания схемы ООД в форме действия во внешней речи. Для многих студентов необходимость представления схемы ООД визуалью отпадает; мы предлагали им пересказать её содержание, так как речь выступает в качестве основной опоры для формирующегося умения решать вышеуказанные задачи. Но при затруднениях вербального воспроизводства схемы ООД испытуемый имел право работать со схемой ООД визуалью.

На пятом этапе (действие во внешней речи «про себя») у студентов темп решения задач становится более высоким, происходит дальнейшее преобразование действий по решению задач: внешняя звуковая сторона речи постепенно сокращается; основное содержание действия переносится во внутренний, умственный план.

Анализ результатов исследования показывает также, что состав действий решения субъективно творческих задач имеет форму собственно умственного действия у 60 % от общего числа участников эксперимента. Остальные студенты, (40 %), схему ООД воспроизводили в форме внешнеречевой, но в некоторых случаях обращались к учебной карте (материализованная форма действия).

Такие результаты доказывают эффективность разработанной нами методики подготовки к решению познавательных задач на основе требований теории поэтапного формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина. В процессе решения задач указанного типа отмечалась высокая мотивация познавательной деятельности, активность, осознанность и понимание физических явлений и принципа действия технических устройств профессиональной деятельности. Установки на запоминание учебного материала не потребовалось, это происхо-

дило произвольно и «ячейками» долговременной памяти.

В качестве контрольных задач были даны задачи на разработку принципа действия лабораторных и демонстрационных установок по физике. С контрольными задачами справились все обучаемые, часть из них представила несколько вариантов установок.

Психологическая основа обучения позволила получить высокоэффективную методику преподавания, пошаговый контроль процесса обучения, воспитание познавательного интереса и самостоятельности обучения и ряд других неоспоримых положительных показателей результата обучения.

Библиографический список

1. Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. – Т. 1. – М., 1959.
2. Гальперин П. Я. Введение в психологию. – М. : Изд-во МГУ, 1976.
3. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. – М. : Директ-Медиа, 2008.
4. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. – М. : Академия, 2004.
5. Звонова Е. В. Символизация и психологический механизм создания картины мира // European Social Science Journal. – 2013. – № 11-2 (38). – С. 8–15.
6. Звонова Е. В., Салмина Н. Г. Идеи П. Я. Гальперина и перспективы развития культурно-исторической науки // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2017. – № 5. – С. 64–69.
7. Климов Е. А. Психология: воспитание, обучение : учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975.
9. Ломако З. А. Развитие познавательной активности студентов // Герценовские чтения. Начальное образование. Том 1. Начальное образование современной России. – СПб. : Издательство ВВМ, 2010. – С. 246–251.
10. Панина Т. С. Современные способы активизации обучения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Т. С. Паниной. – М. : Издательский центр «Академия», 2006.
11. Пестерева Н. А. Изобразительные средства искусства как аудиовизуальная технология дистанционного обучения // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2014. № 10. – С. 14–23.

© Ломако З. А., 2020.

UDC 378

**REVIEW OF THEORETICAL ASPECTS OF HIGHER EDUCATION SYSTEM
IN POST-SOVIET COUNTRIES AND KAZAKHSTAN****R. E. Andekina**

*PhD, associate professor,
ORCID 0000-0002-0740-0686,
e-mail: andekinaregina@gmail.com,
Turan-Astana University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Abstract. Since independence of the Republic of Kazakhstan and the transition to a democratic society and market economy, significant progress has been made in the higher education system of the country. This paper analyzes a number of researches of foreign and domestic scientists on Kazakhstan system of education, compares and contrasts it with the Soviet system and within the post-Soviet countries. The article was prepared within the framework of project AR08052656 «Readiness assessment of Kazakhstani higher educational institutions for transformation within the context of «Triple Helix»», funded by the MES of RK.

Keywords: higher education system; Kazakhstan; university; reforms; Soviet system of education.

Introduction

Historically, such issues as trade, health, agriculture and science have been the central part of international discussions, while education has been considered as a domestic issue and was not exposed at the international level. This trend is changing, though. The world community is focusing its attention more and more on education and educational reforms in different countries. Therefore, educational system reforms and dynamics in post-Soviet countries, including Kazakhstan, concern a number of Kazakhstani and foreign researchers as well, whose research was used as a basis for this review. The *purpose* of this paper was to overview research of foreign and domestic scientists on the educational system of Kazakhstan, to compare it with the Soviet system and to analyze its current state.

**Education during the Soviet System
(1922–1991)**

During the Soviet era educational policy in Kazakhstan had two main goals: to introduce universal primary education and to eradicate adult illiteracy. The author of “The Kazakhs” states that education was the key-stone of the Soviet social control, because universal literacy would open direct communication between the public and the elite; this

would permit the Soviet authorities to reach the Kazakhs without having intermediaries who could distort their message [9, p. 194].

A special all-union delegation of pedagogues was sent to Kazakhstan to study the situation and to improve it. At that time the establishment of the higher educational system of Kazakhstan – the Kazakh State University (today’s Al-Farabi Kazakh National University) was opened. Following this, “a Kazakh branch of the Science Academy was opened in 1938. In 1939–1940 there were 2,672 students enrolled in the higher educational institutions, 1,025 of them were Kazakhs” [9, p. 195].

The educational system under the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) was universal, state financed, equal and affordable. But some researchers condemn its strict, centralized control. For instance, Anisimov in his article “The Soviet System of Education” shared his experiences of teaching at a secondary school in the Soviet Union and as a lecturer at an institute of literature [1]. The author struggled with the “political education” and the “Scientific Socialism,” which was inspired by the works of Marx, Engels, Lenin and Stalin.

Professor Heyneman, who has done a tremendous work in studying the educational

system in the former Soviet countries, defines the problems suffered by the system of education because of the central planning. The main problems include: (1) low earnings for education workers, (2) low efficiency of educational institutions, (3) vertical structural rigidity, (4) pedagogical emphasis on “fixed” rather than “dynamic” skills, (5) particularities of selecting for higher education, (6) monopolies in the production of educational materials, and last (7) the absence of openly available education statistics [4, p. 4].

Heyneman asserts that educational institutions are efficient when resources are allocated to the teaching programs that bring high benefit so that the teaching and learning process is quick. The resources allocation decision was based on its political importance rather than on the nature of the product or on the production efficiency. Another indicator of the inefficiency problem is the ratio of staff to students. A high number of staff per student implies that too many resources are spent on salaries, but not on investments, such as computers, libraries, and laboratory facilities.

The other problem was the structure of professional training, which was vertical not horizontal, as Heyneman claims. Vertical organization has induced the curricula stagnation, and halted innovation. Moreover, the size of educational programs was determined by the same parts of the public sector that controlled the economy. For example, Ministries of agriculture controlled state agricultural universities; state transport and power ministries controlled the state-sponsored training in transport and power [4, p. 7]. Educational programs controlling led to the division between research and teaching, overspecialization of programs, and separation of schools and universities by sector. Consequently, public higher education has not been able to respond effectively to the new labor market skill demands. As a result, enrollments and admission to public higher education has declined. The most significant declines were observed in such sciences as en-

gineering, agriculture, transport, and food processing.

Although the Soviet system was universal, equal, and affordable, it was not viable. The system used to prepare well educated competitive specialists, who met the demands and requirements of the twentieth century. That is why all of the post-Soviet countries, after gaining the independence, changed their directions and started reforms in all spheres, including the higher education. The research and studies about post-Soviet countries’ accomplishments are presented in the following section.

Comparative studies of the educational systems in post-Soviet countries

As mentioned earlier, professor of international educational policy, Dr. Stephen Heyneman researched education in different countries of the world. He served the World Bank for 22 years and was even responsible for education policy in 27 European countries, the Middle East, North Africa and Central Asia. In one of his works, Heyneman had drawn parallels between the educational systems in the former Soviet Union and Central and Eastern European countries [5]. He tries to identify the importance of education, and the impact of the transition from Party/State to open democracy on it. He identified the main characteristics of the Soviet education, as mentioned in his previous works, summarized changes which have occurred during the transition, and suggested some steps that might be taken towards transition. Finally, he described the influence of the transition on comparative education.

Newell and Reilly have done cross-country comparative research on rates of return to educational qualifications in the transitional economies of Central and Eastern Europe, the former Soviet countries in Central Asia and Russia [8]. The authors aimed, first of all, to provide compatible estimates of the private rate of return to higher educational qualifications across different countries and through time. In addition, they investi-

gated the impact of changes in the return to higher education on wage.

Likewise, Pomfret analyzed economic experience of five Central Asian countries – Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Tajikistan and Uzbekistan – since their independence [10]. The author focused on the diversity of policies and types of market economy of the nations, and related those variations to their economic performance and prospects. While tackling their economic performance, he talked about its impact on the educational systems of newly independent states. He compared literacy level of citizens across those nations.

Chapman et al. studied national strategies to improve educational quality in five Central Asian countries as well [3]. Their cross-national comparative study sponsored by the Asian Development Bank, presents a comparative analysis of education reforms and strategies to increase educational quality across these republics. Data for this study came from the *Managing Educational Reform in Countries in Transition* project of the Asian Development Bank conducted during 2001–2002.

Education reforms in each of the countries since their independence were designed through (a) content analysis of government documents, newspaper articles and donor reports, (b) interviews with key education and government leaders and (c) an examination of statistical data that were obtained from the Ministries, National Statistical Agencies and Donor organizations [3, p. 523].

Likewise, Anderson and Heyneman examined the education system of Central Asian countries, discussed its challenges and evaluated the efficiency of education delivery in the market economy. They classified challenges in higher education into four major categories: *structural changes, governance, the nature of what was taught and finance, property and taxation* [7]. Their research is based on survey data, primarily from the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan, on enrollment, completion and ex-

penditures. The researchers conclude the work with a summary of the economic and policy lessons derived from the educational transition.

The issue of education in different countries and regions concern World Bank employees as well. Vandycke conducted a research concerning access to education for the poor in Europe and Central Asia. The author identified the following problems:

- the education system as a whole did not work well, and hence failed to meet adequately poor's needs;
- the private cost of education was too high, so that 'education', as a commodity, competes with other consumption goods in shrinking household budgets;
- the perceived benefits of education (in terms of higher wage earnings) were still low, thereby undermining long-term incentives to invest in education [12, pp. 3–5].

Moreover, Professor Heyneman identified the Soviet system's inflexibility and its inability to adapt to technical changes as the main weakness [5, p. 6]. Although all the weaknesses were widely acknowledged by local reformers in the 1980s, systematic change was left for the transition of the 1990s, which overlapped with the collapse of the USSR and occurrence of the newly independent states (NIS). The further reforms and dynamics in the Kazakhstani educational system, as in the independent state, are considered in the following section.

Kazakhstani system of education (since 1991 to date)

Buyers, in her study on the Republic of Kazakhstan, stated that the educational situation since independence was somewhat difficult to judge because of incomplete information. The republic has attempted to overhaul both the structure of its education system and much of its substance, but the questions of what should be taught and in what manner continue to loom large [2, p. 55]. The author pointed out that the Constitution of 1995 specifies that education through sec-

ondary school was mandatory and free, and that citizens had the further right to complete education in the republic's higher institutions for free. The issue that remained unsolved was about the language of instructions, because of almost equal distribution of Kazakhs and Russians [2, p. 56].

In the research conducted with DeYoung, professor Heyneman studied the challenges faced by the entire system of education in Kazakhstan, focusing on three higher educational institutions. Those institutions were Kazakh National Technical University after K. Satpayev, Eastern Kazakhstan State University, and Kainar University [6]. Those universities were chosen purposefully, in order to represent national leading, state, and private universities. Units of analysis were recruitment, admissions and financial aid, retention of enrolled students, faculty employment and salaries, investment and fund raising, and so forth. Based on the data collected and findings, they made policy recommendations for institutions individually as well as for the higher educational system in general.

Professor Heyneman was also involved in the "Post-Graduate Training and Research in Higher Education Management in Kazakhstan" project, which was supported by the Bureau of Education and Cultural Affairs of the US government [7]. Within the frames of the project, he helped to determine some issues needed to be addressed for successful higher education transition. The project consisted of four components:

- Sponsoring young scholars coming to the US to participate in graduate seminars on higher education problems; they visited a number of higher educational institutions and did an internship with tertiary education organizations.
- Rectors' intensive visits to the American universities, meetings with senior officials, discussions of higher educational problems and policies and observing the work of the university administration.
- American professors' visits to Kazakhstani universities.

- Transformation and application of American syllabi and curriculum resources (reading materials) to the Kazakhstani system of education [7, p. 3].

Professor Heyneman asserts that the project was successful because of the emphasis on efficiency and the effort to transfer credits from one university to another. On the other hand, the project faced problems such as the lack of an expert body and structural and organizational handicaps in new fields of study for Kazakhstani universities. Based on these lessons, Heyneman encourages Kazakhstani universities to participate in international research programs sponsored by UNESCO, USAID, the EU, World Bank and others.

On the other hand, Imangaliyeva stressed that Kazakhstan faced a problem regarding the quality and access to education. There was a difference in the quality of education between urban and rural areas [11]. The report concluded that the national policy on education did not account for the interests of students, their parents and employers, claiming civil society had been virtually excluded from managing and controlling the quality of education. Creating an effective educational system was only possible through a joint effort of the state, business and civil society. Such cooperation should ensure transparency and accountability of the system, prevent corruption and increase efficiency.

As professor Zhakenov asserts, development of higher professional education provides a solution of society development and is conditioned by the following social and economy regularities:

- transition to market economy that includes alteration of productive forces and relations of production as well as social status of production objects;
- fast change of technologies resulted in production facility outdated and identified insufficient level of specialists' qualification;
- integrative character of scientific research conducted at junction of various sciences and synthesis of discipline knowledge areas;

- intensive usage of up-to-date information and communication technologies as means of intellectual activity providing automation of physical and mental work [13].

The world experience shows that the best education systems in the world are decentralized and prepare students, not only for a job, but also for the world-citizenship by giving them a broad-range of skills and knowledge. In recent years Kazakhstan has made great efforts in reforming the educational system of the nation.

Conclusion

One of the major results of the reforms is the creation of a network of higher education institutions offering a flexible response to the educational needs of the population and making higher education viable and internally sustainable. The conceptual model for the national higher education system was developed, and the legal frameworks for both public and private education institutions were made the same. The education system was reorganized in accordance with the current economic conditions, and Kazakhstan has adopted some principles of the Bologna process by implementing the credit system.

Kazakhstan's participation in the Bologna process should be considered as a unique chance to learn about the best practices of other countries' higher education. The country benefits a lot from high international mobility of students and professors, who, with the help of their international experience, are able to contribute to country's competitiveness.

The purpose of the higher educational reforms was to prepare globally minded, locally responsible, and internationally competitive students. Therefore, academic staff of higher educational institutions should be trained in compliance with the world standards, in order to integrate international elements into their curricula.

Bibliography

1. Anisimov, O. The Soviet System of Education // Russian Review. – 1950. – Vol. 9. – No. 2.
2. Central Asia in Focus: Political and Economic Issues / Buyers, L. – Nova Publishers. – 2003.
3. Chapman, D. W. The Search for Quality: A Five Country Study of National Strategies to Improve Educational Quality in Central Asia / Chapman, D. W., Weidman, J., Cohen M., and Mercer, M. // International Journal of Educational Development. – 2005. – Vol. 25. – pp. 514–530.
4. Heyneman, S. Education in the Europe and Central Asia Region: Policies of Adjustment and Excellence (Document No.IDP-145). World Bank. Europe and Central Asia Region. Internal Discussion Paper. – 1994.
5. Heyneman, S. The Transition from Party / State to Open Democracy: The Role of Education // International Journal of Educational Development. – 1998. – Vol. 18, No 1. – 21–40.
6. Heyneman, S. The challenges of Education in Central Asia / Heyneman, S., DeYoung, A. // International Perspectives on Educational Policy, Research, and Practice. – 2004.
7. Heyneman, S. Post-Graduate Training and Research in Higher Education Management in Kazakhstan // Kazakh Journal on Higher Education. – 2005. – Vol. 3. – pp. 27–34.
8. Newell, A. Rates of Return to Educational Qualifications in the Transitional Economies / Newell, A., Reilly, B. // Education Economics. – 1999. – Vol. 7. – No. 1. – 67–84.
9. The Kazakhs. (2nd ed.) / Olcott, M. B. Stanford, California: Hoover Institution Press. – 1995.
10. The Central Asian Economies Since Independence / Pomfret, R.W. Princeton University Press. – 2006.
11. United Nations Development Programme. Kazakhstan: Human Development Report, 2005. Almaty, Kazakhstan: United Nations Development Programme.
12. Access to Education for the Poor in Europe and Central Asia: Preliminary evidence and policy implications / World Bank Paper, No 511. Vandicke, N. – 2001.
13. Kazakhstan National Report on Higher Education System Development / Zhakenov, G. – 2005. – URL: <http://www.edu-gov.kz> (accessed 25.10.2019).

© *Andekina R. E.*, 2020.

UDC 372.881.111.1

**TYPES OF DIFFERENTIATION USED IN TEACHING ESP
AT TECHNOLOGICAL UNIVERSITIES**

T. Danielyan

A. Harutyunyan

*Ph.D. student, assistant lecturer,
ORCID 0000-0001-6907-5092,
assistant lecturer,
Shushi University of Technology,
Shushi, Artsakh, Armenia*

Abstract. In this article we have analyzed types of differentiation having used in teaching ESP specifically teaching to students of IT at Shushi University of Technology. We have considered three types of differentiation (by outcome, by task and methods). We have proposed some extension and supported activities, tasks and different techniques which were used during our lessons. We must mention that in the process of differentiation there is no ultimate idea how to differentiate and it is based on teachers' creativity and proactivity to detect and to meet students' needs. So teachers should practice differentiation in the process of their teaching.

Keywords: differentiation; extension activities; support strategies; interactive resources; cooperative learning; flexible pace learning.

In teaching ESP, differentiation is taken into consideration as well and often referred to as 'teaching mixed ability' or 'mixed levels'. We as teachers know that students are different in many different ways, not just ability. And students have different strengths and weaknesses within and beyond their language ability.

Speaking about class we must mention that no class is completely homogeneous, and number one task for a teacher is to identify and to meet the individual needs of the students. For teachers it is important teaching the students rather than sticking to the lesson plan.

In fact it is very difficult or almost impossible to have interactive classes by providing different worksheets for all the students and getting them to work on these individually or even in pairs. Language is all about interactions and students come to class to interact with each other, and the same process is happening in learning ESP. One of the effective methods of having interactive lesson in teaching ESP is differentiation [2] and its types according to functions. Differentiation must provide options and create an environment for a better learning, not limit them. In this article we shall consider three types of differentiation met in teaching ESP namely teaching IT English to university students :

by outcome, by task and by methods. In this article we consider lesson plan based on "Scrum in IT-Agile Project management" topic taken from www.eslbrains.com [3].

Differentiation by outcome

The first thing to remember is that many of the tasks we are already doing will enable us to differentiate quite well. Any task which is open (a task with more than one answer) will allow students to work at their own level.

Similarly, any tasks which provide choices or which are personalized or require interaction with others are likely to be naturally quite differentiation-friendly, and will allow for different outcomes.

Teachers in teaching ESP use differentiated outcomes used in their lesson plans. It can be formulated like "By the end of the lesson all students will know the basics of Scrum in English"/ "Most will be able to learn some key project related terms / "Some will obtain IT vocabulary".

This can be a useful reminder that what we teach is not necessarily what is learnt, but, personally we are not hugely keen on this approach, as it starts the lesson by assuming that some students cannot achieve. This approach limits the choice by assuming that some students will be out of the process which is already undesirable for teachers

from the beginning. Teaching ESP is a little bit different from teaching ordinary English as it is focused on teaching English through teaching specialty as well. Students also have a chance to learn basics in the IT industry concerning Scrum project management.

Differentiation by task

In teaching ESP we can give tasks to students so that we provide either extra support, or extra challenge. The table below gives some examples:

Table 1

Differentiation by teaching techniques

Activity Type	Extension activities	Support strategies
Reading	<p>Focus on 6 new words from vocabulary in the given text, look them up in their dictionaries and choose one right option for each sentence to learn IT vocabulary. After reading the article find synonyms to the words</p> <ul style="list-style-type: none"> • repeatable = <i>iterative</i> • comprehensive = <i>holistic</i> • to question = <i>to challenge</i> • to harmonize = <i>to sync</i> <p>4 questions about the professional text on <i>Scrum</i>. Questions can then be given to another early finisher to answer and after being answered passed back to the original student for assessing.</p>	<p>Pre-teach vocabulary Leaving words on the board after being completed by students.</p> <p>Activating their previous knowledge on Scrum before reading the article by asking question. Give multiple choices for finding right synonym. Give students the answers in a mixed order. Break the text into sections with statements and after each section ask whether the given statement is true or false.</p>
Listening	<p>Give students the opportunity to listen for the second time to be sure in their answers, give some optional extra questions as well. You can also extend an activity on true/false by asking why/why not?</p>	<p>Give students the tapescript on second listening. In an activity on filling the gaps, provide some word choices. Give students a chance to discuss answers in pairs or groups before feeding back to the class. Monitor and play again if necessary.</p>
Writing	<p>Make use of creative tasks that students can do at their own level. Use a correction code to give students a chance to self correct. Increase the word limit</p>	<p>Do modeling by giving an example before they start writing. Correct the draft with the student or give them to correct each other before rewriting. Reduce the word limit.</p>
Speaking	<p>Ask students to give arguments on topic. Match high level students together to let them go beyond their limits</p>	<p>Give students time to plan their ideas and time for revision. Pair weak and strong together.</p>

Teachers can also use differentiation by teaching methods. It allows teachers to give students of all levels and abilities the best chance of learning. Using differentiation by teaching methods increases teacher's chances to cater for a wide range of abilities among students in the classroom. Above mentioned table shows that an activity which involves active learning and group or pair work is likely to differentiate more effectively because

- Students can work at their own level.
- Students can support each other and learn from each other.

Teachers may experiment with *flexible pace learning* technique by giving stronger students extension tasks meanwhile the ordinary and weaker ones are able to finish their exercises at a more comfortable speed. The observation based on class analysis of Shushi University of Technology shows that it works really well [4].

Another useful technique is *cooperative learning*. Teachers make up mixed-ability groups which give a platform for strong students feeling free to produce their ideas and for weak students a collaborative environment to learn from peers. However, sometimes the stronger student dominates or resents the role and/or the weaker student feels embarrassed or says nothing.

Using *interactive* tools and *digital resource* [1] s may also increase productivity of your lesson. Students with less academic ability seem more enthusiastic during this class rather than in the lesson where traditional resources (such as blackboard, worksheet, etc.) are used.

The task with *variable outcomes* [4] may also encourage students with slow performance rather than a task with one "right" answer. We also call it "interpretive approach". Students of different abilities find the outcome corresponding to their level of English.

Progressive task technique makes teachers possible to set separate exercises to students based on their ability. However it may cause some problems increasing additional

administrative work for teachers and publicly highlighting students' ability.

Another useful technique is questioning technique. It can also be modified to provide better differentiation. You are using this technique by giving students enough time and space to answer. A teacher has to reflect on the question complexity and not to put students in an uncomfortable situation by asking difficult questions. A teacher may use monitoring while students are working in pairs or groups to identify who is able to answer and which question. But there is a threat of overdoing, so teachers must be attentive while monitoring their student's work.

Differentiation by methods can also be expressed by asking different types of questions. A teacher might ask a learner to describe or define something. The easiest and most productive thing a teacher can do when asking questions is to wait longer for an answer, and discourage the stronger students from jumping in. Waiting for a while may have a huge impact in terms of both the number of students who are prone to answer and in the length and intricacy of their answers. We come to the conclusion that none of these ideas is ultimate to meet the needs of both students 'and teachers'. So differentiation depends on teacher's creativity and how a teacher is capable to integrate the following types of differentiation (by task, by teaching method, by outcome). Moreover by doing that teachers can go some way towards helping to address the different needs, interests and abilities of the learners.

Bibliography

1. https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/J105_08_Integrating ICT_FINAL_0.pdf
2. <https://www.teachingenglish.org.uk/article/adapting-materials-mixed-ability-classes>
3. <https://eslbrains.com>
4. <https://resourced.prometheanworld.com/differentiation-classroom-7-methods-differentiation>

© Danielyan T.,
Harutyunyan A., 2020.

UDC 37.013

**PRINCIPLES OF CONDUCTING TRAINING IN THE FIELD
OF OCCUPATIONAL HEALTH AND SAFETY IN BLUE-COLLAR POSITIONS
IN CONSTRUCTION****E. Sielicka**
A. Choma
D. Kowalczyk*PhD candidate, e-mail: emilia.sielicka@ue.wroc.pl,*
PhD candidate, e-mail: alicja.choma@ue.wroc.pl,
PhD candidate,
e-mail: damian.kowalczyk@ue.wroc.pl,
Wroclaw University of Economics and Business,
Wroclaw, Poland

Abstract. The construction industry has almost always been perceived as the economic sector, with one of the highest occupational risk levels and still unsatisfactory safety at work. Despite the decreasing number of fatalities in construction, the number of injured in accidents at work is continuously increasing. To reduce the overall number of accidents, employers and employees must labor law regulations regarding occupational health and safety. One of the guidelines imposed on employers by law is periodic training for employees. However, for doing it properly, it is necessary to learn the rules of their conduct in the construction sector, which will be this paper's subject. Because of the authors' practical experience in this field, the article was prepared based on polish law acts.

Keywords: occupational health and safety; employees training in construction.

The essence of occupational health and safety is to protect employees' life and health and prevent possible accidents at work and occupational diseases. Therefore, compliance with occupational health and safety regulations, which is aimed at our protection, is a fundamental duty both to ourselves and our relatives.

According to Article 237 § 1 of the Polish Labor Code, an employer may not admit an employee to work for which he or she does not have the required qualifications or the necessary skills, as well as sufficient knowledge of the provisions and principles of health and safety at work. According to Article 237 § 21 of the Polish Labor Code, the employer must also undergo training in occupational health and safety and update his knowledge to the extent necessary to fulfill his obligations. All employees, regardless of the type of work performed, are subject to training, including persons employed based on civil law contracts and employees to perform a specific job, interns, and apprentices.

According to Article 237 § 2 of the Polish Labor Code, the employer is obliged to provide training for the employee in occupational health and safety before allowing him to work. These training sessions take place during work and at the employer's expense. The employer is obliged to provide training participants (employees) with all the methodological facilities:

- getting acquainted with the work's environmental factors that may pose a threat to the safety and health of employees at work, and with the appropriate preventive measures and actions,
- getting acquainted with the provisions and principles of occupational health and safety to the extent necessary to perform work at individual positions and with the scope of responsibility in the field of occupational health and safety,
- acquiring the ability to act in emergencies, as well as to assist people who have suffered accidents [1].

The training organizer is also obliged to ensure:

- programs of particular types of training developed for specific groups of positions,
- trainer training programs in the field of teaching methods,
- highly qualified lecturers/instructors, appropriate to the training programs being implemented,
- appropriate premises for conducting training activities,
- teaching equipment necessary for the proper implementation of training programs,
- proper course of training and improvement in the field of health and safety,
- keeping documentation in the form of training programs, class logs, examination reports, and a register of issued certificates [3].

On the other hand, the employee is obliged to confirm in writing that he is familiar with the provisions and rules of occupational health and safety. The regulations provide for two types of training:

- Initial training-organized before the employee is allowed to work. Their goal is to provide the employee with the knowledge and skills necessary to perform work, consider the safety regulations and rules, and familiarize with the dangers of specific workplaces,
- Periodic training – they are repeated during the employment period. They aim to recall and consolidate knowledge in health and safety and familiarize participants with new technical and organizational solutions in this area. The frequency of this training depends on the type and conditions of work.

Initial training includes general and workplace training. General instruction should familiarize the employee with the Labor Code's health and safety regulations, in the work regulations, and with first aid principles. This training is carried out, before admission to work, by newly hired

employees, interns, student apprentices, and vocational school students employed for practical vocational training.

The general instruction is provided by an employee of the occupational health and safety service, a person performing this service's tasks at the employer's or an employer who performs such tasks himself. It can also be carried out by an employee designated by the employer, having the knowledge and skills, ensuring the proper implementation of the instruction program, and holding a current certificate of completion of the required training in health and safety at work. The training time must not be less than 90 minutes.

On-the-job training takes place at the workplace where the employee will work. Its purpose is to familiarize the employee with the risks in this position, methods of protection against threats, and safe work performance methods. It should include the following steps:

- an introductory conversation with the instructor (e.g., employee's supervisor, master, foreman) with an employee,
- demonstration and explanation by the instructor of all activities to be performed by an employee at the workplace while maintaining safe working methods,
- trial performance of activities by the employee and their possible correction by the instructor,
- independent work of an employee under the supervision of an instructor.

On-the-job training should end with a test of knowledge on safe work performance (e.g., in the form of a test). The positive passing of such a test is the basis for allowing an employee to work in a specific position. The duration of this training should depend on the employee's professional background, previous work experience, and the type of work and risks at the workplace where the employee is to be employed. The completion of the employee's general and job training should be confirmed by him in writing in the

"initial training card" and recorded in the employee's files [2].

Periodic training is provided for workers employed in blue-collar positions, employers, and other people managing employees, OHS service workers, administrative and office workers, and engineering and technical workers. The first periodic training of the employer and other people managing employees, particularly managers, masters, and foremen, should be held within six months from a work placement in these positions. The remaining groups of employees should undergo the first periodic training within 12 months.

Only those persons may be exempted from periodic training which:

- provide an up-to-date certificate of completion of the required periodic training with another employer during the period as mentioned above (6 or 12 months),
- persons who at the same time completed periodic training required for persons employed in positions belonging to a different group of positions, if the thematic scope of the training program on the current position corresponds to the training program applicable to the new position.

Periodic training may be organized and conducted by employers or, at their request, by organizational units conducting training activities in the field of occupational safety and health. Such a unit should be understood as:

- a lifelong learning facility, a practical training facility, a training, and professional development center,
- upper secondary school,
- research and development unit, university or other scientific institution,
- an association whose statutory goal is a related activity with occupational health and safety,
- a legal or natural person conducting educational activities by the provisions on the freedom of economic activity, if they

conduct training activities in the field of occupational health and safety [4].

Initial and periodic training programs, specifying the complicated subject matter, forms of implementation, and duration of the training, for individual job groups, are developed by the employer or in consultation with the employer – an organizational unit conducting training activities in the field of occupational health and safety, based on the developed training programs. Periodic training programs should be designed in such a way as to individualize the training as much as possible concerning the positions that exist at the employer's. Training programs based on which employee training is conducted should be kept and, if necessary, presented to the labor inspector during the inspection.

Periodic training may be conducted in the form of:

- course – lasting 8–16 teaching hours,
- seminar – covers not less than five teaching hours,
- guided self-education – it is understood as a form of training that enables obtaining, updating, or supplementing knowledge and skills in the field of occupational health and safety, based on materials provided by the training organizer, particularly with the use of mail, the Internet, while ensuring consultation with people who meet the requirements for lecturers.

Periodic training for workers in blue-collar positions in the construction industry should be carried out in the form of instructions for specific work positions, using elements of a lecture, discussion, and film. During the training, it is necessary to discuss the circumstances and causes of accidents at work characteristics (for the work performed by training participants) and conclude the discussed cases (preventing the probable occurrence of accidents at work).

Art. 2373 § 3 of the Labor Code provides that all training occurs during work and at the

employer's expense. There are no exceptions to this rule. Consequently, the employee is not obliged to participate in training courses organized outside of regular working hours. However, if the employee participates in the training outside of regular working hours, it should be treated as overtime work. In addition to training employees, the employer must provide employees with up-to-date occupational health and safety instructions regarding:

- technological processes used in the plant and the performance of work-related to accident hazards or health hazards to employees,
- operation of machines and other technical devices,
- handling materials harmful to health and dangerous.

In the scope of operating machines and other technical devices, the employee must

be familiar with their Technical and Start-up Documentation. The knowledge of this manual should be confirmed with the signature [2].

Bibliography

1. [Laurowski 2007] Laurowski T.; BHP na budowie; KaBe Krosno Wydawnictwo; 2007; Krosno;
2. [Rączkowski 2011] Rączkowski B.; Wypadki przy pracy; oddk.pl; 2011; Gdańsk;
3. [Regulation 2004] Rozporządzenie Ministra Gospodarki i Pracy z dnia 27 lipca 2004 r. w sprawie szkolenia w dziedzinie bezpieczeństwa i higieny pracy; <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20041801860> [access: 11-09-2020];
4. [Labor law] https://www.paih.gov.pl/prawo/prawo_pracy#1 [access: 11-09-2020].

© *Sielicka E.,
Choma A.,
Kowalczyk D., 2020.*

УДК 614.2

ЭПИДЕМИЯ: АНАЛИЗ ТЕЧЕНИЯ COVID-19 (ВИРУСНОЙ ПНЕВМОНИИ) С НЕТЯЖЕЛЫМИ СИМПТОМАМИ

А. А. Горшков

*Студент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
Медицинский институт,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

EPIDEMIC: ANALYSIS OF COVID-19 (VIRAL PNEUMONIA) WITH MILD SYMPTOMS

A. A. Gorshkov

*Student,
National Research Mordovian State University
named after N. P. Ogareva,
Medical Institute,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. The 2019 coronavirus disease (COVID-19) is a pandemic caused by a coronavirus that causes severe acute respiratory syndrome. According to international data, the accuracy of CT examination of the lungs in the diagnosis of viral pneumonia (including COVID-19) is more than 97 %. In many patients, the disease may occur without symptoms, or they are similar to the symptoms of ordinary SARS. On CT scans, doctors describe the so-called frosted glass symptom. An anonymous voluntary survey was conducted among patients with mild symptoms of the disease on the basis of polyclinic №3 of the Republican clinical hospital № 5 in Saransk. Clinical symptoms, complaints, and computed tomography results were evaluated.

Keywords: coronavirus infection; a symptom of frosted glass; morbidity.

COVID-19 – это пандемия, вызванная коронавирусом, влияющая на дыхательную систему и вызывающая тяжелый острый респираторный синдром. Точность КТ исследования легких, при диагностике вирусных пневмоний (в т.ч. COVID-19) составляет более 97 % [1]. КТ легких показывает изменения в легких, признаки наличия вирусной пневмонии и степень ее тяжести. Отрицательный результат при КТ легких может быть в начальной стадии болезни, а также при легких формах вирусных пневмоний (в т.ч. COVID-19).

Заболевание может протекать без симптомов, или они очень схожи с симптомами ОРВИ. Скорее всего, эти повреждения не носят фатального характера, но они есть. На снимках КТ описывают симптом «матового стекла» – это большие участки снижения прозрачности легочной ткани, похожие на матовое стекло. Для COVID-19 характерны двусторонние изменения преимущественно в нижних отделах.

Анонимное добровольное анкетирование проводилось среди пациентов с незначительными симптомами заболевания на базе поликлиники № 3 Республиканской кли-

нической больницы № 5 города Саранск (степень изменения по КТ: КТ-0 (43 человека (31,4 %)): норма и отсутствие КТ-признаков вирусной пневмонии на фоне типичной клинической картины и релевантного эпидемиологического анамнеза; КТ-1 (72 человека (52,5 %)): легкая (зоны уплотнения по типу матового стекла, вовлечение паренхимы легкого $\leq 25\%$; КТ-2 (22 человека (16,1 %)): средняя (зоны уплотнения по типу матового стекла, вовлечение паренхимы легкого 25–50 %).

Группа исследуемых респондентов составила 137 человек, из которых 77 (56,2 %) – женщины; 60 (43,8 %) – мужчины. Возрастная группа респондентов: 30–40 лет – 25 человек (18,2 %), 40–50 лет – 43 человека (31,4 %), 50–60 лет – 39 человек (28,5 %), 60–70 лет – 20 человек (14,6 %), 70–80 лет – 10 человек (7,3 %).

У 126 (92 %) респондентов имелась одышка, сухой кашель (124 – 90,5 %), заложенность в грудной клетке (114 – 83,2 %), у 83 (60,6 %) – температура тела ($<37,2^\circ\text{C}$), утомляемость и головные боли у 69 респондентов (50,4 %), повышенное потоотделение (52–38 %), боли и ломота в суставах и мышцах (34–24,8 %), заложенность носа (30–21,9 %), конъюнктивит (29–21,2 %), боль в горле (27–19,7 %), потеря вкусовых ощущений или обоняния (23–19,7 %), диспепсические расстройства (диарея, тошнота, рвота) (18–13,1 %), потеря аппетита (13–9,5 %), сердцебиение (7–5,1 %). «Ничего», из вышеперечисленных клинических симптомов – отметило 3 человека (2,2 %).

Полной информацией о своем заболевании (вирусная пневмония (COVID-19)) владело – 130 человек (94,9 %); 7 человек (5,1 %) не знали в полном объеме о своем заболевании.

Большинство респондентов получили достаточную информацию о своем заболевании (вирусная пневмония (COVID-19)) от медицинских работников 73 (53,3 %), но также были отмечены и другие источники информации: интернет 33 (24,1 %), телевизионные передачи 17

(12,4 %), друзья и родственники 14 (10,2 %).

По поводу своего заболевания (осложнений) – страхов и беспокойств у – 87 человек – не отметили (63,5 %); 50 человек (36,5 %) были очень обеспокоены своим заболеванием (осложнениями) (из них – 37 женщины). Повышенная тревожность была отмечена в возрастных группах 30–40 лет и старше 60 лет. Это возможно объясняется тем, что возрастная категория 30–40 лет получает в социальных сетях большой объем информации, который провоцирует стресс. А в старших возрастных группах он связан с тем, что именно в возрасте старше 60 лет наблюдается высокая смертность, и на пожилых людей негативные психологические факторы влияют сильнее.

Четкие рекомендации/назначения врача выполняла большая часть респондентов – 98 человек (71,5 %), а так же были и те, которые не выполняли рекомендации врача, их – 7 человек (5,1 %).

В результате анонимного добровольного анкетирования были выявлены основные клинические симптомы, степень изменения по КТ, информированность о заболевании (вирусная пневмония (COVID-19)) и соблюдение/несоблюдение рекомендаций и назначений врачей – пациентами, которые обратились за медицинской помощью в поликлинику № 3 Республиканской клинической больницы № 5 города Саранск.

Каждый пятый случай заболевания COVID-19 (вирусная пневмония) протекает в тяжелой форме с развитием дыхательной недостаточности и требует срочной госпитализации. У лиц с отягощенным анамнезом сопутствующими заболеваниями и в возрасте старше 65 лет – вероятность тяжелого течения заболевания возрастает [2, с. 242; 3, с. 150; 4, с. 155]. Несмотря на это, заразиться COVID-19 (вирусной пневмонией) и тяжело заболеть может каждый, поэтому следует незамедлительно обращаться за медицинской по-

мощью и строго выполнять все назначения и рекомендации медицинских работников.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/q-a-coronaviruses> Дата обращения: 23.07.2020
2. Семелева Е. В. Роль информационно-пропагандистской системы в формировании здорового образа жизни населения в преклонном возрасте / В сборнике: Инновационные технологии в образовании и здравоохранении: практическая реализация и социальный эффект. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией В. В. Орловой. 2014. С. 242–243.
3. Семелева Е. В., Смирнова О. А. Важность и перспективность работы Центров здоровья // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № S5. С. 150–151.
4. Balykova L. A., Selezneva N. M., Semeleva E. V. Health-saving component of the education system // Социосфера. 2020. № 1. С. 155–157.

© Горшков А. А., 2020.

УДК 614.2

**АНАЛИЗ КАДРОВОГО СОСТАВА
ВРАЧЕЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ****А. С. Табачкова**

*Студентка,
Национальный Исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
Медицинский институт,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

**ANALYSIS OF THE PERSONNEL OF DOCTORS
OF A STOMATOLOGIC PROFILE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA****A. S. Tabachkova**

*Student,
National Research Mordovian State University
named after N. P. Ogareva,
Medical Institute,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. Providing the population with affordable and high-quality dental care is one of the priority tasks of healthcare. The main condition for the successful use of medical personnel in dentistry is the practical application of skills corresponding to their professional qualifications. The analysis of the provision of dental personnel with medical personnel in the city of Saransk (Republic of Mordovia) for 2017–2019 was carried out. The materials for the study of this goal were the reporting data of the dental outpatient departments of the city of Saransk – GAUZ RM Mordovian Republican Dental Clinic, as well as data provided by GAUZ RM MIATS and "MORDOVIYASTAT".

Keywords: staffing; dentist; dental care; analysis; medical personnel.

Обеспечение населения доступной и качественной стоматологической помощью является одной из приоритетных задач здравоохранения [1, с. 11]. Основным условием успешного использования медицинских кадров в стоматологии является практическое применение навыков, соответствующих их профессиональной квалификации.

Проведен анализ обеспеченности врачами кадрами стоматологического профиля на территории города Саранск (Республика Мордовия) за 2017–2019 гг. Материалами для изучения поставленной цели послужили отчетные данные стоматологических поликлинических отделений города Саранск – ГАУЗ РМ Мордовская республиканская стоматологическая поликлиника (поликлинические отделения

№ 1, № 2, № 3, № 4 и ортопедическое отделение), а также данные, предоставленные ГАУЗ РМ МИАЦ и «МОРДОВИЯСТАТ». При обработке данных использовались аналитический и статистический методы. Систематизация и статистическая обработка данных была проведена с помощью программы Excel.

Численность населения города Саранск за изучаемый временной промежуток имела тенденцию к росту: с 344 тыс. чел. (2017 г.) до 349 тыс. чел. (2019 г.) [2]. При анализе численности населения по отдельным возрастным группам, выявлено, что лидирует возраст 30–59 лет. В ортопедической стоматологической помощи в основном нуждается именно взрослое население [3, с. 210].

Таблица 1

Коэффициент совместительства и укомплектованность кадрового состава (2017–2019 гг.)

Штаты			Физические лица			Коэффициент совместительства			Процент укомплектованности		
2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
106,22	103,71	103,34	81	83	86	1,2	1,1	1,0	77,4	81,1	84,2

В 2019 году процент укомплектованности врачебными кадрами составляет 84,2 % (таб. 1). ГАУЗ РМ Мордовская республиканская стоматологическая поликлиника является клинической базой кафедры стоматологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Медицинского института. Есть реальная возможность «воспитывать» кадры для дальнейшей работы в ГАУЗ РМ Мордовская республиканская стоматологическая поликлиника. Учреждение имеет высокий рейтинг среди других стоматологических (частных) медицинских учреждений города Саранск по качеству и доступности оказания медицинской помощи. Специалисты, работающие в ГАУЗ РМ Мордовской республиканской стоматологической поликлинике, имеют высокий профессиональный уровень. Уже находясь в ординатуре, специалисты с первого

дня адаптируются к существующим высоким требованиям работы, осознают всю значимость и ответственность за жизнь и здоровье пациентов. Они видят картину лечебно-диагностического процесса, получают все необходимые рекомендации по оптимизации достижения поставленной цели для получения наилучшего результата в каждом конкретном случае [4, с. 155]. Специалист, пришедший работать в поликлинику после обучения с первого дня готов к самостоятельному приему. Также в НИ МГУ им. Н. П. Огарёва открыта своя стоматологическая клиника. Специальность «Стоматология» Медицинского института имеет еще и собственную клиническую базу.

Наибольший процент среди врачей составляют сотрудники со стажем работы 6–10 лет, что объясняется большим притоком молодых специалистов (таб. 2).

Таблица 2

Распределение кадрового состава по стажу работы (2017–2019 гг.)

Стаж работы	2017 г.	2018 г.	2019 г.
0–5 лет	14 (17,3 %)	11 (13,3 %)	15 (17,6 %)
6–10 лет	32 (39,5 %)	29 (34,9 %)	34 (40,0 %)
11–15 лет	18 (22,2 %)	21 (25,3 %)	16 (18,8 %)
16–20 лет	11 (13,6 %)	17 (20,5 %)	14 (16,5 %)
Свыше 21	6 (7,4 %)	5 (6,0 %)	6 (7,1 %)
Всего	81	83	85

Суммарный процент специалистов со стажем работы свыше 10 лет за 2017–2018–2019 гг. соответственно: 43,2 % – 51,8 % – 42,4 %, что указывает на достаточно высокий уровень профессиональной квалификации врачей, возможность передачи накопленного опыта начинающим.

За анализируемый временной период отмечается повышение процента укомплектованности специалистами, а, следовательно, уменьшения коэффициента совместительства. Благодаря грамотной кадровой политике наибольший процент, среди врачей-стоматологов, составляют специалисты со стажем работы 6–10 и 11–15 лет и 0–5 лет, а значит, сохраняется преемственность в передаче накопленного профессионального опыта начинающим врачам.

Библиографический список

1. Блинова Е. В., Семелева Е. В., Шилова А. М., Ведяева А. П., Блинов Д. С., Скачилова С. Я., Васильев Ю. Л., Василькина О. В., Самышина Е. А., Мейланова Р. Д. Экспериментальное исследование по оценке эффективности местноанестезирующей активности новой диметилфенилацетамид-содержащей фармацевтической композиции при хроническом периодонтите // *Стоматология*. – 2020. – Т. 99. – № 2. – С. 11–16.
2. Мордовиястат [Электронный ресурс]. – URL: <http://mrd.gks.ru>. – Дата обращения: 25.06.2020
3. Семелева Е. В., Заруба С. А. Флюороз – нерешенная проблема стоматологии // *Профилактическая медицина как научно-практическая основа сохранения и укрепления здоровья населения : сборник научных трудов / под общей редакцией М. А. Поздняковой*. – Нижний Новгород, 2016. С. 210–212.
4. Balykova L. A., Selezneva N. M., Semeleva E. V. Health-saving component of the education system // *Социосфера*. – 2020. – № 1. – С. 155–157.

© Табачкова А. С., 2020.

УДК 128;124.2

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ СЧАСТЬЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНОЙ

О. П. Кашина

*Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0003-3418-9393,
e-mail: olgaurtaeva2009@yandex.ru,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

THE PROBLEM OF THE SUBJECTIVE FEELING OF HAPPINESS OF A MODERN WOMAN

O. P. Kashina

*PhD, docent,
ORCID 0000-0003-3418-9393,
e-mail: olgaurtaeva2009@yandex.ru,
National Research Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. In the article, the author addresses the understanding of the phenomenon of happiness in the life of a modern woman. The article analyzes the main factors that influence the formation of a woman's subjective sense of happiness in modern society. The author reveals the reasons that prevent the "presence of happiness" in women's lives, despite all the objectively positive dynamic transformations and realities that occur in their lives. It is important to understand that real women's happiness is more related to the inner spiritual world of a woman, her traditional femininity, than external material and social benefits. The significance of this analysis for a comprehensive understanding and interpretation of the life path of a modern woman is shown.

Keywords: modern woman; happiness; objective and subjective factors; values; society; spiritual world.

Проблема человеческого счастья занимает одно из главных мест в философии с момента ее возникновения. Счастье как цель жизненного пути, как высшее благо и возможное желаемое состояние человеческого бытия всегда было одной из основных тем философского дискурса. Большинство крупнейших философов, начиная с античности и по сей день в той или иной степени в своих трудах и сочинениях затрагивали и продолжают затрагивать данную тему, ибо вряд ли можно поставить под сомнение особую значимость в жизни человека того, что он назы-

вает счастьем и какой смысл он вкладывает в это понятие.

Счастье – одна из базовых человеческих ценностей, стремление к которой заложено в каждом человеке и составляет неотъемлемую часть его сущности. С древних времен люди задумывались о том, что такое счастье, каковы его индикаторы и что значит ощущать себя счастливым. Однако многочисленные попытки разработать универсальную формулу счастья не обвенчались успехом. В этом нет ничего удивительного, так как подавляющее большинство фундаментальных категорий философской науки не имеют еди-

ного универсального определения. К таким понятиям относятся, например, категория бытия, материи, смысла жизни, сознания, духа, свободы, истины и т. д. Каждый человек вкладывает в эти категории определенный смысл, у каждого свое понимание этих слов.

Понятие и осмысление счастья для каждого человека субъективно и индивидуально. Для одних людей счастье – это прежде всего крепкое физическое здоровье близких, для других – материальное благополучие, для третьих – внутренняя гармония и внешняя красота. При этом очень часто человек не может понять, что на самом деле для него является счастьем. «Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим – известная мудрость, а иным все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия, есть и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние» [1, с. 66]. Таким образом на возникновение ощущения счастья оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы, в разной степени вносящие свою лепту в общее осмысление того, в чем заключается философия счастья для современного человека и, в частности, для современных женщин, которые все чаще становятся активными субъектами социальной, духовной, экономической, профессиональной деятельности и вносят особый вклад в развитие общества. Этому способствуют происходящие стремительные изменения в жизни российского общества, ведущие к пересмотру и трансформации базовых социальных и духовных ценностей в сознании современных женщин. Реформирование и преобразования в социальной, политической, экономической сферах жизни привели к формированию нового типа женщин: целеустремленных, инициативных, амбициозных, нацеленных, прежде всего, на карьеру и повышение своего социального и материального статуса. Для современных женщин характерно собственное профессиональное, ин-

теллектуальное, образовательное развитие, желание и стремление самостоятельно обеспечить себе и своей семье стабильное материальное положение, не ограничиваясь лишь заботами о сохранении и поддержании домашнего уюта и очага [3, с. 40]. Очевидно, что от деятельности и усилий женщин сегодня во многом зависит и духовная жизнь социума, ее направленность в сторону поддержки и развития гуманистических ценностей. Поэтому важным становится осмысление духовно-эмоциональной основы жизненного пути, деятельности и повседневного бытия современной женщины, являющейся, по нашему мнению, одним из базовых индикаторов субъективного ощущения женщиной счастья.

В последнее время интерес к феномену женского счастья возрос не только за рубежом, но и в России, где отмечается явный дефицит счастья. В научных исследованиях, которые базируются на международных сравнениях, российские показатели незавидны: россияне реже, чем жители развитых стран, называют себя счастливыми, а по объективным показателям, которые используются в подобных рейтингах, серьезно уступают жителям не только развитых, но и многих развивающихся стран [8, с. 12].

Одной из главных причин отсутствия субъективного ощущения счастья современными женщинами является депрессия. По прогнозам ВОЗ, в 2020 году депрессия выйдет на первое место в мире среди всех заболеваний, обогнав сегодняшних лидеров – инфекционные и сердечно-сосудистые заболевания. Уже сегодня она является самым распространенным заболеванием, которым страдают женщины... Женщины заболевают депрессией в два раза чаще, чем мужчины (20–26 % против 8–12 % соответственно [6]. Депрессия современных женщин вызвана постоянными стрессами, физической и моральной усталостью, а также непрекращающейся гонимостью за сохранением и преображением своей внешности и телесности.

Современное общество инициирует и поддерживает стандарт худого женского тела. Женская красота не просто опирается на культ худобы, но сливается с ним: быть красивым и быть худым сегодня означает одно и то же, и в этом смысле тирания красоты становится и тиранией худого тела с многочисленными патологическими эффектами — в том числе и пищевыми расстройствами [7, с. 69]. Как отмечает О. П. Кашина, внешность и нездоровая худоба для современной женщины сегодня становятся главным приоритетом в ее самоидентификации и построении своего жизненного пути. Данному процессу способствуют господствующие в социуме перфекционистские ценностные ориентации, приводящие к предрасположенности женщин к нервно-депрессивным тенденциям, постоянному стрессу, физической и моральной усталости, растраты своих энергетических ресурсов, развитию ряда серьезных заболеваний [4, с. 6–7]. Постоянная конкурентная борьба за обладание стройным, презентабельным телом, внешней красотой и привлекательностью постепенно разрушают духовно-эмоциональную основу сознания и мироощущения современной женщины, так как требует от нее огромных душевных и эмоционально-психологических ресурсов и затрат, что явно не способствует субъективному ощущению женщиной себя счастливой.

Помимо этого, сегодня наблюдается тенденция маскулинизации женщин, осваивающих новые виды деятельности, которые ранее считались традиционно мужскими. Это ведет к формированию «мужского» начала, способствующее утрате женщиной основ своей традиционной женственности: нежности, ласки, доброты, материнской любви и заботы, гармонии, спокойствия. Женщина обретает все большую свободу и возможность самостоятельного контроля всех сфер своего жизненного пути. Как отмечает Л. Г. Мезина, впервые за всю историю че-

ловечества женщина получила возможность контролировать важнейшую сферу своего бытия — репродуктивную. Раньше все было иначе. Женщина находилась в полной зависимости от мужчины, его умения контролировать себя и ситуацию. Сегодня выпускаются препараты, которые способны защитить женщину от нежелательной или преждевременной беременности. Кроме того, внедрены новые технологии, благодаря которым женщина может обзавестись собственным ребенком, не выстраивая любовных отношений с конкретным мужчиной [5, с. 124]. Эти обстоятельства в свою очередь ведут к нарастающей тенденции позднего материнства в современном обществе. Женщина откладывает рождение ребенка на более поздний срок, стремясь, в первую очередь, преуспеть и реализовать себя в профессиональной, экономической, политической сферах. Но при этом, зачастую, так и не успевает стать матерью и теряет возможность испытать счастье материнства в силу различных объективных и субъективных факторов.

Таким образом при всех объективно позитивных динамичных трансформациях и реалиях в жизни современных женщин большинство из них не чувствуют себя счастливыми, не ощущают «присутствия счастья» в своей жизни. Все более нарастающее ментальное нездоровье женщин приводит к состоянию апатии, возникающее от пресыщенности социальными и материальными благами. У современной женщины, по сути, есть или может быть все, что она хочет: блестящая карьера, высокий статус, слава и признание, руководящие должности, квартиры, машины, путешествия и т.п. Что еще остается желать женщине, ставшей полноценной хозяйкой своей собственной жизни? Желать становится нечего.

Современная цивилизация избавила женщин от многих рутинных домашних проблем, уравнила их права с мужчинами. Женщина стала стремиться быть как муж-

чина: носить мужскую одежду, перенимать мужские привычки, делать мужскую работу и даже думать, как мужчина. В своем стремлении внедриться, освоить и занять важное место в мужском мире женщина потеряла понимание и ощущение того, что значит быть Женщиной. Окунувшись в мужской мир, женщины попали в ловушку, променяв традиционную истинную женственность на господство мужских качеств, которые никогда не принесут женщине ощущения счастья, независимо от уровня внешнего успеха.

Итак, женское счастье в большей степени связано с внутренним духовным миром, нежели внешними материальными и социальными благами. Счастье женщины характеризуется, прежде всего, ее всесторонней удовлетворенностью, целостным восприятием и осознанностью результатов жизнедеятельности, преобладанием позитивного духовно-эмоционального состояния и положительного отношения к самой себе, окружающему миру и людям. Оно включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты и обусловлено влиянием объективных и субъективных факторов.

В образе современных женщин сегодня проявляется острый дефицит истинно женских личностных качеств, которые вытесняются сугубо деловыми предпринимательскими и обывательскими чертами личности, характеризующими её в первую очередь как потребителя. Современные деловые женщины демонстрируют высокую степень адаптации к новым условиям, открывают и выстраивают свой бизнес, водят автомобиль, осваивают новые профессии, электронное пространство. Но при этом не чувствуют себя счастливыми, так как по стилю своего поведения и образа жизни постепенно утрачивают традиционную женскую сущность и свое истинное предназначение, растрачивая при этом духовную составляющую своего бытия. Современной женщине

важно понимать и осознавать это, так как на сегодняшний день российское общество символизирует именно женщина, и именно ей принадлежит значительная роль в сохранении и развитии духовности в жизни нашей страны: «женщина займет преобладающее место в истории завтрашнего дня... в религиозном пробуждении нашего времени» [2, с. 152]. У женщины должен быть свой мир, своя энергия, своя миссия во вселенной. И чтобы чувствовать себя счастливой и делиться этим ощущением с окружающими людьми необходимо вернуться в мир настоящей Женщины. Вспомнить или узнать его, а затем снова научиться в нем жить.

Библиографический список

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт. – Т. 4. – М., 2004.
2. Евдокимов П. Женщина и спасение мира. – Минск : Лучи Софии, 2007.
3. Кашина О. П. Дефицит традиционной женственности в социальном образе современных женщин // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. – 2018. – № 3 (15). – С. 40–42.
4. Кашина О. П. Анорексия как проявление перфекционистских тенденций в ценностных ориентациях современных женщин // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2019. – № 2 (27). С. 5–7.
5. Мезина Л. Г. Новое в жизни современной российской женщины // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. С. 123–125.
6. Статистика депрессии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lossofsoul.com/DEPRESSION/statistic.html> / (дата обращения: 12.06.20).
7. Сохань И. В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 2. – С. 68–77.
8. Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Российское общество сегодня. – 2019. – № 2 (26). – С. 9–33.

© Кашина О. П., 2020.

УДК 159.99

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА НА ВЫБОР СТИЛЯ ОДЕЖДЫ**А. А. Филиппова***Менеджер центра развития карьеры,
ORCID 0000-0002-0233-2848,
e-mail: flppvsasha@gmail.com,
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия***INFLUENCE OF HUMAN CHARACTER ON THE CHOICE OF CLOTHING STYLE****A. A. Filippova***Manager of the Career Development Center,
ORCID 0000-0002-0233-2848,
e-mail: flppvsasha@gmail.com,
National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract. The article reveals issues related to the influence of a person's character on the choice of clothing style. The significance of this study is due to the fact that some personality traits have a direct impact on certain preferences in the style of clothing, since in the process of cultural development, clothing has become a continuation, part of the human personality. The purpose of this article is to study the process of forming an individual clothing style, as well as to identify the socio-psychological foundations of the formation of an individual clothing style by young people 18–30 years old, depending on their nature. The object of research is the individual style of clothing as a consequence of choice under the influence of personality traits. In the course of work on the research topic, the following methods were used: the study of socio-psychological literature; testing; analysis and synthesis of the obtained material; statistical analysis of empirical data.

Keywords: human character; personality traits; clothing style; character influence.

Одежда отражает образ мыслей и жизни человека, его манеры и мораль. Сегодня мода на одежду постоянно меняется, поэтому основными характеристиками современной одежды являются «стиль», «индивидуальность» и «нарядность». Оригинальный дизайн, совершенная конструкция и качественное изготовление – вот три основных составляющих стиля в одежде [1, с. 125].

Стиль – это определенная форма художественного выражения узнаваемая через черты или характеристики, первичная по отношению к моде. Мода в данном контексте определяется как текущий стиль или общепринятая мода в угоду моменту. Словосочетание «общепринятая мода» синонимично понятию стиль в узком значении – это то, что использовалось в прошлом и «занесено» в общество от-

дельными группами населения. Например, стиль «хиппи», сформировавшийся в середине 60-х и проявляющийся до сих пор.

Индивидуальный стиль определяет эстетический вкус – способность человека отличить и оценить, что действительно прекрасно и «идет к лицу». Вкус – это свидетельство индивидуального восприятия, выполняющий функцию механизма индивидуального выбора [7, с. 89].

Принято считать, что потребитель модной продукции определяется степенью развитости эстетического вкуса. Потребитель с развитым эстетическим вкусом ориентируется на создание собственного стиля, прямо не связанного с модой.

Среднеразвитый эстетический вкус предполагает ориентацию на эстетические свойства вещей, но без системно-целостного подхода. Неразвитый вкус –

отсутствие эстетической оценки вещной среды и вещей.

Итак, проявление хорошего вкуса в одежде выражается в способности использовать те элементы моды, которые более всего подходят внешности, соответствуют личностным характеристикам, стилю жизни и обстоятельствам. Индивидуальный стиль обязывает к раскрытию личности [3, с. 103].

Выбор одежды с точки зрения психологии делится на несколько стадий: первичное ознакомление с модным объектом; интерес; оценка модного объекта; испытание субъекта моды и, наконец, принятие решения. Стиль в одежде оказывает свое воздействие на психологию человека, и в то же время человек при выборе одежды руководствуется своими психологическими особенностями. Выбор стиля одежды является созданием собственного образа, который транслирует представление человека о себе в окружающем мире, в картине мира [2].

Таким образом, на выбор в стиле одежды воздействуют множество факторов, как социальных та и психологических. Как нами было выявлено из анализа литературы – стиль одежды обуславливает черты характера личности.

Ученые по-разному трактуют понятие «Характер». Одни ученые характеризуют характер как совокупность индивидуальных особенностей интеллекта, чувств, воли (А. Бен), либо чувств и воли (Т. Рибо), либо только воли (Л. Ф. Лесгафт). Другие ученые определяют данное понятие как свойства целостной личности (В. Штерн, А. Ф. Лазурский, Л. Клагес и др.).

По мнению К. К. Платонова, посвятившего много времени изучению структуры личности, характер не является самостоятельной подструктурой личности. Это синтез других элементов подструктур, пронизываемых спектром основных отно-

шений человека, которые сложились с отдельными людьми, по отношению к различным сторонам жизни, деятельности и к самому себе. По мнению ученого, характер – это «каркас», наложенный на все остальные подструктуры личности [7, с. 84].

Таким образом, характер – есть психологический склад личности, определяющий поступки человека и особенности его поведения, выражающиеся в его отношении к окружающей действительности.

Главной оценкой характера является система отношений человека. В этих отношениях выражается содержание характера и содержание личности.

В отечественной психологии выделяют две большие группы черт характера:

а) черты, вытекающие из всей совокупности отношений, в которые вступает личность в процессе жизнедеятельности;

б) черты, раскрывающие волевые, эмоциональные и интеллектуальные стороны характера личности [6].

Углубляясь в вопрос влияния характера человека на выбор стиля одежды, было проведено исследование, направленное на выявление связи между чертами характера личности молодых людей и их предпочтениями в одежде.

В исследовании приняло участие 40 человек, возрастной категории 18–30 лет, следующих социальных групп: учатся (50 %), работают (45 %), не учатся и не работают (5 %).

Анализ черт характера проводился по методике Г. Шмишека, К. Леонгарда, которая предназначена для диагностики типа акцентуации личности. Респондентам были заданы вопросы следующего характера: «Чувствительный ли вы человек», «Часто ли у вас бывает подавленное настроение» и др. Разрешалось выбирать только два варианта ответов: «Да», и «Нет» (результате приведены на рис. 1).

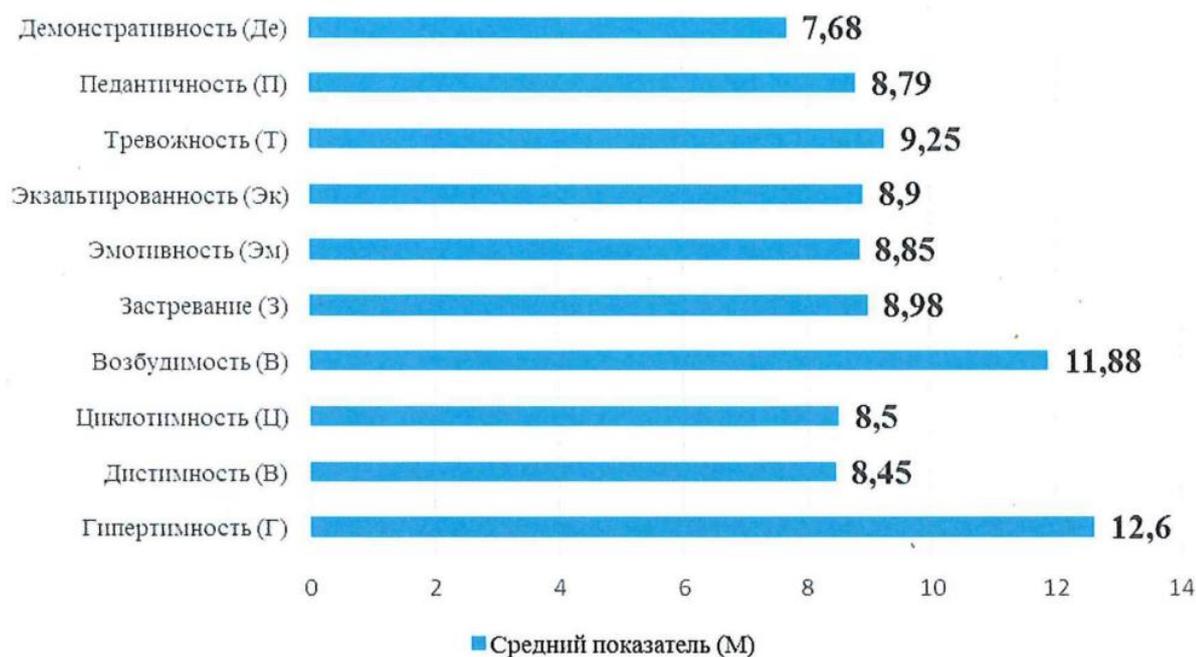

Рис. 1. Средние показатели по шкалам акцентуации характера у группы молодых людей от 18 до 30 лет

В ходе исследования было выявлено, что в группе имеет высокий показатель шкала «гипертимность» – 12,6 баллов в среднем по группе. Это респонденты, склонные к повышенному настроению, не усидчивые, недисциплинированные, склонные попадать под неблагоприятное влияние.

Также высокий показатель был получен по шкале «возбудимость» – 11,88 баллов, что свидетельствует о склонности респондентов к повышенной в сфере влечения импульсивной реактивности.

По всем остальным шкалам были получены средние показатели. Это говорит о нормальном психологическом состоянии респондентов.

Средние показатели были получены по шкалам «демонстративность» – 7,68 баллов. Данная категория людей выражается повышенным эгоцентризмом, стремлением быть постоянно в центре внимания.

Само выражаются с помощью яркой, экстравагантной одежде.

По шкале «педантичность» составила 8,79 баллов. Педантичные люди проявляют ригидность, имеют трудности в выражении эмоций. Иногда у них наблюдается злобно-тоскливое настроение во время их раздражительности. Склонны к агрессии.

По шкале «тревожность» – 9,25 баллов. К данной категории относятся люди, не уверенные в себе с заниженной самооценкой, опасаящиеся всевозможных неприятностей для себя и близких, ощущающие частый страх и тревогу.

По шкале «экзальтированность» также средний уровень выраженности по группе – 8,9 баллов. Люди склонные к демонстрации характера, имеющие такие же проявления, только на уровне эмоций.

По шкале «эмотивность» также средний уровень выраженности по группе – 8,85 баллов. У людей, данного типа в большой мере проявляется эмоциональная

чувствительность, а также склонность к переменам настроение по незначительному для окружающих поводу. Крайне болезненно воспринимают хамство, грубость, склонные к депрессивному состоянию.

Также по шкале «застравание» средний уровень выраженности по группе – 8,98 баллов. Такие респонденты педантичные, обидчивые, могут проявлять навязчивые идеи. В эмоциональном отношении – ригидны. Иногда наблюдаются аффективные вспышки, и проявление агрессии.

По шкале «циклотимность» также средний уровень выраженности по группе – 8,5 баллов. Люди склонны к резким перепадам настроения.

По шкале «дистимность» также средний уровень выраженности по группе – 8,45 баллов. Склонность к расстройствам настроения. Настроение пониженное, люди склонны к пессимизму, быстро утомляемы, предпочитающие одиночество.

Поскольку восприятие тела также может быть связано со стилем, было проведено анкетирование на выявление отношения к собственному телу О. А. Скуга-ревской и С. В. Сивухи.

Полученные результаты позволяют утверждать, что у 30 % респондентов присутствует полная удовлетворённость своим телом, что обеспечивает адекватную самооценку, а возможно и ее завышение. Но тем не мене, это свидетельствует о том, что человек обладает психологическим здоровьем при восприятии себя. У 35 % процентов средний показатель. И у 35 % выявлена выраженная неудовлетворённость. Это достаточно большое количество человек, что может быть связано и с наличием акцентуаций характера у респондентов. Можно сделать вывод, что

обратная реакция со стороны окружающих опосредована её собственными убеждениями и поведением.

В ходе исследования, был проведен тест на определение отношения к одежде у молодых людей.

Результаты показали, что большая часть респондентов предпочитают делать сознательный выбор в одежде – 37,5 %. Это говорит о зрелости личности. Чуть меньше респондентов предпочитают практичный стиль в одежде – 35 %. Откровенный стиль близок 12,5 % человек. А стремление соответствовать моде и стилю выявлено у 15 %.

Респонденты, которые руководствуются сознательным выбором одежды могут обладать уравновешенным характером. Те, кто относятся к шкале «эксгибиционизм» вероятно могут быть агрессивны, уверены в себе, общительны, безжалостны, решительны и независимы от окружающих. Так как такой тип очень демонстративно проявляет личность.

Практичность в одежде может обуславливать предусмотрительность, непокорность по натуре, способность поддерживать отношения с окружающими и получать одобрение и признание со стороны авторитетов.

Респонденты, которые же следят за модой и предпочитают быть стильными скорее добры и открыты по натуре, стремятся помочь окружающим.

После анализа предпочтений в одежде и отношению к стилю, было проведено статистический анализ данных для выявления связей между показателями и достижениями цели данного исследования, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционный анализ (отношение к телу и к стилю одежды)

Шкалы	Удовлетворенность своим телом
Сознательный выбор	0,568*
Экзбиционизм	0,277
Практичность	-0,341*
«Модельер»	-0,572*
Педантичность	0,335*

*- значимость ($p < 0,05$).

** - значимость ($p < 0,01$).

Исходя из полученных данных, прослеживается связь между отношением к телу и выбором в одежде. Как видим, что чем больше человек удовлетворен своим телом, тем больше он склонен делать сознательный выбор в своей одежде. Такое отношение на 32 % объясняет сознательный выбор в стиле. В ходе полученных результатов, можно сделать вывод, что чем увереннее человек в своем теле, тем меньше он стремится к практичности в одежде. Это говорит о том, что удовлетворение своим телом способствует более положительному отношению к экспериментам в одежде. Люди с более высокой самооценкой предпочитают одеваться ярко и стильно. Следует отметить, что чем меньше человек удовлетворен своим телом, тем больше он стремится к тому, что

соответствовать моде. Он может переживать факт неудовлетворенности своим телом. И замещать его красивой одеждой или, наоборот, тщательно делая выбор. Была выявлена связь между удовлетворенностью своим телом и такой акцентуацией характера, как педантичность. Люди, которые очень удовлетворены своим телом, характеризуются педантичностью и могут проявлять агрессию. Такая черта может быть связана с завышенной самооценкой у респондентов. Удовлетворенность телом может приводить к желанию состояния идеала во всем. Далее нами был проведен еще один корреляционный анализ данных. Результаты корреляции между стилями в одежде и акцентуациями характера респондентов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Корреляционный анализ (акцентуации и стиль одежды)

Шкалы	Сознательный выбор	Экзбиционизм	Практичность	«Модельер»
Гипертимность (Г)	0,387*			
Дистимность (Д)				-0,315*
Циклотимность (Ц)	-0,345*			0,728**
Возбудимость (В)	0,353*			
Застревание (З)			0,535**	
Эмотивность (Эм)			0,390*	
Экзальтированность (Эк)			0,364*	
Тревожность (Т)		0,655**		
Педантичность (П)		-0,463**		
Демонстративность		0,397*		

* - значимость ($p < 0,05$).

** - значимость ($p < 0,01$).

Гипертивная акцентуация. Респонденты имеют связь между предпочтением к самостоятельному и осознанному выбору одежды и степенью выраженности гипертивной акцентуации их характера. Данный факт объясняется тем, что активные черты гипертивного характера способствуют активному проявлению себя при выборе одежды, которая не выражает душевное состояние.

Застревающий. Преобладание практического стиля одежды у данной группы респондентов демонстрирует способность приспособливаться к окружающей действительности. Это слабый тип, потому находясь в условиях, где и респонденту, и его окружающим больше по душе удобная незамысловатая одежда, выбор, например, спортивного стиля кажется вполне оправданным.

Эмотивный. Данные вид респондентов предпочитают практичный стиль одежды. Их эмоциональность выражается в элементах одежды. Такой результат довольно необычный, поскольку чаще всего у таких людей проявляется склонность к романтическому стилю.

Педант. В желаемом стиле респондентов преобладает показатель отрицания откровенного стиля в пользу выбора строгой одежды что демонстрирует их сдержанный характер. Педантичный человек стремится к порядку вокруг себя, и его не может привлекать откровенность и нелепость в одежде. Для них более оптимальным будет выбор практичной и сдержанной одежды.

Тревожный. В желаемом стиле одежды, у респондентов преобладает предпочтение откровенного стиля. Для девушек это может быть идеал женственного обра-

за, в современном мире, что соответствует ощущению себя в мире, данного типа личностей.

Циклоидный. Люди с циклоидным типом очень чувственные и глубокие, умеющие хорошо понимать как себя, так и других. Это ранимый и слабый тип респондентов, которые стремятся во всем выразить свои чувства. Именно поэтому преобладающим показателем в актуальном гардеробе вышел показатель «модельер» в котором прослеживается стиль и интеллект. Получившиеся отрицательные показатели с сознательным выбором в желаемом гардеробе говорят о нежелании данного типа принимать ответственность или желание проявить себя не так как все.

Демонстративный. Положительный результат, как неудивительно был выявлен с откровенным стилем. Стиль такого человека умеет трансформироваться под удобный для него случай. Характер данного типа характеризуется возбудимостью, вспыльчивостью, что заставляет выражаться эмоционально, а откровенный демонстративный стиль наилучшим образом для этого подходит. У возбудимого типа возникают проблемы с переживанием и выражением эмоций. Строгий, сдерживающий классический стиль помог бы навести «порядок» во внешнем виде с целью создания желаемого к себе отношения.

Дистивный. Отрицательный показатель со шкалой «модельер». Респонденты данного типа желают быть незаметными, сливаться с толпой, чтобы не привлекать на себя излишнее внимание.

Экзонтированный. Склонны к проявлению практичности в стиле одежды, что

свойственно такому искреннему типу людей. Появление практичности в желаемом стиле объясняется стремлением слегка снизить свою чрезмерность.

Подводя итог, можно сделать вывод, что склонность к большему или меньшему проявлению себя в образах, создаваемых одеждой, зависит от типа характера. Основываясь на проведенном исследовании, можно утверждать, что слабые и эмоциональные типы предпочитают откровенный стиль в одежде, и стиль, который навязывает им современная мода. А сильные типы отдают предпочтение строгим, не глубоким стилям при выборе одежды в связи с проявлением практичности и осознанности в принятии решений.

Библиографический список

1. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. – М. : Изд-во МГУ, 1988.
2. Звонова Е. В. Символизация и психологический механизм создания картины мира // *European Social Science Journal*. – 2013. – № 11-2 (38). – С. 8–15.
3. Килошенко М. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. – Санкт-Петербург : Речь, 2001.
4. Лазурский А. В. Очерк науки о характерах. – М. : Наука, 1995.
5. Люшер М. Четырехцветный человек или путь к внутреннему равновесию : Сб. Магия цвета. – Харьков: АО Сфера, 1996.
6. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: Избр. психол. тр. / под ред. Е. А. Климова. – М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2005.
7. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. – М. : Высшая школа, 1984.

© Филиппова А. А., 2020.

UDC 32

THE APPLICATION OF HO CHI MINH'S THOUGHTS ON PROMOTING THE MASS MOBILIZATION WORK OF THE COMMUNIST PARTY OF VIETNAM CURRENTLY

Nguyen Thi Phuong

*PhD student,
e-mail: nguyenvphuong7887@gmail.com,
Ho Chi Minh National Academy of Politics,
Hanoi, Vietnam*

Abstract. The ideology of mass mobilization is a major and consistent ideology in President Ho Chi Minh's theoretical thinking and his practical revolutionary activities. It has become the guideline to gather forces of the Communist Party of Vietnam through the revolutionary periods. This ideology has contributed to constantly strengthening, consolidating and expanding the great unity bloc of the entire nation, cultivating lifeblood relations between the Party and the people, building a firm "posture of the people's hearts". Currently facing with the new requirements and tasks, it is necessary for the Party to strengthen and renovate its leadership of the mass mobilization work in accordance with the instructions of President Ho Chi Minh to firmly consolidate the people's trust in the Party, strengthen the relationship between the Party and the people as well as the great unity bloc of the entire people; bring into play the great strength of the entire people for the cause of building and defending the Socialist Vietnam Fatherland.

Keywords: Ho Chi Minh's Thoughts; Mass Mobilization Work; Communist Party of Vietnam.

Mass mobilization is the abbreviation of the mobilization of the masses associated with the subjects of mobilization, which are specific organizations or individuals. Mass mobilization is the concept of mobilizing the people to participate in the revolution. Mass mobilization includes public communication, advocacy, persuasion, guidance to the organization of the people to make them understand, agree, and enthusiastically participate in the implementation of revolutionary policies, guidelines and tasks of the Party. Mass mobilization is the work of the entire political system under the leadership of the Party to mobilize and unite the people, to bring the Party's guidelines, policies, and laws into life, contribute to building social consensus and successfully implementing the Party's revolutionary line.

Mass mobilization ideology is a great ideology, an outstanding feature with important significance on the revolutionary path of President Ho Chi Minh. The President put mass mobilization and mass mobilization

work at the strategic task level, as a national policy; at the same time focused on methods of implementation in a very practical, specific, thoughtful and meticulous manner. Mass mobilization ideology continued throughout the life of President's revolutionary activities. On October 15th, 1949, under with the pen name X.Y.Z, He wrote the article "Mass Mobilization", which was published on The Truth Newspaper, No. 120. During which time, there were new changes requiring the mass mobilization work of the Party to go in-depth, be specific and practical to maximize the mobilization of human and wealth power for the resistance. This was the "declaration", the "platform", the "guideline" of the Party's mass mobilization for us to learn, grasp and implement.

1. Ho Chi Minh's ideology on mass mobilization

Firstly, what is mass mobilization?

In the article "Mass Mobilization", President Ho Chi Minh explained very clearly the concept of mass mobilization. According to

him, “Mass mobilization is to mobilize every capability of each person without leaving any one behind, to create the all-people force in order to execute the work that should be done or was entrusted by the Government and the Unions” [7, p. 232]. Thus, mass mobilization is to mobilize every capability of each person without leaving any one behind. The mass mobilization work is to approach every person, arouse and promote their positivity, creativity, initiative and self-awareness in general career, which are reflected in the intelligence, energy and wealth of each person. Mass mobilization is not simply general education and encouragement, mass mobilization must clearly understand the capabilities, requirements, aspirations and specific circumstances of each person in order to be effective. That is the depth of mass mobilization. However, not a single person is left behind. This is the breadth of the mass mobilization and is a high requirement of mass mobilization work, thus contributing to the entire population force.

According to President Ho Chi Minh, solidarity is not only a fundamental task of mass mobilization but also a valuable tradition and great lesson of Vietnamese revolution. Solidarity is understood in the broadest way as the unity of the whole Party, the unity of the people and international solidarity for mutual progress and development. On the contrary, He also required the Party and Government to take responsibility to the people. “It is the policy of the Party and the Government to *take great care of the lives of the people*”. He pointed out: “If the people are hungry, the Party and Government are at fault; if the people are cold, the Party and the Government are at fault; if the people are ignorant, the Party and the Government are at fault and if the people are sick, the Party and the Government are at fault” [9, p. 518].

Secondly, who is in charge of the mass mobilization work?

Ho Chi Minh affirmed: “All governmental officials, Party members and members of people’s organizations (Lien Viet, Viet

Minh...) *must be in charge of mass mobilization work*” [6, p. 233]. It could be said that the force performing the mass mobilization work is not only the assigned officials but also all participating government organizations, the Party and unions. Reality shows that if the people are not enlightened, organized and led, they will not know what they do, which way they should follow, as a result, the force of the people though is large but not powerful. Therefore, there must be mass mobilization work. It is the work of the Party, State and mass organizations, or in other words, it is the responsibility of the whole political system. It is general power of revolutionary movements in general, of specific fronts and fields in particular, including the field of mobilization. Mass mobilization work is to actualize the general goal of the revolution. Therefore, all levels of government, unions, cadres, party members, and officials of the political system must be in charge of mobilization work. Depending on the functions and duties of each organization, there should be specific content of mass mobilization work. During the implementation process, it is necessary to raise the sense of responsibility, be proactive and creative in order to take measures to mobilize the masses appropriately, practically and effectively.

Thirdly, what is the subject of the mass mobilization work?

The subject of the mass mobilization work in President Ho Chi Minh’s conception is the people with a very broad connotation - both the gathering of a large block of people, and each specific Vietnamese person. According to Ho Chi Minh, the people are “all the people of Vietnam”, “the offspring of the Dragon and Fairy”, irrespective of religion, ethnicity, age and gender. Therefore, the subject of mass mobilization work is the people.

Talking about the people, President Ho Chi Minh often refers to the people in a country, whether living in the country or abroad. That community block is not only a multi-ethnic community but it also is multi-religious, with religious and non-religious

people. People should respect and trust one another to unite and help with love like a family – that is the delicate depth of morality and humanity in Ho Chi Minh's thought, and it also is the largest coverage of the mass mobilization work.

Fourthly, how to mobilize the masses?

Regarding the method of mass mobilization, President Ho Chi Minh pointed out: “How to mobilize the masses?” for us to follow: “Cadres in charge of mass mobilization work must be mind-thinking, eyes-observing, ears-listening, feet-walking, mouth-saying, hands-doing. *Not just saying without doing, not only giving orders*” [7, p. 233–234]. These six criteria are both requirements for officials in charge of mobilization, as well as the methods to mobilize effectively. The contingent of officials in charge of mobilization includes cadres of the Party, government, and unions and in current period, are all cadres in the political system. In order to well-perform the mass mobilization work, the cadres must be knowledgeable, concern with their work, must be far-seeing, be close to the root to grasp the people's feelings and legitimate aspirations, mouth-saying, hand-doing, exemplary in both words and deeds. Mass mobilization officials must grasp information promptly, listen and absorb people's opinions. They must be mouth-saying, hand-doing; must stick closely and directly approach the people, must not be bureaucratic and bossy.

During his lifetime, The President always instructed that a real leader must do his best to preserve and set an example for everyone, to be a “faithful servant” of the people. With a keen interest in the Party's mass mobilization work, He warned those who neglected this important task: “The big shortcoming in many places is *underestimating* the mass mobilization work, leaving the whole mass mobilization work to a certain division or several cadres, usually the incompetent ones, do not care whether the masses are mobilized or not. The other cadres do not care, assist and take responsibility for mass mobilization” [7, p. 234] and He criticized very strict-

ly: “It is a very serious and harmful mistake” [7, p. 234].

In consequence, President Ho Chi Minh not only recognized the strategic and long-term importance of the mass mobilization in the Vietnamese revolution, but also paid special attention to its purpose, motto and methods. He demanded and acted by himself exemplary to set an example for cadres, party members and civil servants in their dedication to serving the people, sacrificing and striving for the people. Learning Ho Chi Minh's ideology and methods on mass mobilization in the current period requires each official and party member to re-illuminate themselves, better implement the motto of respecting the people, being close to the people and responsible for the people. By doing so, it is certain to overcome any hardship and challenge, as He once affirmed: “The masses hold enormous power. The mass mobilization is of great importance. Ineffective mass mobilization leads to poor performance in everything. Effective mass mobilization leads to success in everything” [7, p. 234].

2. The application of Ho Chi Minh's Thought on mass mobilization work of The Communist Party of Vietnam

Inheriting and applying creatively the ideology of mass mobilization of President Ho Chi Minh, over the past years, along with the comprehensive renovation of the country, our Party has always expressed concern and has issued many resolutions to concretize the policies towards the mass mobilization work, renewing the contents and methods of mobilizing the masses.

When reviewing the process of leading the revolutionary cause and deciding the comprehensive renovation guideline of the country, the first major lesson emphasized by our Party was the lesson on thoroughly grasping the thought of “Taking people as the root”, building and promoting the people's right to mastery, taking care of and strengthening the close relationship between the Party and the people, and building the people's trust in the Party. Our Party affirmed: “*In terms of leading the government, the Party*

attaches special importance to reforming the Party's mass mobilization work from the point of view: revolution is the cause of the people, by the people and for the people; the Party's strength lies in its close attachment to the people" [2].

In the context of the early years of renovation, under difficult economic conditions due to seige and embargo, people's trust was affected by the crisis leading to the disintegration of the socialist system in the Soviet Union and Eastern Europe; On March 27, 1990, The 8th plenary session of the 6th Central Committee issued Resolution No. 8B-NQ/HNTW on renewing the Party's public affairs, strengthening the relationship between Party with the people. This is a timely step to rectify the decline in the relationship between the Party and the people, rectifying the situation that a part of cadres and party members are bureaucratic, dictatorial, keeping aloof from the people, autocratic, authoritative, embezzling, bribery, living extravagantly, dissipative, reducing the enthusiasm for the revolution, limiting the promotion of the people's great potential in the cause of national construction.

At the 7th National Congress, our Party determined to build a mechanism to implement the motto "People know, people discuss, people do, people check" for the policies and guidelines of the Party and Government. The Platform on national construction in the period of transition to socialism (1991) affirmed: "All activities of the Party must come from the legitimate interests and aspirations of the people. The Party's strength lies in its close attachment to the people" [3]. In particular, in 1999, on the occasion of the 50th anniversary of President Ho Chi Minh's writing the article "Mass Mobilization", the Politburo decided to make October 15 every year as the Mass Mobilization Day.

Facing with requirements and tasks of mass mobilization in the period of industrialization and modernization of the country, on March 12, 2003, at the Seventh plenary session of the 11th Central Committee of Na-

tional Party Congress, the Party issued Resolution No. 23-NQ/TW on promoting the strength of great national solidarity for rich people, strong country, fair society, democracy and civilization. Resolution No. 23-NQ/TW concretized the views and ideology of the Ninth Congress of the Party on promoting the strength of great national solidarity with new content and quality, directing the mass mobilization work in the new era.

On February 25, 2010, the Politburo issued Decision No. 290-QD/TW on promulgating the Regulation on mass mobilization of the political system, which affirmed that: mass mobilization and its work is a strategic mission of the entire revolutionary cause of our country; an important condition to ensure the leadership of the Party, to consolidate and strengthen blood relations between the Party, the State and the people; at the same time, it clearly defines the responsibility of leading and implementing the mass mobilization work of the Party committees, authorities, the Fatherland Front and mass organizations, all officials, party members, union members; the coordination mechanism among agencies and organizations in the implementation of the mobilization work. It can be said that this was the Party's first institutional document on the regime of responsibility for leading, directing and implementing the mobilization work in our political system.

In particular, on June 3, 2013, the Central Executive Committee issued Resolution No. 25-NQ/TW on strengthening and renewing the Party's leadership in the mobilization work in the new situation. On the basis of a comprehensive review of the situation, to clarify challenges to the mobilization work in the context of promoting the renovation cause, to strengthen and renew the Party's leadership in civil mobilization work. In the new model, it is necessary to grasp the following views: 1) Revolution is the cause of the people, by the people, for the people; owned by the people; 2) The driving force for the people's movement is to promote the people's right to mastery, and meet the peo-

people's practical interests; harmonious combination of benefits; rights must go hand in hand with citizen obligations; focusing on direct benefits of the people; mobilizing the people's forces must go hand in hand with fostering the people's strength; cadres must try their best to bring benefits and avoid doing harmful things to the people 3) The Party's mass mobilization work must be closely associated with the work of building a clean and strong Party and State. All views and guidelines of the Party and laws of the State must be in accordance with the interests of the people, by the people and for the people. Each cadre, party member, public servant and official must be exemplary for the people to believe and follow; 4) The mass mobilization work is the responsibility of the entire political system, cadres, party members, public servants, officials, union members, members of people's unions, cadres and soldiers of the armed forces. In which, the Party leads, the authorities organize the implementation, the Vietnam Fatherland Front, the socio-political organizations act as advisors and the core 5) The State continues to institutionalize the mechanism of "Party's leadership, State's management and people's mastery" into a regulation and policies so that organizations in the political system, officials, Party members, civil servants, officials and officers and soldiers of the armed forces perform better mass mobilization work; people gathering forms must be abundant, diversified, scientific and effective.

At the 12th National Congress of the Party, one of the important tasks in Party building was identified by our Party as *"Continuing to renovate and improve the efficiency of mass mobilization work, strengthening the close relationship between Party with the people"* [1, p. 210]. In order to concretize the Resolution of the 12th National Congress of the Party, the Politburo, the Secretariat issued many resolutions and directives on and related to the mass mobilization work such as: Directive No. 49-CT/TW on October 20, 2015 on strengthening and renewing the Party's mobilization work in ethnic minority

areas; Directive No.16/CT-TTg dated May 16, 2016 of the Prime Minister on strengthening and renewing the mobilization work in state administrative agencies and governments at all levels in a new situation; Conclusion No. 43-KL/TW dated January 7, 2019 of the Central Committee on continuing to implement the Resolution No.25-NQ/TW dated June 3, 2013 of the Central Committee on strengthening and renewing the Party's leadership over mass mobilization in the new situation.

Over the past 30 years, since the reform of the country was carried out, under the leadership of the Party, the mass mobilization work has achieved many remarkable results, contributing to strengthening the close relationship between the Party and the people, building a firm "posture of the people's hearts". The contents of the mass mobilization work are associated with the local political tasks, units and local characteristics; carried out with focus and diversified form suitable to practical requirements. The Party Committee, authorities, the Fatherland Front and socio-political organizations have actively promoted propaganda and mobilized the people to well implement the Party's lines and guidelines, the policies and laws of the State, local socio-economic development plans and programs. The organization, apparatus and civil servants of the political system from the central to local levels have been increasingly strengthened in quantity and improved in quality, gradually meeting the requirements and tasks in new situation.

On the other hand, a number of party committees, authorities, agencies, departments and organs are not fully aware of the position and role of the mass mobilization work, so they have not yet paid attention to implementing movements emulate in this activity. The implementation of documents related to the mobilization work is still slow, the documents have not been concretized to be suitable to the actual situation of each locality and unit. The coordination and combination among departments, organs and unions is not really tight. Some cadres and party

members are bureaucratic, bossy, embezzling, bribery, detach themselves from the people, appear indifferent to the opinions and recommendations of the people, degrade in ideology, morality, lifestyle, deplete trust of the people towards the Party and State; lack of skills to propagandize and persuade the people...

The cause of the above limitations is that some levels of party committees and authorities have not yet led, directed and well implemented the mobilization work. Some cadres in charge of mass mobilization work are still limited in terms of qualifications, capacity, professional expertise, they are not proactive in advising, researching the implementation of documents on mobilization work. Mechanisms, policies and working conditions of a number of agencies and cadres in charge of mobilization work still face many difficulties. The coordination in implementing the mobilization work of organizations in the political system is not yet tight. The Fatherland Front and grassroots socio-political organizations have not had any reforms in terms of content and operation method.

3. Solutions to continue applying Ho Chi Minh's Thoughts on mass mobilization work of the Vietnamese Communist Party in the coming time

Firstly, raising awareness of the Party's mass mobilization work in the new era. Strengthening the thorough grasp and implementation of directives, resolutions and regulations on mobilization to raise awareness and responsibility of the Party committees, authorities and organizations in the political system with mass mobilization work. Promoting communication and using the mass media, social networks effectively... Renovating the mass mobilization work in a practical and creative way; aiming to reach consensus, strengthening the people's trust towards the Party and the State, promoting the great strength of the great unity bloc of the entire nation. Clearly defining that mass mobilization work is the responsibility of the entire political system. Well implementing the lead-

ership mechanism of the mobilization work: the Party leads, the authorities organize the implementation, the Vietnam Fatherland Front, the socio-political organizations act as advisors and the core. At the same time, focusing on investing in the research activities to review the practice, and theoretically answer newly emerging problems, especially issues related to the interests of the people, complaints and petitions of the people.

Secondly, continuing to promote the emulation movement "Effective mass mobilization" associated with patriotic emulation movements and campaigns launched by the Fatherland Front and socio-political organizations. In particular, it is necessary to determine the central content and method of the emulation movement to work out the appropriate one; associate it with promoting learning and emulating Ho Chi Minh's thought, morality and lifestyle. Through practical activities, all levels and organs need to do well the propaganda, encourage and replicate new, typical and advanced factors, the example of "good people, good deeds" in all fields; promote the spirit of patriotism, practice democracy, create a sweeping revolutionary action movement of the entire people to successfully implement the national renewal and development. Strengthening the mass mobilization work of the political system to the grassroots, with the focus on the mass mobilization of the government.

Thirdly, renewing methods of mass mobilization suitable for each specific subject. Propaganda and persuasion must be used as main methods of mass mobilization. Propaganda and persuasion must be reasonable, lawful, conduct self-criticism, have a good attitude and dialogue with officials and ethnic minorities; preventing and combating the "big nation" ideology; preventing and combating the thought of "narrow nationalism", overcoming national inferiority complex. At the same time, it is necessary to improve the economic life of the people and implement the transparent public administration when mobilizing the masses. The cadres has to dis-

cuss everything with the people, ask for people's opinion and experience, and collaborate with people to work out plans suitable to local circumstances, then encourage and organize implementation process, as President Ho Chi Minh instructed: "The leadership in all practical activities of the Party *must come from the masses and get back to the masses*" [6, p. 330].

Fourthly, the Fatherland Front and socio-political organizations continue to renew their contents and methods of operation, well-perform the role of representatives and protect the legitimate and rightful interests of their members; diversify forms of gathering force, grassroots-oriented, grassroots concentration. Continuing to renovate and improve the quality and efficiency of mobilizing union members and masses to effectively implement the Party's guidelines, State policies and laws, creating a broad revolutionary movement among the people in the cause of national construction and defence. It is necessary to perfect the mechanism to improve the effectiveness of social supervision and criticism of the people through the Fatherland Front and socio-political organizations. Paying attention to selecting, training, fostering and having mechanisms and policies to motivate the contingent of officials engaged in the work of the front, mass mobilization and mass organizations; resolutely not to appoint cadres lacking of capabilities, having poor morality, violating discipline to conduct mass mobilization work.

Fifthly, promoting the role and ownership of the people in the mass mobilization work with the spirit of "taking people as the root". Democracy is the core value of society, it is cultural, historical and epochal and is the driving force of development. In fact, promoting the people's mastery is based on the fundamental principle of "power belongs to the people" that President Ho Chi Minh had repeatedly affirmed. In the current period, it is necessary to continue to institutionalize, improve quality and promote forms of representative democracy and direct democracy; well-implement the Regulation on democracy

in various types of grassroots. Eliminating the problems of bureaucracy, being remote from the people, not having firm grip on practice. Strengthening dialogues, interacting with the people; sticking to the grassroots, listening to the people's innermost feelings and desires; promptly fulfilling and satisfying the legitimate and rightful aspirations of the people. Promptly and completely handling pressing issues directly related to the people's lives such as crowded, leveled up and protracted lawsuits, avoiding to form and spread "hot spots" relating to security and social order.

Sixthly, strengthening the mass mobilization apparatus and building mass mobilization contingent of officials at all levels to meet the requirements and tasks in a streamlined way, ensuring sufficient parts suitable for specialized functions and tasks. Formulating and concretizing standards and styles of mass mobilization officers. It is necessary to clearly define the standards of mass mobilization officers in general and grassroots mobilization cadres in particular to meet the general standards in the cadre strategy in the period of national industrialization and modernization. Paying attention to building resources for planning, recruiting, fostering and employing qualified, capable and experienced staff with mass mobilization skills, exemplary, prestige to introduce and assign in charge of mass mobilization. At the same time, it is necessary to have policies to attract mass mobilization officers such as salary allowances, living expenses, public housing regime; funding for specific mass mobilization tasks... so that the officers in charge of mobilization can be assured of their work and successfully complete their assigned tasks.

In conclusion, mass mobilization according to President Ho Chi Minh's point of view is to mobilize the people to revolutionize in order to free the people from their chains of slavery, to eliminate oppression, exploitation and enslavement of the people by colonial and feudal empires. In order to succeed, that liberation career must have a force, an organized strength led by a pioneering unit which is the Communist Party. The views of Ho Chi

Minh is the ideological and theoretical foundation that has been absorbed and applied by our Party during leading the revolutionary process and is the striving direction of our Party in the current period.

Bibliography

1. Communist Party of Vietnam, Document of the XII National Congress, National Political Publishing House, Hanoi, 2016.
2. Communist Party of Vietnam, Documents of the Party Congress, National Political Publishing House, Hanoi, 2007, volume 51, p. 214.
3. Communist Party of Vietnam, The Platform on national construction in the period of transition to socialism, The Truth Publishing House, Hanoi, 1991, p. 5.
4. Ha Duc Long, "Thinking on how to learn Ho Chi Minh's thought on mass mobilization and its work in a new context", Mass Mobilization Magazine, No. 3. – 2019. – p. 21–24.
5. Ha Thi Khiet (Editor), Improving the quality and efficiency of the Party's mass mobilization work in the new period, National Political Publishing House, Hanoi, 2015.
6. Ho Chi Minh, Collected Works, National Political Publishing House, Hanoi, 2011, volume 5.
7. Ho Chi Minh, Collected Works, National Political Publishing House, Hanoi, 2011, volume 6.
8. Ho Chi Minh, Collected Works, National Political Publishing House, Hanoi, 2011, volume 9.
9. Nguyen The Trung, Some issues on the mass mobilization work in the current period, National Political Publishing House, Hanoi, 2015.
10. Truong Thi Mai, "Continue to promote the Party's mobilization work in the new situation", National Defense Journal, No. 10. – 2018. – p. 1–5.

© *Nguyen Thi Phuong*, 2020.

UDC: 321 (54)

YOUTH POLICY AS A PRIORITY AREA OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

N. Z. Saydaliyeva

M. M. Nazirov

*PhD in philosophical sciences,
ORCID 0000-0001-8884-8724,
e-mail: saidaliyeva_nigora@mail.ru,
PhD in political sciences,
ORCID 0000-0002-6516-8264,
e-mail: muxtor.nazirov@gmail.com,
Tashkent State Institute
of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article considers the essence, legal foundation and main directions of the state youth policy, particularly in Uzbekistan. Features of effective interaction between state bodies, NGOs and other civil society institutions have been shown on the example of the Youth Union of Uzbekistan. Revealing the potential of young people and assisting them in effective socialization in society are considered as a priority of the state youth policy in Uzbekistan.

The article outlines the main measures for the further development of the social sphere in 2019. In particular, comments were given to initiatives and conceptual ideas for further improvement of science, modern and continuing education, further strengthening of state social support for young people.

The article widely describes the concept of “investment in human capital”. The article notes that investments in human capital include expenditures on health care, general and special education, employment, vocational training, raising children and others.

The article shows how the issues of modern education and upbringing of young people and their social support are important in the social development of the country. The article analyzed important practical steps taken to ensure that the sphere of education and training directly serves further human improvement.

Keywords: Strategy of Action; youth; state youth policy; Youth Union of Uzbekistan; innovative thinking; commitment to the national idea; human capital investment.

Introduction

Youth is a strategic resource of any state, the basis of its vitality. But the prospects for the development of the state largely depend on how this resource will be mobilized and used. Uzbekistan has embarked on the construction of a modern democratic state with a strong civil society. This implies a qualitatively new level of relations between the state, society and the individual. In this context, youth is the driving force behind the development of the country and one of the important factors of social stability in Uzbek society.

Young people have always been recognized as an active part of society. Care for young people in Uzbekistan has always been in the priority of state policy. In the first years of independence, despite the presence of many social and economic problems inherent in the “transition period” in our republic,

this issue was given the highest priority. This is evidenced by the fact that one of the first laws signed by the First President of the Republic of Uzbekistan I. Karimov was the Law “On the foundations of state youth policy”. The Law, adopted on November 20, 1991, was the first document that raised the issue of attention to the younger generation in our country at the level of state policy. For a long time, this law served as a legal basis for the upbringing of a healthy, harmoniously developed generation, the development of the education system, the social protection of youth, and the support of youth organizations in our country. (*The Law “On the foundations of state youth policy” became invalid after the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On State Youth Policy” of September 14, 2016.*)

Along with this, in the years of independence, special state programs were developed

in Uzbekistan that proclaims the social direction of the year. In particular, 2008 was declared the “Year of Youth”, 2010 – “The Year of Harmoniously Developed Generation”, 2014 – “The Year of a Healthy Child”, and 2016 – “The Year of a Healthy Mother and Child”. This fact testifies to the enormous attention of the state to the creation of an appropriate condition for the younger generation.

Uzbekistan is on an important demographic frontier. Currently, more than 60 percent of the population is young, that is, the country is home to a whole generation of people who have not reached 30 years of age. Over the next decades, today's children and young people will become the largest workforce in the history of Uzbekistan. With the right investments in the development of youth, it is they who can become the generation that will bring Uzbekistan to a new level of development. Therefore, the key priority of all social policy in Uzbekistan has been the concern for the upbringing of a harmoniously developed young generation.

“Youth” and its age framework

Youth – the socio-demographic group of the population, allocated on the basis of a combination of age characteristics, social status and the socio-psychological properties conditioned by both, which are determined by the social system, culture and laws of socialization.

At present, there are no exact age limits for the youth category. In different countries, not only age limits are important, but a set of individual or group characteristics. According to the UN, youth are people aged 10–24 [9].

In a number of countries, young people are not allocated to a separate group, but are united with children in the age range from zero to 25 years (UK, Netherlands). In Uzbekistan, according to the Law “On State Youth Policy”, young people (young citizens) are all individuals between the ages of 14 to 30 years.

In general, modern age boundaries of the concept of “youth”, adopted in most European countries, the USA and Japan, are determined in the range from 13–14 (the age at which physical maturity sets in) to 29–30 years (the time of independent, economically independent life). Although in some cases the upper limit may be pushed back (for example, for “young scientists” in our country and in some European countries – 33–35 years old, or “young farmers” in Spain – up to 39–40 years old) [4].

Youth policy in the world

Youth policy is one of the most important priorities of the state socio-economic policy. It is focused on the development of essential conditions and the necessary guarantees that contribute to the self-realization of a young man [5, p. 87].

In youth policy, it is necessary to consider the interests of young citizens, their formation in the social structure of society, the disclosure of the potential of the young generation in the interests of the whole society. It is necessary to support youth movements, associations, initiatives.

Recently, an approach has been advanced in the field of youth policy in developed countries, according to which it should be based on a clear understanding of new social changes and the way of life of young people [21, p. 265–275].

At the present stage in developed countries, state youth policy in its development has acquired quite definite forms and is being implemented according to several rather different models. Its common features are a departure from paternalism, the state's attitude to youth as a partner in social processes, the implementation of youth policies based on the principles of subsidiarity, etc.

At the global level, a universal approach to the implementation of youth policy is being formed, aimed at actively socializing and uniting the efforts of young people from different countries and regions in solving global

problems of our time together with representatives of other social groups.

Thus, the recognition of youth as an independent resource, the allocation of youth policy as a separate direction of state activity in the developed countries of the world is directly related to the awareness of the role of youth in solving socio-economic and political problems (global challenges – aging populations, demographic problems, migration, preservation of cultural identity, terrorism, environmental safety, energy security, etc.) [4].

Due to its global position, the United Nations is a platform for discussing and solving pressing problems of youth and strengthening its potential for the benefit of the whole world.

As the UN Secretary General Antonio Guterres noted: “Ensuring peace, active economic growth, social justice, tolerance – all this and much more depends on the use of youth’s opportunities” [10].

Known that today an unprecedented number of young people in the world – 1.8 billion, which is still faced with many obstacles. About 90 percent of them live in developing countries. More than 70 million of them are unemployed. In many cases, unemployment and the extremely difficult living conditions of the younger generation in the world lead to an increase in violent extremism and radicalism among them. Moreover, this phenomenon requires joint efforts of the international community.

As President of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev noted in his speech at the 72nd session of the UN General Assembly in September 2017, ensuring conditions for the self-realization of the youth will create a barrier to the spread of the “virus” of the ideology of violence. In order to develop multilateral cooperation for social support of the younger generation, protection of their rights and interests, the initiative on the adoption of the Convention on the Rights of Youth was put forward by Uzbekistan [18].

This initiative is aimed at the formation of bases for the effective implementation of a

large-scale international mechanism to combat the propaganda of terrorism in the context of globalization. This, in turn, contributes to the development of national action programs and the development of youth policy.

Youth policy in Uzbekistan: main directions

As 60 percent of the population of Uzbekistan is young people, which is considered to be a strategic resource of the state, a special policy has been developed and is being implemented with regard to young citizens of the country.

The Constitution of the Republic of Uzbekistan has become a solid legal foundation in the sphere of youth. The provisions of the Constitution have created legal and legislative bases for the youth to receive modern education, to acquire a profession, to take their place in society.

In the Constitution, for the first time in the history of Uzbek legislation, the right of the country’s youth to engage in entrepreneurial activities on the basis of recognition of private property, social guarantees, including the right to work, free general education and qualified medical care, was assigned to state bodies [1].

In general, over the years of independence, Uzbekistan has developed a well-developed legal and regulatory framework, created legal and economic conditions to ensure the interests of young people, demonstrate their talent and potential. In more than 20 laws, decrees and regulations adopted during this period reflected the rules and regulations directly related to youth life.

Especially, the Law “On State Youth Policy” adopted occupies an important place in the life of young people.

The Law of “On State Youth Policy”, adopted on September 14, 2016 for the purpose of radical improvement of activities in this area, has created a solid legal basis for the upbringing of a developed, self-motivated, initiative and energetic young people who are able to take responsibility for the future of our country, to use their poten-

tial for the sake of the people's interests, as well as realize their intellectual and creative potential.

Under the state youth policy, the law means a system of measures implemented by the state and providing for the creation of conditions for the social formation and development of the intellectual, creative and other potential of youth [6].

According to the law, the main directions of the state youth policy of Uzbekistan are:

- ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of young people;
- protection of life and health of young people;
- assistance to the spiritual, intellectual, physical and moral development of youth;
- providing young people with affordable and quality education;
- creation of conditions for youth employment;
- education of the youth in the spirit of patriotism, civic-mindedness, tolerance, respect for laws, national and universal values, capable of resisting harmful influences and currents, with firm convictions and outlooks on life;
- protection of young people from actions that lead to the erosion of moral principles, the ideas of terrorism and religious extremism, separatism, fundamentalism, the cult of violence and cruelty;
- raising the level of legal awareness and legal culture of youth;
- support and stimulation of gifted and talented youth;
- creation of conditions for the development of youth entrepreneurship;
- formation of young people's desire for a healthy lifestyle, as well as the creation of conditions for organizing meaningful leisure for young people and the mass development of youth sports;
- implementation of an integrated system of measures for moral and material support of young families, creating decent housing and social conditions for them;

- development of cooperation with international organizations that carry out activities in the field of realizing the rights and freedoms of young people.

Instruments for implementing state youth policy in Uzbekistan

Representatives of all branches of government are actively involved in the implementation of youth policy in Uzbekistan. In particular, the Youth Commission has been created and operates under the Legislative Chamber of the Oliy Majlis. The post of deputy heads of regions, cities and districts on social issues, spiritual education and youth has been introduced in the executive branch system, and the deputy head of the department of internal affairs for youth issues in the law enforcement system.

The Supreme Judicial Council and the Supreme Court have formed councils of youth leaders involved in protecting the rights and interests of the young generation. In addition, in each mahalla, the posts of deputy chairmen of citizens rallies on youth issues were introduced.

Positive results of the state youth policy find their embodiment in works on the full support, vocational guidance and employment of unorganized youth, the prevention of crime and offenses among the younger generation, the return to a healthy life of citizens affected by various religious extremist movements.

The competitiveness of each state and society in the conditions of dynamic development of science and technology, increasing competition in the world will depend on the intellectual development of youth and the attention given to the full realization of their talent and abilities.

According to a survey conducted by the Center for the Study of Public Opinion "Ijtimoiy Fikr", the social value of higher education among the country's youth is constantly growing. If in 2010 and 2011 only a third of young people would like to get higher education, in 2016 – 56.8 percent, then in

2017 – already 62.7 percent, and in 2018 – 65.6 percent. The youth called science and pedagogy, business, services and production, and medicine the preferred areas of higher education [8].

Therefore, this issue is reflected in the Strategy of Action on five priority directions of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021, aimed at ensuring long-term development of the state. In the Strategy, a separate section is devoted to the improvement of state youth policy. The Strategy identified a number of new important tasks to increase the social activity of young people in the process of deepening democratic reforms and the development of civil society in the country [14].

In this direction the accent was placed on employment and attraction in sphere of private business of graduates of secondary specialized, professional and higher educational institutions. Development has received the practice of targeted training of specialists, implying the formation of quotas for admission based on forecast indices of the development of economic sectors, concluding quadripartite agreements with college graduates for their further employment.

The work of the state on the social protection of youth, the creation of decent housing and social conditions for young families is being improved. Open dialogue with the youth of central and local legislative and executive authorities, leaders of the judicial and legal sphere is becoming a good tradition in Uzbekistan.

The main instrument for the participation of young people in youth policy is youth organizations. In this connection, on the initiative of the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev, on 30 June 2017, a completely new organization – the Youth Union of Uzbekistan was formed on the basis of the previously functioning youth social movement “Kamolot”. In addition, June 30 declared the Day of Youth in Uzbekistan.

Should be noted that the Youth Union of Uzbekistan, uniting in its ranks 7 million 680 thousand boys and girls, is called upon to be-

come a structure that ensures effective interaction with state bodies, NGOs and other civil society institutions in the implementation of the state youth policy [16].

The development of civil society institutions significantly reduces the role of the state as a regulator of youth policy. Public organizations such as the Youth Union of Uzbekistan are actively involved in the formation and implementation of youth policy.

The efforts of state and non-state structures are aimed not only at solving the problems of certain youth groups, but also at helping those categories of youth who are focused on active work, study, professional growth.

At present, the deputies of regional and district khokims (*governors of regions*) on issues of youth policy, social development and spiritual enlightenment, deputy chiefs of the regional department of internal affairs on youth issues are appointed to their posts according to the recommendations of the Youth Union of Uzbekistan.

This organization, in cooperation with other public organizations, is conducting systematic work to provide support to children whose parents have come under the influence of religious extremist movements. In particular, only in 2017, about ten thousand young people from such families were employed [20].

As President Sh. Mirziyoyev emphasized: “The Youth Union of Uzbekistan should become a unique center for training leading cadres for the state and society, if we speak in modern language, a “social elevator” for young people. It needs to create a reserve of competent, enterprising and organizational, dedicated young leaders” [7, p. 520].

In this regard, a legal basis was the Decree of the President of Uzbekistan “On measures to improve the effectiveness of the state youth policy and support the activities of the Youth Union of Uzbekistan” on July 5, 2017 [2].

For this purpose, in 2017, Institute for the Study of Youth Problems and the Training of Prospective Personnel was established at the

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan.

Today young, promising personnel who have passed the school of the Youth Union of Uzbekistan, possessing modern knowledge and skills, leadership qualities are being appointed to senior positions in ministries and departments, large companies and banks, business associations. As noted, only within a year on the basis of recommendations of the Youth Union of Uzbekistan, banks allocated 216 billion sums of concessional loans to almost 4 thousand 300 young boys and girls, more than 184 thousand 300 young people were employed [17].

In order to stimulate active and energetic youth, serving as an example for all with their work, initiative and moral qualities, the state award “Mard uglon” (“Valiant Son of the Motherland”) and “Kelajak bunyodkori” (“Creator of the Future”) medal were established.

Should be noted that the next big step in revealing the potential of young people and assisting them in effective socialization in society became the State Program “Yoshlar – kelajagimiz” (“Youth – our future”), approved on June 27, 2018 by a separate Decree of the President of the Republic of Uzbekistan.

The State Program “Yoshlar – kelajagimiz” is aimed at providing youth employment of young people through assistance and support in the implementation of youth business initiatives, start-ups, ideas and projects, training unemployed young people in demand in the labor market for specialties and business skills, as well as increasing social and economic activity of youth in whole [15].

According to the document, has begun the construction of “Yosh tadbirkorlar” (“Young Entrepreneurs”) co-working centers on the terms of public-private partnership. These centers will be established to provide young entrepreneurs with concessional lease of premises, office equipment and consumables, and assistance in the implementation of

youth business initiatives, start-ups, ideas and projects, etc.

Moreover, it is planned to build throughout the republic “Yoshlar mehnat guzari” (“Youth’s Work Quarter”) complexes in the labor-surplus areas for the creation of trade-household and small production sites.

To date, “Yoshlar – kelajagimiz” Fund has allocated soft loans to those wishing to start their own business for a total of 692 billion 400 million soums, about 25 thousand new jobs have been created, and 125 youth employment centers “Yoshlar mehnat guzari” have been commissioned throughout the republic, 19 co-working centers “Young Entrepreneurs” [3].

Improvement of the education system – state policy priority

Growth rates and economic potential of the country in recent years have a direct impact on the development of the social sphere. The issue of modern education of young people is of particular importance and relevance in the social sphere.

It is known from history that in every age, enlightenment has given impetus to the welfare and development of society. In our country, great attention is paid to the practical implementation of the principle of continuous education.

In recent years, large-scale measures have been undertaken to modernize the education system and further enhance the role of youth as a driving force of development in our society.

Special attention is paid in the country to the system of pre-school education, which is the first stage of upbringing of a harmoniously developed generation. In 2017, this area was separated from the Ministry of Public Education and a separate Ministry of Pre-school education was evidence of this [13].

The main task of the state policy is to create new kindergartens throughout the country in the coming years, to raise the quality and level of education, to cover 100 % of kindergartens.

In the field of general education, special attention is paid to the construction and renovation of new educational institutions. In 2017 alone, 12 secondary schools were rebuilt in the country, 320 were reconstructed, and 152 schools were overhauled.

In addition, 11-year secondary education was restored in the country. Innovative schools under the auspices of Muhammad Khorezmi and Mirzo Ulugbek, President Schools have been established.

Further improvement of the system of higher education has become an important area of social sector reforms. In particular, the program of comprehensive development of the higher education system for 2017–2021 was adopted. Transparent enrollment mechanisms have been introduced in higher education institutions and quotas have been significantly increased.

In the system of higher education new, modern educational institutions, including the branches of reputable foreign universities are being established. The number of institutes of higher education in the country reached 81, new branches – 15, branches of foreign universities – 7. Correspondence and evening branches are opened in higher educational institutions.

As the President of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev noted: “Of all these, we pursue a common goal. In other words, Uzbekistan must be competitive in the world in the field of science, intellectual potential, modern human resources and high technologies” [12, p. 12].

It is worth noting that in our country, special attention is paid to the education and upbringing of the main period of maturity (from 3 to 22 years). After all, spending on a person, his potential, his knowledge and health is not really a cost, but a prospective investment.

Contemporary interpretation refers to the reserve of knowledge, skills, abilities and incentives of a person whose capital is of economic value. This capital will serve as a future source of income and benefits not only for the individual but also for the society.

Experience of developed countries shows that young people, who have reached the age of 22, with full knowledge and potential, will return this investment to society 15–17 times as much as their contribution to community development. In Uzbekistan, the figure is only 4 times.

Increasing the coverage of preschool education by 34 % to 44 %, establishing a modern system of general secondary education and establishing private schools and kindergartens on the basis of public-private partnerships as an important practical step towards further development of the education sector in Uzbekistan. The emphasis is placed on further enhancing efforts to create equal opportunities for higher education.

In particular, over the past two years the level of coverage of graduates of higher and secondary specialized educational institutions with higher education has been increased from 9–10 % to 15 %. In developed countries this figure is 60–70 %.

In 2019, our country managed to achieve raising the level of coverage of graduates with higher education to 20 percent. In the coming years, it is planned to gradually increase this indicator as far as possible. To achieve this goal, the following measures are taken:

- strengthening the competitive environment for the training of highly qualified personnel among universities and non-state educational institutions;
- providing young people with the opportunity to apply to several universities at the same time;
- introduction of the system of independent selection of admission quotas based on real opportunities for higher education institutions;
- expanding opportunities for undergraduate students to continue their education abroad [11].

These measures give a powerful impetus not only to the further expansion of educational opportunities for young people, but also for their formation as competitive personnel with high intellectual potential, mod-

ern knowledge and skills, to realize their innovative ideas and aspirations.

Contemporary youth policy in Uzbekistan is gradually being implemented on the basis of the *Five important initiatives by Sh.Mirziyoyev*, which envisage system-based policies in social, spiritual and educational areas, have marked the beginning of a new stage in the upbringing and education of young people, for the first time in the history of Uzbekistan.

The first initiative is to enhance the interests of young people in music, drawing, literature, theater and other kinds of arts.

The second initiative is the physical hardening of young people, creating an enabling environment for them to demonstrate their aptitudes.

The third initiative is ensuring an effective use of computer technologies and Internet by the population and young people.

The fourth initiative comes to organizing regular activities to raise spirituality of young people, and to widely promote the reading of books.

The fifth initiative is to ensure the employment of women.

These initiatives of the President of Uzbekistan were welcomed both by the people in general and by the youth, so in a short time they spread widely throughout the country [19].

Conclusion

Uzbekistan has taken a course to increase the role of youth in the socio-political life of society. In this regard, emphasis is placed on the full support of youth initiatives, both from the state and from youth organizations.

The activities of the Youth Union of Uzbekistan are called upon to engage in the full support of the younger generation, and to fundamentally reform the system of protecting the rights and legal interests of this segment of the population.

Can be argued that main goals of the state youth policy in Uzbekistan is to educate physically healthy, spiritually and intellectually developed youth who are independent

and devoted to the Motherland, with firm life views.

Open dialogue with youth is becoming the main mechanism for increasing the social activity of young people, their involvement in the processes of forming a modern state. In current conditions in Uzbekistan, young people can become an active force in a society that can fully absorb new democratic values and in the future take responsibility for the country's development.

Bibliography

1. Constitution of the Republic of Uzbekistan. (2017). Tashkent: Uzbekistan. English version. Available at: <http://constitution.uz/en> (accessed 09.08.2019)
2. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures to improve the effectiveness of the state youth policy and support the activities of the Youth Union of Uzbekistan". (2017, July 5). *Official daily newspaper "Xalq so'zi"*. Available at: www.xs.uz. (accessed 09.08.2019)
3. Festive congratulations to the youth of Uzbekistan. 30.06.2019. (In Russian) Available at: <http://uza.uz/ru/politics/prazdnichnoe-pozdravlenie-molodezhi-uzbekistana-30-06-2019> (accessed 09.08.2019)
4. Gosudarstvennaya molodejnaya politika: mejdunarodniy opit. [State youth policy: international experience] (In Russian) Available at: http://db.rgub.ru/youthpolicy/2/1_gmp_mejdunarod_opit-781-2.pdf (accessed 09.08.2019)
5. Komarova M.S. (2016). Molodej kak sub'ekt gosudarstvennoy molodejnoy politiki [Youth as a subject of the state youth policy] *Vlast*. #4.
6. Law of the Republic of Uzbekistan "On State Youth Policy", September 14, 2016. *Uzbekistan national legislation database – Lex.Uz*. Available at: www.lex.uz/docs/3026250 (accessed 09.08.2019)
7. Mirziyoyev, Sh.M. (2017) *Milliy taraqqiyot yo'limizni qat'iyat bilan davom ettirib, yangi bosqichga ko'taramiz*. 1-jild. [Resolutely continuing the path of national development, we will take it to a new level.] Vol.1. (In Uzbek) Tashkent: Uzbekistan.
8. Molodej Uzbekistana: jiznennie sennosti, nra-vstvennost, sotsialnie orientiri. [The youth of Uzbekistan: vital values, morality, social guidelines] 20.11.2018. Available at: <http://uza.uz/ru/society/molodezh-uzbekistana-zhiznennye-tsennosti-nravstvennost-sots-20-11-2018> (accessed 09.08.2019)

9. Molodej. [Youth] (In Russian) Available at: <https://un.org/sustainable-development/ru/youth/> (accessed 09.08.2019)
10. Molodejnaya politika. [Youth policy] (In Russian) Available at: <https://www.unicef.org/uzbekistan/molodejnaya-politika> (accessed 09.08.2019)
11. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlisga Murojaatnomasi. [Address of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis]. (In Uzbek). “*Xalq so‘zi*” gazetasi. 2018 yil 29 dekabr. №271-272 (7229-7230)
12. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlisga Murojaatnomasi. (2018) [Address of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis]. (In Uzbek). Tashkent: O‘zbekiston.
13. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Maktabgacha ta’lim tizimi boshqaruvini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Farmoni. 2017 yil 30 sentabr [Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures for the fundamental improvement of the system of management of pre-school education"] (In Uzbek). *Uzbekistan national legislation database – Lex.Uz*. Available at: <http://www.lex.uz/docs/-3362886> (accessed 09.08.2019)
14. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “O‘zbekiston Respublikasini yanada rivojlantirish bo‘yicha Harakatlar strategiyasi to‘g‘risida”gi Farmoni [Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On the Strategy of Action on the Further Development of the Republic of Uzbekistan”]. (In Uzbek). “*Xalq so‘zi*” gazetasi. 2017 yil 8 fevral. №28 (6722).
15. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Yoshlar – kelajagimiz” Davlat dasturi to‘g‘risida”gi Farmoni. 2018 yil 27 iyun [The decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On the state program “Yoshlar – kelajagimiz”] (In Uzbek). *Uzbekistan national legislation database – Lex.Uz*. Available at: <http://lex.uz/ru/docs/-3826820> (accessed 09.08.2019)
16. O‘zbekiston yoshlar ittifoqi. [Union of Youth of Uzbekistan] (In Uzbek). Available at: <http://yoshlarittifoqi.uz/uz/menu/maqsad-va-vazifalar> (accessed 09.08.2019)
17. President congratulates the youth of Uzbekistan. 30/06/2018. *Uzbekistan national news agency - UZA*. Available at: <http://uza.uz/en/politics/president-congratulates-youth-of-uzbekistan-30-06-2018> (accessed 09.08.2019)
18. Speech of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the 72nd session of the UN General Assembly. September 19, 2017. Available at: <https://mfa.uz/en/press/news/2017/09/12493/>. (accessed 09.08.2019)
19. Uzbekistan: the land of the young. *Development Strategy Center*. 24.07.2019. Available at: <https://strategy.uz/index.php?news=615> (accessed 09.08.2019)
20. Vladimir Norov: «Uzbekskiy opit borbi s terrorizmom vizivaet interes za rubejom». [“The Uzbek experience in the fight against terrorism is of interest abroad”] 05.11.2018. (In Russian). Available at: <http://xs.uz/ru/post/antiterror> (accessed 09.08.2019)
21. Woodman, D., & Wyn, J. (2013). Youth Policy and Generations: Why Youth Policy Needs to ‘Rethink Youth’. *Social Policy and Society*. 12(2). DOI: 10.1017/S1474746412000589

© Saydaliyeva N. Z.,
Nazirov M. M., 2020.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, од-

ному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes

after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2020 ГОДУ**

Дата	Название
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,075
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 3, 2020

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 28.09.2020. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 11,7. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33